Окончание табл.

Раздел	Глава
III. Военная политика Республики Беларусь и ее реализация	6. Основы военной политики
	7. Обеспечение военной безопасности
	8. Разрешение военных конфликтов
	9. Применение военной силы в рамках исполнения союзнических обязательств и участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности
IV. Военная организация государства	10. Основы управления военной организацией государства, функции и задачи ее структурных компонентов
	11. Военное строительство
V. Военно-экономические основы военной безопасности и вооруженной защиты	12. Основы экономического обеспечения военной безопасности и вооруженной защиты
	13. Развитие оборонного сектора экономики
	14. Военно-техническое сотрудничество
VI. Заключительные положения	Гарантируется твердое и последовательное выполнение положений Военной доктрины, подтверждается принципиальная приверженность поддержанию международного мира и безопасности. Положения Военной доктрины могут уточняться. Пакет документов в сфере военной политики разрабатывается исходя из положений Военной доктрины

Следует подчеркнуть, что сформулированное определение Военной доктрины [5, ст. 1] четко выделяет ее *предметную область* – поддержание международного мира и безопасности, обеспечение военной безопасности Республики Беларусь, ее вооруженную защиту в рамках обороны государства.

Военная доктрина базируется «на результатах оценки военно-политической обстановки в мире и Европейском регионе, прогнозе ее развития, научных исследованиях в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также на опыте военного строительства и применения военной силы в современных условиях» [5, ст. 2]. Проведенный комплексный анализ и прогнозирование развития военно-политической действительности позволили уточнить сущностное содержание системы обеспечения военной безопасности, а также выработать рациональный механизм достижения главной цели – сохранение мира и безопасности на белорусской земле.

В то же время Военная доктрина, на наш взгляд, это своеобразный духовно-правовой синтез истории, традиций, современности и будущего в контексте обеспечения защиты Отечества. Она имеет прочный государственный фундамент. Ее правовой основой выступают Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания, другие решения, принятые республиканским референдумом или Всебелорусским народным собранием по вопросам военной политики, международные договоры Республики Беларусь [5, ст. 4].

Анализ основных положений Военной доктрины показывает, что *главным императивом* реализуемой военной политики Беларуси является «укрепление международного мира и безопасности» [5, ст. 45]. Это *первая* и ключевая характеристика данного документа. Обратим внимание, что уже в основах Военной доктрины (глава 1) фиксируется, что «Республика Беларусь как независимое, суверенное и миролюбивое государство подтверждает неизменность своей военной политики, готовность выступать площадкой для мирного урегулирования конфликтов и запуска глобального диалога по безопасности» [5, ст. 3]. *Вторая* характеристика заключается в том, что она «осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и придерживается принципов мирного урегулирования споров, равенства государств, невмешательства во внутренние дела, других общепризнанных принципов и норм международного права» [5, ст. 45]. Можно утверждать, что данный документ является доктриной решения межгосударственных противоречий не посредством военной силы, а путем использования возможностей политико-дипломатических, правовых, экономических, социальных, информационных, идеологических, военных и других мер по недопущению эскалации военных опасностей, предотвращению военных конфликтов и обеспечению военной безопасности Республики Беларусь.

Безопасности Республики Беларусь, Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь, Министерства обороны, Генерального штаба Вооруженных Сил, государственных органов и организаций, входящих в военную организацию государства по вопросам обеспечения военной безопасности государства.

Важным элементом Военной доктрины является определение задач Вооруженным Силам и другим войскам по вооруженной защите государства [5, ст. 101]. Необходимым фактором обес-

печ101]. Необходимым фактором обес-

в сфере военной политики, военного строительства, регулирования деятельности военной организации государства, План обороны Республики Беларусь, а также государственные целевые программы и другие программы, направленные на обеспечение реализации военной политики, разрабатываются (уточняются) исходя из положений Военной доктрины [5, ст. 122].

Заключение. Таким образом, развитие теории национальной безопасности в Беларуси, выделение структурных компонентов в общей системе безопасности республики свидетельствуют, что одной из «центральных» сфер системы является военная сфера национальной безопасности. Она имеет прочный философско-методологический фундамент и скоординированную систему мер по обеспечению военной безопасности и обороны страны, содержащуюся в Военной доктрине Республики Беларусь.

В целом Военная доктрина разработана в соответствии с научными методологическими принципами, подготовлена на основе системного и критического научного анализа военно-силовых реалий современности, имеет явную практическую и прогностическую направленность с учетом трансформации сферы национальной и военной безопасности и влияющих на них условий и факторов.

Военная доктрина, являясь идейным ядром военной политики Республики Беларусь, призвана скоординировать меры военно-политического, военно-стратегического, военно-экономического характера, предпринимаемые органами государственной власти и управления в важнейшей для государства сфере – военной безопасности.

Как было отмечено выше, Военная доктрина рационально отражает военно-политическую реальность и соответствует проводимой военной политике Республики Беларусь. Значимыми в контексте формирования современного облика гражданско-военных отношений являются ее положения, направленные на диалектическое взаимодействие военной организации государства с институтами гражданского общества, участие различных институтов социума и граждан в обеспечении военной безопасности.

В соответствии с положениями Военной доктрины наша страна предпринимает все меры по недопущению эскалации военных опасностей и предотвращению военных конфликтов как на международной арене, так и на внутригосударственном уровне [5, ст. 57]. Следовательно, акцент в философии безопасности сделан на систему стратегического сдерживания от развязывания военных конфликтов.

В Военной доктрине отмечается: «Способность Республики Беларусь влиять на процессы по недопущению эскалации военных опасностей опирается на устойчивую государственную власть, готовность граждан к вооруженной защите, наличие у Республики Беларусь боеготовой военной организации государства, а также поддержку со стороны государств – союзников Республики Беларусь и дружественных ей государств в межгосударственных отношениях» [5, ст. 58].

Уже вступили в действие как Концепция, так и ее часть в области военной сферы – Военная доктрина, которые учитывают геополитические трансформации современного мира, изменения военно-политической и стратегической обстановки в Европе, корректировку Конституции государства на последнем референдуме.

Военная доктрина как политико-правовой документ требует его ясного понимания и практического исполнения не только органами государственного и военного управления, но и всеми гражданами Республики Беларусь. Полагаем, что следует рассмотреть возможность включения содержания Военной доктрины в систему подготовки специалистов как в рамках военной организации государства, так и всех учреждений образования, поскольку от степени ее понимания в пределах компетенции зависит безопасность отдельного гражданина, белорусского общества и всего государства.

В системе идеологической работы целесообразно сосредоточить усилия на методологии обеспечения не только национальной безопасности, но и ее важнейшей части – военной безопасности.

Перспективы социального прогресса, стабильности и развития в современном мире неотделимы от готовности государств к предупреждению и нейтрализации агрессивных устремлений, пресечению возникающих конфликтов, твердой и последовательной реализации и защите национальных интересов страны с использованием комплекса невоенных и военных средств.

Анализ сущности и содержания Военной доктрины позволяет заключить, что она диалектически сочетает в себе меры политического, стратегического и экономического характера для достижения мира и безопасности на белорусской земле. В документе отмечается: «Республика Беларусь свою вооруженную защиту во всех видах военных конфликтов, которые могут быть развязаны против нее или в которые она может быть вовлечена, осуществляет в целях сохранения независимости, территориальной целостности, суверенитета, конституционного строя Республики Беларусь и прекращения военных действий на условиях, не противоречащих ее национальным интересам» [5, ст. 78].

Еще раз подчеркнем принципиальную приверженность идеологии мира и созидания, безопасности для всех стран и народов, которой руководствуются граждане страны в соответствии с Конституцией Республики Беларусь: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права. Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств» [8, ст. 18].

Учитывая социальную значимость военной безопасности [9], наша страна последовательно продолжает совершенствовать военную сферу национальной безопасности, основываясь на анализе и прогнозе развития международной, военно-политической и стратегической обстановки. Основные философско-мировоззренческие ориентиры обеспечения военной безопасности и обороны страны, или идеология функционирования всей военной сферы национальной безопасности, зафиксированы в Концепции и Военной доктрине Республики Беларусь, а в контексте союзного строительства – в Военной доктрине Союзного государства.

Список использованных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

2. Ксенофонтов, В. А. Социальная диалектика как методологическая основа исследования военной сферы национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Философские исследования: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск, 2022. – Вып. 9. – С. 23–39.

3. Гулевич, В. В. Современная война и мир: истоки и предпосылки вооруженных конфликтов XXI века: (на примере украинского кризиса) / В. В. Гулевич. – Минск: ИВЦ Минфина, 2024. – 208 с.

4. Война и мир в терминах и определениях: воен.-полит. слов. / под общ. ред. Д. О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 636 с.

5. Военная доктрина Республики Беларусь: решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 6. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

6. Тюшкевич, С. А. О законах войны: вопросы военной теории и методологии / С. А. Тюшкевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 352 с.

7. Ксенофонтов, В. А. Ментальная война и национальная безопасность / В. А. Ксенофонтов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 351–364. https:/doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364

8. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

9. Ксенофонтов, В. А. Философия безопасности и судьба гуманизма в XXI веке / В. А. Ксенофонтов, В. М. Макаров, С. В. Верлуп; под общ. ред. В. А. Ксенофонтова. – Минск: Воен. акад. Респ. Беларусь, 2023. – 280 с.

References

1. *The concept of national security of the Republic of Belarus: decision of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024, no. 5*. Minsk, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2024. 62 p. (in Russian).

2. Ksenofontov V. A. Social dialectics as a methodological basis for the study of the military sphere of national security. *Filosofskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Philosophical studies: collection of scientific papers]. Minsk, 2022, no. 9, pp. 23–39 (in Russian).

3. Gulevich V. V. *Modern war and peace: the origins and prerequisites of armed conflicts of the 21st century: (on the example of the Ukrainian crisis).* Minsk, IVTs Minfina Publ., 2024. 208 p. (in Russian).

4. Rogozin D. O. (ed.). *War and peace in terms and definitions: military-political dictionary.* Moscow, Veche Publ., 2011. 636 p. (in Russian).

5. *Military Doctrine of the Republic of Belarus: Decision of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024, no. 6.* Minsk, National Center for Legal Information. Republic of Belarus, 2024. 62 p. (in Russian).

6. Tyushkevich S. A. *On the laws of war: issues of military theory and methodology*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 352 p. (in Russian).

7. Ksenofontov V. A. Mental warfare and national security. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 351–364 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-351-364

8. *Constitution of the Republic of Belarus: with amendments and additions adopted at the republican referendums of November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022*. Minsk, National Center for Legal Information Republic of Belarus, 2024. 109 p. (in Russian).

9. Ksenofontov V. A., Makarov V. M., Verlup S. V. *Philosophy of security and the fate of humanism in the XXI century.* Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, 2023. 280 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич − кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk 220057, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 165.2
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39

Поступила в редакцию 03.01.2024
Received 03.01.2024

А. М. Кардаш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМА ПОРЯДКОВ ЗНАНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Аннотация. Рассматриваются КК-принцип и связанная с ним категория порядков знания. Определяется характер сложившейся эпистемологической дискуссии, ставится проблема разрастающихся порядков знания и предлагается решение, связывающее порядки знания с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана.

Во введении обозначается, что исследование КК-принципа является наиболее активно разрабатываемой метакогнитивной темой современной эпистемологии. Само же метапознание является областью междисциплинарных исследований, где философия может предложить прояснение некоторых концепций, в частности, идеи порядков знания, которая зачастую некритично «онтологизируется». В основной части статьи рассматривается характер исследования КК-принципа, которое происходит на стыке между эпистемологией и эпистемической логикой. Показывается разница между категоричной и некатегоричной формулировками принципа. Обозначается связанный с КК-принципом спектр тематик от исследования логических парадоксов до практических следствий, касающихся оценки когнитивных способностей животных. Далее ставится проблема разрастающихся порядков знания, состоящая в том, что если знанию менее высокого порядка всегда соответствует знание более высокого порядка, то неясно, какого порядка знания достаточно, чтобы утвердить наличие знания первого порядка. В заключении предлагается понимание порядков знания как номинального обозначения, относящегося к сфере нормативности и языковой прагматики. Понятые таким образом порядки знания связываются с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана.

Ключевые слова: эпистемология, знание, КК-принцип, порядки знания, метапознание, позитивная интроспекция, знание второго порядка

Для цитирования: Кардаш, А. М. Проблема порядков знания в эпистемологии / А. М. Кардаш // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 28–39. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39

Aleksey M. Kardash

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

KNOWLEDGE ORDERS PROBLEM IN EPISTEMOLOGY

Abstract. This article examines how the debate over KK principle (Knowing that One Knows) introduces the notion of knowledge orders into epistemology, which standardly involves a division into first- and second-order knowledge. The uncritical understanding of knowledge orders leads to their naive ontologization, which has negative theoretical and practical consequences. One such consequence is the problem of proliferating orders of knowledge, which consists in the fact that if knowledge of a lower order always corresponds to knowledge of a higher order, it is not clear what order is needed to possess first-order knowledge. As a solution, it is proposed to understand knowledge orders as a nominal designation related to the evaluation of the position of knowledge in epistemic history (as this concept is understood by Alvin Goldman).

Keywords: epistemology, knowledge, KK principle, knowledge orders, metacognition, positive introspection, second-order knowledge

For citation: Kardash A. M. Knowledge orders problem in epistemology. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 1, pp. 28–39 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39

Введение. Согласно КК-принципу, если субъект знает, что *p*, то он также знает о том, что он знает, что *p*[1]. Эпистемологи стараются выяснить, может ли этот принцип быть истинным за пределами эпистемической логики, которая принимает его как аксиому позитивной интроспекции.

За годы философской дискуссии у принципа возникли как сторонники, коим, например, является Яакко Хинтикка, так и критики, среди которых первенство принадлежит Тимоти Уильямсону, предложившему наиболее известные аргументы против «КК». Одновременно с этим сло-

© Кардаш А. М., 2025

[1] Под «*p*» понимается любая пропозиция, т. е. повествовательное предложение о некотором факте или положении дел.

жились и разнообразные интерпретации того, что вообще собой представляет знание о знании. Зачастую оно связывается с интроспекцией и рефлексией.

Поскольку обсуждение принципа происходит во многом на границе между эпистемологией и эпистемической логикой, неформальной и формальной философией, то оно не очень известно за пределами обозначенных дисциплин. При этом КК-принцип можно назвать наиболее активно обсуждаемой и исследуемой *метакогнитивной* темой в эпистемологии. Исследование метакогнитивных процессов, метапознания, или метакогниции, – это область междисциплинарных исследований (скорее де-юре, чем де-факто), которую часто в первую очередь связывают с психологией, обратившейся к метапознанию в 1990-х гг. в связи с его важностью для процесса обучения [1]. Несмотря на наличие работ, которые упоминают эпистемологию в связи с метакогнитивной психологией [1; 2], следует констатировать пробел в этом вопросе между теорией познания и эмпирическими исследованиями.

Отчасти это обусловлено тем, что представители разных дисциплин интересуются разными аспектами метапознания и, более того, самим метапознанием в разных смыслах. Однако часть таких исследований, как философских, так и относящихся к другим дисциплинам, объединяет общая черта, которая напрямую относится к эпистемологическому анализу КК-принципа, – они исходят из представления о двух уровнях познания (некого первичного уровня и вторичного мета-уровня), из чего проистекает представление о порядках познавательных явлений. Для иллюстрации приведем несколько примеров того, как в разных темах исследователи апеллируют к познавательным явлениям различных порядков: в эпистемологии разногласий («epistemology of disagreement») используется терминология эпистемических установок высшего порядка [3]; в других подобластях эпистемологии обсуждаются убеждения высшего порядка и обоснование высшего порядка [4; 5]; в психологии обучения говорится о мышлении высшего порядка [6]; в исследованиях рациональности пишется об интеллектуальных предпочтениях второго порядка [7]; возникновение знания второго порядка рассматривается как важная часть развития античной науки [8]; исследования когнитивных способностей животных активно обращаются к представлению Деннета об интенциональных системах различных порядков [9].

Естественно, мы не утверждаем, что в каждом из этих выборочных примеров порядки познавательных явлений обязательно понимаются схожим образом и выводы, достигнутые философами в обсуждении КК-принципа, актуальны для любого исследования, явно или неявно касающегося метапознания. Другое дело, что именно на примере КК-принципа ярко проявляются проблемы, связанные с наивной «онтологизацией» категории порядков знания (следовательно, и ряда связанных с ним эпистемических явлений), т. е. представления, согласно которому категория порядка знания касается самой природы знания как явления. Некритично обращаясь к концепциям, вроде «знания первого порядка» и «знания второго порядка», мы рискуем приписать разным словам некое сущее просто по факту разности слов.

В рамках данной статьи мы погрузимся в некоторые тонкости эпистемологического обсуждения КК-принципа, чтобы явным образом поставить проблему разрастающихся порядков знания, которая, надеемся, может быть актуальной не только для специалистов-эпистемологов, но и широкого круга исследователей, обращающихся к идее знания различных порядков.

КК-принцип в общей эпистемологии. Что собой представляет дискуссия о КК-принципе и сам этот принцип? Своими корнями КК-принцип восходит к логическим штудиям финского философа и логика Яакко Хинтикки, который в книге «Знание и убеждение: введение в логику двух понятий» (1962 г.) описал формальный язык, который посредством семантики возможных миров Крипке позволяет формально и строго исследовать такое неформальное явление, как знание. Тем самым он предложил версию эпистемической логики, которая сегодня является базовой [10]. Необходимо отметить, что книга Хинтикки не выглядит как сборник формул. Наоборот, она полна философских размышлений о знании и его характеристиках. Ввиду этой специфики некоторые темы из работы Хинтикки стали областью продуктивного взаимодействия между формальной и неформальной эпистемологией. Хотя сам он утверждал, что в дискуссии, возникшей по следам его работы, порой с трудом узнает собственные идеи, и особенно это касается полемики о «КК».

Так, его логика предполагает аксиому позитивной интроспекции – представление о том, что если некто знает, что *p*, то он также знает о том, что он знает, что *p*[1]. В неформальных трактовках такое «знание о знании» трактуется как высокопорядковое, рефлексивное, интроспективное, самонаправленное и т. д. Поскольку в эпистемической логике оператор знания коротко записывается буквой «К», то позитивная интроспекция выглядит как два «К» подряд, из-за чего аксиому позитивной интроспекции Ристо Хилпинен и назвал «КК-принципом» [11].

Выглядит она следующим образом:

Аксиома позитивной интроспекции: $KnP \rightarrow KnKnP$.

Содержательно здесь выражается следующее: если субъект *n* знает (*K*), что *p*, то он также знает о том, что он знает, что *p*. Аксиома задает определенное свойство знания как оператора, однако важный нюанс состоит в том, что, несмотря на использование слова «интроспекция», базовая эпистемическая логика не касается вопроса о том, *как* субъект знает о том, что знает [12, p. 6–7]. Таким образом, здесь открывается понятная область для исследования в рамках общей эпистемологии, где КК-принцип обычно понимается как тезис о природе или характере знания. Соответственно, «знание о собственном знании» нередко трактуется как форма интроспекции или рефлексивного знания. Именно в таком понимании дискуссия о возможности безусловного знания о знании рассматривается в контексте общей эпистемологической полемики между интернализмом и экстернализмом [13].

Ещё раз подчеркнем, что эпистемическая логика просто не охватывает часть вопросов, которые возникают при переносе КК-принципа в общую эпистемологию, а поэтому само указание на наличие такой аксиомы не может служить аргументом в пользу некоторой теории интроспекции или интерналистской эпистемологии – наоборот, именно последние призваны прояснить, является ли аксиома интуитивной, выражает ли она некое фундаментальное свойство знания как явления вообще, а не только как логического оператора. В рамках эпистемической логики аксиома позитивной интроспекции может рассматриваться как идеализация, применяемая для моделирования ситуаций с идеализированными эпистемическими агентами, которые знают всё о своём знании.

Чтобы избежать возможной путаницы, мы будем в случае логического разворота темы писать об «*аксиоме позитивной интроспекции*», а во всех остальных ситуациях о «*КК-принципе*», или «*тезисе знания о знании*». Насколько можно судить, в научной литературе такое разделение терминов не принято, однако оно нам кажется необходимым, чтобы минимизировать смешение вопросов о формальной валидности и неформальной состоятельности КК-принципа.

Собственно, даже сам автор этого принципа – Яакко Хинтикка – предполагал, что КК-принцип может выражать сильное условие, которое соблюдается в формальных системах, а в обычной жизни скорее возникает как способ удостовериться в том, действительно ли некто знает [14; 15]. Категоричную формулировку принципа, представленную ниже, Хинтикка называл неаккуратной [15]. Он считал, что философы рассматривают знание в сильном смысле этого слова, что для Хинтикки означало следующее: если человек знает, что *p*, то никакая новая информация не может убедить человека в $\neg p$. Хинтикка считал, что состояние «знания о знании» – это и есть состояние, в котором субъект уже не нуждается в новой информации, чтобы знать, что *p*; одновременно с этим Хинтикка допускал, что в обычной жизни мы говорим о знании в слабом смысле слова, под чем фактически он понимал попперианское знание, которое принципиально допускает возможность изменения при возникновении новой информации [10; 16].

У того факта, что КК-принцип сразу полагается и как аксиома эпистемической логики, и как свойство реального познавательного явления, имеются эпистемологические последствия: 1) допускается, что КК-принцип может быть более формально состоятелен, чем содержательно; 2) допускается, что категоричная формулировка принципа (о том, что знание всегда предполагает

[1] Кроме этого, есть и аксиома негативной интроспекции, согласно которой, если субъект не знает, что *p*, то он знает, что этого не знает. В эпистемологии она широко не обсуждается ввиду наличия очевидных контрпримеров (например, люди с дальтонизмом могут не знать, что они не знают цвет некоторого предмета; данное незнание о незнании нарушает аксиому негативной интроспекции).

второпорядковое знание о нём) может быть актуальной только для эпистемической логики, но не для ординарных не-идеализированных познавательных ситуаций.

Второе следствие в некоторой мере интуитивно принимается многими авторами, которые рассуждают о тезисе знания о знании, поскольку они заведомо рассматривают некатегоричную формулировку и нередко даже дополнительно ограничивают её. Чтобы не перечислять все возможные варианты, приведем общую категоричную и некатегоричную формулировки, по отношению к которым ограниченные формулировки обычно являются деривативными:

Категоричная формулировка КК-принципа: если субъект знает, что *p*, то он с необходимостью знает о том, что он знает, что *p* (например, упоминается в [3; 5; 8; 17, p. 221; 18; 19, p. 115–119]).

Некатегоричная формулировка КК-принципа: если субъект знает, что *p*, то он может узнать о том, что он знает, что *p* (например, упоминается в [6; 19, p. 95; 20–22])[1].

Основной эпистемологический вопрос заключается в следующем: может ли КК-принцип быть истинным вне рамок логической идеализации? Основные противоборствующие стороны – это в первую очередь люди, которые пытаются доказать, что знание действительно всегда сопровождается знанием о знании. Им же приходится как-то объяснять очень нетривиальные формальные следствия такой позиции, поскольку «КК-принцип» не ограничивается на втором порядке знания – в эпистемической логике каждый более низкий порядок влечет за собой порядок более высокий. Кажется, что в жизни, даже когда мы знаем о своем знании, то мы не склонны замыкаться в бесконечной рефлексивной валидации своих знаний о знании.

Те же, кто отрицают КК-принцип, также сталкиваются с концептуальным вызовом. Они допускают, что возможна ситуация, когда агент не знает о том, что он знает. Приводить разнообразные примеры такого незнания о знании нелегко. Проще всего приводить примеры, связанные со знанием-как, поскольку мы верифицируем наличие такого знания по умению нечто делать, а не по осведомленности субъекта об этом[2]. Из-за этого получается, что зачастую предполагаемое незнание второго порядка – это явным образом вообще не в том же смысле слова знание, что и знание первого порядка.

Сторонники КК-принципа также иногда приходит к таким интерпретациям знания второго порядка, где оно является знанием в ином смысле, нежели знание первого порядка, а поэтому для последовательности что-то лучше перестать называть «знанием». Возникает понятный водораздел: одни исследователи говорят, что знанием нельзя называть эпистемическое состояние, которое не имеет никакой рефлексивности, а другие, что она неважна и знанием не стоит называть такую рефлексивность саму по себе. Полувековое исследование этих вопросов в эпистемологии приводит к выводу, что наши представления о метауровнях в познании, метакогниции и знании разных порядков оказались намного более смутными, чем это может показаться на первый взгляд.

Особенно важным это становится ввиду того, что у позиции насчет КК-принципа есть свои практические приложения и эмпирические следствия. Признано, что сторонники КК-принципа в сильном смысле и без ослабляющих переформулировок вынуждены заведомо отрицать возможность знания у нечеловеческих животных и даже детей, которые до определенного возраста не могут продемонстрировать признаки того, что они знают о собственном знании [13]. Таким образом, любая атрибуция знания животным (будь то токийские коты, которых исследовали

[1] Под «может узнать» подразумевается «being in a position to know». Буквальный перевод мог бы звучать так: «если субъект знает, то он находится в состоянии, чтобы узнать». Для общей некатегоричной формулировки не принципиально, почему он находится в этом состоянии или почему он может узнать о своем знании, хотя фактически именно на этом моменте и вводится рефлексивность субъекта как способ такого знания о знании. Принципиальным отличием некатегоричной формулировки от категоричной является введение модальности возможности. Следует отметить, что некоторые авторы считают, что некатегоричная формулировка при более подробном рассмотрении не так уж и сильно отличается от своей категоричной версии, что означает, в том числе, возможность применения против неё аргументов, выдвигаемых против сильной версии «КК» [22].

[2] Следует отметить, что знание-что (пропозициональное знание) в противовес этому удобно для иллюстрации знания о знании, поскольку любое утверждение о своем знании можно сопроводить дополнительным утверждением о знании первого утверждения и т. д.

на предмет распознания их имён [23], или обезьяны, которых исследовали на предмет того, распознают ли они незнание [24]) подразумевает эпистемологическую позицию, отрицающую КК-принцип.

Даже не исключая возможности эпистемических мета-явлений в целом, получается, что в поле междисциплинарных исследований метакогниции имеются как минимум две имплицитные теоретические позиции: первая утверждает о том, что метапознание и знание высоких порядков – это что-то очень важное для познания вообще, а другая исходит из того, что обычно метапознание даже и не нужно учитывать при исследовании знания. Философский вклад в эту область междисциплинарных исследований, таким образом, может состоять не только в попытках найти точки соприкосновения между различными сферами исследования метапознания у людей и не только, но и в попытках прояснить, какая из имплицитно принимаемых теоретически программ (принимающая или отрицающая КК-принцип) является несостоятельной.

Что же касается категоричности или некатегоричности формулировки КК-принципа, то необходимо отметить специфичный момент, связанный с тем, что некатегоричные формулировки иногда отстаивают перед критикой категоричной формулировки «КК», т. е. критикой, которая в прямом смысле не направлена на некатегоричную формулировку. При этом, как минимум, некоторые защитники, выстраивающие свои аргументы против известных доводов Уильямсона, отстаивают некатегоричную формулировку, рассматривая его аргументы против категоричной (несмотря на то, что у него есть и те, которые непосредственно касаются некатегоричной) [12; 19]. Для примера: Коэн критикует аргумент Уильямсона против категоричной формулировки КК-принципа, отстаивая некатегоричную [12]. Как нам видится, иногда в неформальном контексте обсуждение смещается в сторону вопроса о возможности знания о знании вообще, тогда как начальный вопрос состоит в том, *достаточно* ли только знания первого порядка, чтобы постулировать, что из него обязательно следует знание второго порядка о нём же.

Так, в случае категоричной формулировки заявляется о том, что знание о знании или знание второго порядка – это критерий знания вообще. Иначе говоря, нет никакого знания, которое не сопровождалось бы знанием о нём, а во всех ситуациях, когда субъект не знает, что он знает, – он не знает вообще. Категоричная формулировка КК-принципа, таким образом, полагает знание второго порядка или некоторую связанную с ним рефлексивную способность в качестве необходимого условия знания вообще. Такое прочтение характерно для такой версии эпистемического интернализма, как аксессибилизм, поскольку он подразумевает определенную форму сильного эпистемического доступа посредством интроспекции как необходимое условие обладания знанием или обоснованным убеждением [25, с. 20; 26, с. 72–73]. Знание о знании в духе категоричного КК-принципа – неплохой кандидат на эту должность.

Некатегоричная формулировка также постулирует определенное необходимое условие для знания, но ввиду того, что речь идёт о возможности (о том, что субъект *может* знать о том, что он знает), то такой вариант оказывается менее нагружен концептуально. Данный вариант тезиса знания о знании даже необязательно ведёт к интернализму, поскольку условия возможности знания о знании можно связать не с рефлексивной способностью субъекта, а с внешними по отношению к нему условиями[1]. Так или иначе, вариации некатегоричной формулировки КК-принципа характерны для умеренного интернализма в эпистемологии, тогда как экстерналисты типично отрицают КК-принцип в любых формулировках.

В целом современные эпистемологи связывают обсуждение тезиса знания о знании с достаточно широким (и в некотором роде расплывчатым) спектром вопросов. Эпистемологическое обсуждение КК-принципа по-разному применяется к дискуссии об интернализме и экстернализме, проводятся аналогии с принципом дедуктивной замкнутости, «КК» сравнивается с парадоксом

[1] В качестве примера можно иначе взглянуть на ситуацию, предлагаемую Хинтиккой [14]. Один субъект заявляет о том, что он знает, что *p*. Другой спрашивает его: «Но знаешь ли ты о том, что знаешь, что *p*?». Данное, внешнее по отношению к первому субъекту, вопрошание можно рассмотреть как истинную причину (по крайней мере в каузальном смысле) возникновения или невозникновения знания о знании у первого субъекта. Следовательно, субъект может знать о том, что он знает, но каузальной причиной такого знания второго порядка является внешний запрос, а не внутренняя рефлексия.

неожиданного экзамена, обсуждается «прозрачность» и «светимость» ментальных состояний (то, всегда ли мы знаем, что находимся в некотором ментальном состоянии, если находимся в нём), проблематизируется безусловное знание о себе, ставятся вопросы о концептуальной возможности знания у детей и животных [12; 13; 27, с. 110–113; 28, с. 115–116]. Последний набор вопросов наиболее близок к эмпирическим исследованиям метапознания, а активное внимание Уильямсона к теме «эпистемической прозрачности» («epistemic transparency») сделало эту неформальную трактовку знания о знании одной из наиболее распространенных.

Вполне ясно, что данные рассуждения проистекают из самого названия аксиомы позитивной интроспекции и «расцветают» при переносе в поле общей эпистемологии. Эпистемическая прозрачность как эпистемологический термин, собственно, и означает доступность некого состояния, когда оно имеет место, что в содержательном аспекте очень похоже на КК-принцип. Так или иначе, форма доступа необязательно должна быть знанием, а поэтому теории, предполагающие транспарентную доступность хотя бы какой-то части ментальной жизни, могут апеллировать к другим состояниям, помимо знания, например, к осведомленности. В таком случае, если осведомленность не понимается как форма знания, то такие позиции о «прозрачности» знания о себе или ментальной жизни в целом могут в прямом смысле и не отстаивать истинности тезиса знания о знании. Вместо этого они будут отстаивать по своей сути иной, хотя и внешне очень похожий принцип.

Нетривиальность порядков знания. Обсуждение тезиса знания о знании не обходится без введения, на наш взгляд, довольно нетривиального для общей эпистемологии предположения о порядках знания (и других эпистемических явлений по аналогии). В самом общем смысле к второпорядковому и высокопорядковому знанию относят знание, предметом которого также является знание. Несмотря на то что введение порядков для знания – это своего рода концептуальный багаж, который приходится хотя бы на время принять, отстаивая или опровергая этот принцип, сами эти порядки осмысляются не так уж и часто, хотя и имеются значимые исключения из общей тенденции, где порядкам знания придается серьезная теоретическая роль [29]. В целом же следует признать, что некоторые философы слишком просто принимают мысль о том, что порядок знания как элемент логический формы также существует и в качестве действительной характеристики знания.

На этом этапе важно сделать несколько замечаний о порядках знания. Обыденное употребление подразумевает разговор как о порядках персонального знания («*KnKnP*»), так и о порядках знания о знании других (например, знание такой структуры «*KnKcKaP*» может неформально называться знанием третьего порядка). В рамках обсуждения КК-принципа мы говорим только о порядках персонального знания – о том смысле «порядка», когда его интерпретируют в качестве характеристики самонаправленности или рефлексивности знания. Знание о знании других предварительно будет рассматриваться в качестве цепочки первопорядковых знаний, которые далее будут сопоставлены с идеей эпистемической истории Алвина Голдмана.

Помимо того, что в эпистемической логике «КК» не ограничивается только двумя порядками (ещё раз подчеркнем, что данный формальный аспект редко получает неформальное объяснение), подразумевая бесконечную «рефлексивность» позитивной интроспекции, персональное знание любого порядка, если мы всё-таки остановимся на каком-то конкретном порядке, также может сокращаться до знания первого порядка при наличии аксиомы «Т» (если некто знает, что *p*, то *p* – истинно)[1]. Как нам видится, сочетание этих двух фактов является неочевидным логическим свойством персональных порядков знания и, возможно, неожиданным для тех, кто пользуется подобной категорией. К этим моментам мы вернемся позже, а сейчас обратимся к той теоретической картине, где имеется знание первого и второго порядков.

Наш вопрос заключается в том, а что вообще значит для знания быть знанием второго или какого-либо ещё порядка? Общая интуиция состоит в том, что это определенно знание, которое включает в себя другое знание как свой предмет. Если порядок задается тем, что знание более высокого порядка просто включает в себя знание более низшего порядка, находясь как бы уровнем

[1] Коротко обозначим, как это возможно: 1) *Knp* → *p* (*T*); 2) *Knp* → *KnKnp* (КК); 3) Согласно (1), *KnKnp* → *Knp*.

выше (что хорошо визуально выражается формальной записью «*KnKnP*»), то в таком случае даже в рамках эпистемологии нет никакой необходимости ограничиваться только предположением о существовании знания второго порядка. Как было отмечено выше, эпистемическая логика допускает оперирование любыми порядками знания, как и сокращение любых порядков персонального знания до простого «*KnP*» – субъект знает, что *p*.

Столь простая общая интуиция допускает существование бесконечного количества порядков знания, ограниченных, видимо, только тем, сколько порядков фактически может удержать человеческий разум. Другое дело, так ли многое тогда «*порядок*» значит для знания? Если ради эксперимента попробовать удержать в голове максимально длинную цепочку пропозиционального «знания о знании о знании о знании и т. д.», то проявим ли мы тем самым метапознавательную способность особенно высокого порядка или только «первопорядковое» удержание пропозиционального содержания в уме?

Хотя конкретные случаи знания и отличаются по своему содержанию (или предмету), такое различие обычно не считается существенным признаком отличия одного вида знания от другого. Иначе говоря, можно в одном и том же смысле знать разные вещи, но также можно по отношению к одной и той же вещи находится в разных эпистемических состояниях – например, в состоянии осведомленности или в состоянии обоснованного убеждения.

Эта, на наш взгляд, общая для современной эпистемологии тенденция нечасто эксплицируется, а иногда может смешиваться с ровно противоположным подходом. Противоположный подход состоит в том, чтобы отличать эпистемические явления и, в частности, виды знания в первую очередь на основании их содержания. Если рассмотреть пример выводного и невыводного знания, то разделение, исходя из содержания, связывает с невыводным знанием что-то непосредственное, а с выводным – что-то опосредованное некоторой когнитивной операцией. На основании такой разницы иногда заявляют о том, что, например, посредством невыводного знания можно узнать что-то, что нельзя узнать посредством вывода. Например, если рассмотреть зрение как источник невыводного знания, то субъективная визуальная информация отдельного агента и окажется таким видом невыводного содержания, которое недоступно посредством вывода (такого рода различие, например, заметно в аргументе Нагеля из текста «Каково быть летучей мышью?»).

Смысл текущего указания в том, чтобы показать, что если для нас разница в содержании эпистемических явлений (и знания, в частности) – это ключевой критерий отличия одних явлений от других (одного знания от другого), то тогда количество этих явлений (видов знания) существенно возрастает. Поскольку такое раздувание эпистемического мы не считаем адекватным, то исходим из положения о том, что эпистемические явления должны иметь более фундаментальные структурные отличия, чем отличия по их содержанию. Например, если рассматривать знание-как в качестве принципиально непропозиционального и воплощенного знания, выражаемого, например, поведенческой диспозицией, то тогда, на наш взгляд, критерием отличия знания-как от знания-что является не просто разница в типичном содержании, но существенное структурное отличие. Данный подход позволяет лучше понять и содержательную связь этих видов знания, поскольку пропозициональное знание о том, что «рычаг приводит данный механизм в действие» может быть интеллектуальной частью знания-как, подразумевающего помимо овладевания самой информацией ещё и способ нажатия на этот рычаг.

Кроме того, если мы исходим из критерия, задаваемого интуицией отличия знания по его содержанию, то область того, что мы можем считать знанием более высокого порядка, сильно расширяется, контрастируя с характерной для эпистемологии бинарной моделью, где есть первопорядковое знание (непосредственное, «животное», первичное) и более высокое, второпорядковое и метакогнитивное.

Проблема разрастающихся порядков знания. Рассмотрим простой пример. Допустим, некий агент знает, что «2 + 2 = 4». Это знание первого порядка. Он также знает, что знает, что «2 + 2 = 4». Это знание второго порядка. Что ему мешает знать о том, что он обладает знанием второго порядка насчет своего первопорядкового знания? Ничего, отчего мы и получаем знание третьего порядка. Проблема в том, что эту цепочку можно продолжать до бесконечности

или хотя бы до предела когнитивных способностей человека. Назовем это *проблемой разрастающихся порядков знания*: если более высокий порядок знанию придает то, что оно является знанием о знании, то о знании любого порядка можно сформулировать знание нового порядка, превосходящее исходное на один уровень. Если же подразумевается, что знание более низкого порядка *обязательно* и *с необходимостью* подразумевает знание более высокого порядка или некоторое метакогнитивное сопровождение, то логическим пределом высоты порядка оказывается бесконечность.

Такая проблема схожа с проблемой эпистемического регресса и может играть схожую роль в скептических гипотезах. В случае регресса обоснование требует своего обоснования, а в случае разрастающихся порядков знание меньшего порядка начинает требовать наличия знания большего порядка и т. д. Ещё до того, как Хинтикка сформулировал аксиому позитивной интроспекции и началась дискуссия о КК-принципе, Гилберт Райл указывал на схожую проблему, когда писал о том, что «если для осмысленного исполнения любого действия необходимо, чтобы была исполнена, причём разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг» [30, с. 39]. Райл пишет о конкретизированном случае проблемы регресса порядков знания, когда предполагается, что знанию-как (умелому или корректному действию) всегда должно соответствовать второпорядковое знание-что (теоретическая операция). Уже в рамках сложившейся дискуссии о «КК» Уильямсон указывал на то, что КК-принцип не подразумевает какое-либо конечное количество итераций знания у субъекта, если тот знает, что *p* [19, p. 115].

Важно явно подчеркнуть, что не-скептическая эпистемология должна каким-то образом попытаться ограничить разрастание порядков знания. Особенно, если не-скептическая эпистемология принимает какую-либо из формулировок КК-принципа, поскольку если актуальное (или возможное) знание более высокого порядка – это условие для идентификации знания более низкого порядка, то возникают два возражения:

1. На какой уровень знаний о знании нам нужно будет взобраться, чтобы всё-таки знать?
2. Действительно ли он достижим или же нам всегда нужно будет делать шаг выше?

Один из вариантов ограничения разрастающихся порядков может как раз и состоять в попытке свести все к бинарному отношению знания первого и второго порядков. Можно сказать, что знанием второго порядка мы всегда называем «закрывающую» итерацию знания, тогда как всё, что находится перед ним, следует рассматривать как первопорядковое содержание. Например, в случае знания «***Kn****KnKnP*» жирным выделена закрывающая итерация знания, трактующаяся как знание второго порядка, тогда как всё, что является его содержанием, вне зависимости от того, сколько итераций знания (и не только) оно включает, необходимо рассматривать как первопорядковое познавательное явление. Иначе говоря, смысл решения в том, чтобы по аналогии с логикой «схлопывать» содержание знания второго порядка до знания первого порядка. В таком случае упомянутое выше «знание третьего порядка» будет лишь знанием первого порядка для знания насчёт этого знания. Порядки в таком случае полностью зависят от интерпретатора и выставляются им самим.

Чем может быть обосновано такое решение и, что более важно, такое понимание порядков знания, как своеобразной складной лестницы познания? В пользу такого подхода можно привести модифицированный аргумент Алвина Голдмана. Изначально он указывал на значимость эпистемической истории для конституирования обоснования и знания. Сама же эпистемическая история понимается Голдманом как объективная последовательность познавательных действий, в ходе которых возникло некоторое конкретное знание; поскольку эпистемическая история в таком случае предстает внешним по отношению к эпистемическому агенту фактором, то Голдман считал этот концепт экстерналистским [31].

Мы можем заимствовать понятие эпистемической истории, чтобы сказать, что для «закрывающего» второпорядкового знания, которое основывается на другом знании, это другое знание является частью причин, по которым второпорядковое знание возможно и актуально существует. Основной ход Голдмана состоит в том, что субъект может знать или быть обоснованно убежденным, поскольку его убеждение в истории своего возникновения имеет факт возникновения

вследствие надежного когнитивного процесса. Однако субъект не обязан помнить полную историю своих убеждений. Например, субъект может забыть о том, откуда знает, что восьмой президент США – это Мартин Ван Бюрен, и, с точки зрения Голдмана, если такое знание было получено из надежного источника или посредством надежного когнитивного процесса, то субъект все равно легитимно знает, кто был восьмым президентом США, хотя фактически и не имеет возможности объяснить, на чем именно основано его знание.

Применительно к порядкам знания ход может быть следующим. В качестве посылки можно принять, что тривиально любое выводное знание основывается на том, что также может квалифицироваться как знание. Выводное знание может выводиться из иного выводного знания или комбинации выводного и невыводного знаний. Цепочка таких выводов – это эпистемическая история получения знания. Соответственно, какой бы длинной ни была цепочка, её элемент, рассмотренный изолированно от истории, – это всегда первопорядковое знание. Знание второго или более высокого порядка – это тогда способ обозначения относительного места некоторого знания в изолированно рассмотренной цепочке эпистемических состояний[1].

Поскольку в ситуации рассмотрения двух элементов эпистемической истории один элемент неизбежно является рефлексивным по отношению к другому, который в таком рассмотрении неизбежно является первичным, то мы можем прагматически ограничить полезное рассмотрение эпистемической истории двумя порядками знания. Другое дело, что такое инструментальное разрешение проблемы разрастающихся порядков исключает простую онтологизацию порядков знания.

Следствием такого решения проблемы разрастающихся порядков является то, что в таком случае назначение знанию порядка – это высказывание не о природе знания, а о его специфическом восприятии или прагматике использования. Иначе говоря, порядок – это не то, что заложено в природу знания, а то, что мы знанию атрибутируем в неких своих целях. Каких именно? Например, для обозначения рефлексивности одного знания по отношению к другому. Является ли «рефлексивность» в таком случае также формой обращения со знанием, а не его фундаментальной характеристикой? Это открытый вопрос, выходящий за пределы настоящего исследования, но предварительно можно отметить, что потенциал есть и у отрицательного, и у утвердительного ответов. Отвечая утвердительно, мы говорим, что порядок знания – это формальное обозначение реальной степени его рефлексивности. Отвечая отрицательно, мы выступает за своеобразный монизм и горизонтальную онтологию знания, где любое (выводное и невыводное) знание находится на одном уровне. Отрицательный вариант ответа, как нам видится, когерентен левому селларсианству, в рамках которого знание – это в принципе нормативный концепт, возникающий в пространстве логических оснований, а поэтому нет ничего удивительного в том, что представление о порядках знания подчиняется нашей языковой прагматике [32].

В результате этих рассуждений можно пересмотреть некатегоричную формулировку КК-принципа. Так, обычно по аналогии с категоричной формулировкой предполагается, что одно персональное знание субъекта может выступать в качестве содержания другого. Из этого делается вывод о необходимости принципиальной возможности интроспекции или рефлексии для познания. Если же понимать порядки знания как прагматический инструмент нашего описания познавательных ситуаций, то тогда некатегоричная формулировка свидетельствует о том, что одно знание может быть частью эпистемической истории другого знания. Следует ли отсюда делать

[1] Для прояснения рассмотрим простой пример. В школе Смит узнал от учителя, кто был восьмым президентом США (*KsKtP*). Узнав это от учителя, Смит также обрел персональное знание (*KsKtP* → *KsP*). Однако из *KsP* не следует *KsKtP*. Позже Смит забыл о том, откуда он знает этот факт, но не сам факт. Смит воспринимает свое знание исключительно как первопорядковое (и это феноменологически действительно так), тогда как с точки зрения эпистемической истории его знание является второпорядковым по отношению к знанию учителя (заметим, что здесь «порядок знания» уже не означает исключительно порядок персонального знания). Рассматривая этот пример таким образом, мы сами выбираем масштаб, а поэтому ясно, что при более широком рассмотрении знанию Смита можно присвоить более высокий порядок. Порядок знания, таким образом, может означать его относительную опосредованность, что делает саму категорию порядков знания полезной в социальном контексте (например, можно попробовать выяснить, какой уровень опосредованности позволяет сохранять передачу знания, а не только мнения или чистой информации).

вывод, что способность быть частью эпистемической истории – это критерий идентификации чего-либо как знания? Не думаем, однако в некотором тривиальном смысле действительно верно, что всё, что может нами рассматриваться как знание, одновременно с этим может рассматриваться и как элемент эпистемической истории. В зависимости от того, как именно рассматривается этот элемент, он может трактоваться как второпорядковое или первопорядковое эпистемическое явление. Как нам видится, такая прагматическая и инструментальная трактовка способна эпистемологически объяснить два нетривиальных свойства порядков знания, подразумеваемых КК-принципом. Одновременно с этим соотношение порядков знания с эпистемической историей обладает объяснительным преимуществом, позволяющим взглянуть с новой стороны на смысл и характер итераций знания в цепочках познавательных актов.

Заключение. Прояснение характера порядков знания – это область, которая не была в достаточной мере отрефлексирована философами, исследовавшими КК-принцип в общей эпистемологии. Нами была явно поставлена и названа проблема разрастающихся порядков знания, состоящая в том, что стандартные подходы к анализу КК-принципа подразумевают существование неограниченного количества порядков знания. И если для эпистемической логики это не является проблемой, поскольку персональное знание сколь угодно высокого порядка можно сократить до знания первого порядка, то в рамках эпистемологии порядок знания проблематизируется тогда, когда имеется представление о том, что знания различных порядков – это различные эпистемические явления. Аналогичная концептуальная проблема может возникнуть и при эмпирических исследованиях метапознания. В процессе анализа данной проблемы было предложено понимать порядки знания прагматически, инструментально и номинально. В качестве одного из вариантов прагматического использования категории порядков знания было показано, как их можно сопоставить с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана, сделав, таким образом, оценку чего-либо как знания *n*-го порядка оценкой места этого знания в более широкой по отношению к отдельному субъекту истории приобретения знания.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Национальной академии наук Беларуси, соглашение о гранте № 2023-30-033.

Acknowledgements. This research was financially supported by the National Academy of Sciences of Belarus, project grant agreement no. 2023-30-033.

Список использованных источников

1. Hofer, B. K. Epistemology, metacognition, and self-regulation: musings on an emerging field / B. K. Hofer, G. M. Sinatra // Metacognition and Learning. – 2009. – Vol. 5. – P. 113–120. https://doi.org/10.1007/s11409-009-9051-7

2. Barzilai, S. Epistemic (meta) cognition: ways of thinking about knowledge and knowing / S. Barzilai, A. Zohar // Handbook of epistemic cognition / ed.: J. A. Greene, W. A. Sandoval, I. Bråten. – New York, 2016. – P. 409–424.

3. Hazlett, A. Higher-order epistemic attitudes and intellectual humility / A. Hazlett // Episteme. – 2012. – Vol. 9, N 3. – P. 205–233. https://doi.org/10.1017/epi.2012.11

4. Kearl, T. Epistemic akrasia and higher-order beliefs / T. Kearl // Philosophical Studies. – 2019. – Vol. 177, N 9. – P. 2051–2515. https://doi.org/10.1007/s11098-019-01323-y

5. Kappel, K. Bottom up justification, asymmetric epistemic push, and the fragility of higher order justification / K. Kappel // Episteme. – 2019. – Vol. 16, N 2. – P. 119–138. https://doi.org/10.1017/epi.2017.19

6. Zohar, A. Higher order thinking skills and low-achieving students: are they mutually exclusive? / A. Zohar, Y. J. Dori // Journal of the Learning Sciences. – 2003. – Vol. 12, N 2. – P. 145–181. https://doi.org/10.1207/S15327809JLS1202_1

7. Bruckner, D. W. Second-order preferences and instrumental rationality / D. W. Bruckner // Acta Analytica. – 2011. – Vol. 26, N 4. – P. 367–385. https://doi.org/10.1007/s12136-010-0113-x

8. Schiefsky, M. The creation of second-order knowledge in Ancient Greek Science as a process in the globalization of knowledge / M. Schiefsky // The globalization of knowledge in history / ed. J. Renn. – Berlin, 2017. – P. 191–202.

9. Dennett, D. C. The intentional stance in theory and practice / D. C. Dennett // Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans / ed.: R. W. Byrne, A. Whiten. – Oxford, 1988. – P. 180–202.

10. Hintikka, J. Knowledge and belief: an introduction to the logic of the two notions / J. Hintikka. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1962. – 179 p.

11. Hilpinen, R. Knowing that one knows and the classical definition of knowledge / R. Hilpinen // Synthese. – 1970. – Vol. 21, N 2. – P. 109–132. https://doi.org/10.1007/bf00413541

12. Cohen, M. The uncoordinated teachers puzzle / M. Cohen // Episteme. – 2024. – Vol. 21, N 3. – P. 1023–1030. https://doi.org/10.1017/epi.2023.6

13. Hemp, D. KK (knowing that one knows) principle / D. Hemp // Internet Encyclopedia of Philosophy. – URL: https://iep.utm.edu/kk-princ/ (date of access: 01.07.2023).

14. Хинтикка, Я. О подобающих (попперовских?) и неподобающих способах употребления понятия информации в эпистемологии / Я. Хинтикка // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост.: Д. Г. Лахути [и др.]; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. В. Н. Садовский. – М., 2000. – С. 291–297.

15. Hintikka, J. 'Knowing That One Knows' reviewed / J. Hintikka // Synthese. – 1970. – Vol. 21, N 2. – P. 141–162. https://doi.org/10.1007/bf00413543

16. Поппер, К. Объективное знание: эволюционный подход / К. Поппер; пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. – 4-е изд. – М.: URSS, 2022. – 384 с.

17. Williamson, T. Inexact knowledge / T. Williamson // Mind. – 1992. – Vol. 101, N 402. – P. 217–242. https://doi.org/10.1093/mind/101.402.217

18. Williamson, T. Very improbable knowing / T. Williamson // Erkenntnis. – 2014. – Vol. 79, N 5. – P. 971–999. https://doi.org/10.1007/s10670-013-9590-9

19. Williamson, T. Knowledge and its limits / T. Williamson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 352 p.

20. Das, N. Transparency and the KK principle / N. Das, B. Salow // Noûs. – 2016. – Vol. 52, N 1. – P. 3–23. https://doi.org/10.1111/nous.12158

21. Dorst, K. Abominable KK failures / K. Dorst // Mind. – 2019. – Vol. 128, N 512. – P. 1227–1259. https://doi.org/10.1093/mind/fzy067

22. San, W. K. KK, Knowledge, Knowability / W. K. San // Mind. – 2023. – Vol. 132, N 527. – P. 605–630. https://doi.org/10.1093/mind/fzac048

23. Domestic cats (Felis catus) discriminate their names from other words / A. Saito, K. Shinozuka, Y. Ito, T. Hasegawa // Scientific Reports. – 2019. – Vol. 9, N 1. – Art. 5394. https://doi.org/10.1038/s41598-019-40616-4

24. Horschler, D. Non-human primates really represent others' ignorance? A test of the awareness relations hypothesis / D. Horschler, L. Santos, E. MacLean // Cognition. – 2019. – Vol. 190. – P. 72–80. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.012

25. Прись, И. Е. Эпистемология и мораль / И. Е. Прись // Философия науки. – 2021. – № 3 (90). – С. 18–37. https://doi.org/10.15372/PS20210302

26. Каримов, А. Р. Эпистемология добродетелей / А. Р. Каримов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 426 с.

27. Козырева, О. А. Критика картезианской концепции знания о себе в англоязычной аналитической философии: обзор основных стратегий / О. А. Козырева // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59, № 1. – С. 94–116. https://doi.org/10.5840/eps20225919

28. Прись, И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб.: Алетейя, 2022. – 717 с.

29. Haddock, A. Second-order knowledge / A. Haddock // The nature and value of knowledge: three investigations / D. Pritchard, A. Millar, A. Haddock. – Oxford, 2010. – P. 219–240. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586264.003.0010

30. Райл, Г. Понятие сознания: [пер. с англ.] / Г. Райл; общ. науч. ред. В. П. Филатов. – М.: Идея-пресс: Дом интеллект. кн., 1999. – 406 с.

31. Goldman, A. Internalism, externalism, and the architecture of justification / A. Goldman // The Journal of Philosophy. – 2009. – Vol. 106, N 6. – P. 309–338. https://doi.org/10.5840/jphil2009106611

32. Peregrin, J. Should one be a left or a right Sellarsian? (And is there really such a choice?) / J. Peregrin // Metaphilosophy. – 2016. – Vol. 47, N 2. – P. 251–263. https://doi.org/10.1111/meta.12183

References

1. Hofer B. K., Sinatra G. M. Epistemology, metacognition, and self-regulation: musings on an emerging field. *Metacognition and Learning*, 2009, no. 5, pp. 113–120. https://doi.org/10.1007/s11409-009-9051-7

2. Barzilai S., Zohar A. Epistemic (meta) cognition: ways of thinking about knowledge and knowing. *Handbook of epistemic cognition*. New York, 2016, pp. 409–424.

3. Hazlett A. Higher-order epistemic attitudes and intellectual humility. *Episteme*, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 205–233. https://doi.org/10.1017/epi.2012.11

4. Kearl T. Epistemic akrasia and higher-order beliefs. *Philosophical Studies*, 2019, vol. 177, no. 9, pp. 2051–2515. https://doi.org/10.1007/s11098-019-01323-y

5. Kappel K. Bottom up justification, asymmetric epistemic push, and the fragility of higher order justification. *Episteme*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 119–138. https://doi.org/10.1017/epi.2017.19

6. Zohar A., Dori Y. J. Higher order thinking skills and low-achieving students: are they mutually exclusive? *Journal of the Learning Sciences*, 2003, vol. 12, no. 2, pp. 145–181. https://doi.org/10.1207/S15327809JLS1202_1

7. Bruckner D. W. Second-order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*, 2011, vol. 26, no. 4, pp. 367–385. https://doi.org/10.1007/s12136-010-0113-x

8. Schiefsky M. The creation of second-order knowledge in Ancient Greek Science as a process in the globalization of knowledge. *The globalization of knowledge in history*. Berlin, 2017, pp. 191–202.

9. Dennett D. C. The intentional stance in theory and practice. *Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans*. Oxford, 1988, pp. 180–202.

10. Hintikka J. *Knowledge and belief: an introduction to the logic of the two notions*. Ithaca, Cornell University Press, 1962. 179 p.

11. Hilpinen R. Knowing that one knows and the classical definition of knowledge. *Synthese*, 1970, vol. 21, no. 2, pp. 109–132. https://doi.org/10.1007/bf00413541

12. Cohen M. The uncoordinated teachers puzzle. *Episteme*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 1023–1030. https://doi.org/10.1017/epi.2023.6

13. Hemp D. KK (knowing that one knows) principle. *Internet Encyclopedia of Philosophy.* Available at: https://iep.utm.edu/kk-princ/ (date of accessed: 01.07.2023).

14. Hintikka J. On proper (popper?) and improper uses of information in epistemology. *Theoria*, 1993, vol. 59, no. 1–3, pp. 158–165. https://doi.org/10.1111/j.1755-2567.1993.tb00867.x

15. Hintikka J. 'Knowing That One Knows' reviewed. *Synthese*, 1970, vol. 21, no. 2, pp. 141–162. https://doi.org/10.1007/bf00413543

16. Popper K. R. *Objective knowledge: an evolutionary approach*. Oxford, Clarendon Press, 1979. 395 p.

17. Williamson T. Inexact knowledge. *Mind,* 1992, vol. 101, no. 402, pp. 217–242. https://doi.org/10.1093/mind/101.402.217

18. Williamson T. Very improbable knowing. *Erkenntnis,* 2014, vol. 79, no. 5, pp. 971–999. https://doi.org/10.1007/s10670-013-9590-9

19. Williamson T. *Knowledge and its limits*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 352 p.

20. Das N., Salow B. Transparency and the KK principle. *Noûs,* 2016, vol. 52, no. 1, pp. 3–23. https://doi.org/10.1111/nous.12158

21. Dorst K. Abominable KK failures. *Mind,* 2019, vol. 128, no. 512, pp. 1227–1259. https://doi.org/10.1093/mind/fzy067

22. San W. K. KK, Knowledge, Knowability. *Mind,* 2023, vol. 132, no. 527, pp. 605–630. https://doi.org/10.1093/mind/fzac048

23. Saito A., Shinozuka K., Ito Y., Hasegawa T. Domestic cats (Felis catus) discriminate their names from other words. *Scientific Reports*, 2019, vol. 9, no. 1, art. 5394. https://doi.org/10.1038/s41598-019-40616-4

24. Horschler D., Santos L., MacLean E. Non-human primates really represent others' ignorance? A test of the awareness relations hypothesis. *Cognitio*n, 2019, vol. 190, pp. 72–80. https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.012

25. Pris I. E. Epistemology and moral. *Filosofiya nauki = The Philosophy of Science*, 2021, no. 3 (90), pp. 18–37 (in Russian). https://doi.org/10.15372/PS20210302

26. Karimov A. R. *Virtue epistemology.* St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2019. 426 p. (in Russian).

27. Kozyreva O. A. Criticism on the Cartesian account of self-knowledge in English-speaking analytic philosophy: a review of the main strategies. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 1, pp. 94–116 (in Russian). https://doi.org/10.5840/eps20225919

28. Pris I. E. *Knowledge in context*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2022. 717 p. (in Russian).

29. Haddock A. Second-order knowledge. *The nature and value of knowledge: three investigations*. Oxford, 2010, pp. 219–240. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586264.003.0010

30. Ryle G. *The concept of mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1984. 334 p.

31. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification. *The Journal of Philosophy*, 2009, vol. 106, no. 6, pp. 309–338. https://doi.org/10.5840/jphil2009106611

32. Peregrin J. Should one be a left or a right Sellarsian? (And is there really such a choice?). *Metaphilosophy,* 2016, vol. 47, no. 2, pp. 251–263. https://doi.org/10.1111/meta.12183

Информация об авторе

Кардаш Алексей Михайлович – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: krdwalexei@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-9683-0601

Information about the author

Aleksey M. Kardash – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: krdwalexei@gmail.com. https://orcid.org/0000-0002-9683-0601

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 93/94:930.22
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-40-52

Поступила в редакцию 12.03.2024
Received 12.03.2024

М. Н. Сорокин[1], А. В. Думский[2], А. И. Корзун[1]

[1]Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск, Беларусь
[2]ООО «Регула», Минск, Беларусь

ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ДОКУМЕНТ НА ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Аннотация. В научный оборот вводится паспортная книжка Российской империи, выданная в 1913 г. Данный документ применялся для удостоверения личности и передвижения внутри страны. Его особенностью является наличие оттисков иностранных штампов о пересечении государственных границ, а также оттисков, доказывающих факт признания исследуемого образца наравне с государственными образцами страны, подтвердившего его действительность.

Проведено исследование бланка документа и внесенных в него данных о владельце, а также оттисков штампов, подтверждающих пересечение государственных границ на различных участках. При исследовании использовались приборы специальной проверки документов «Регула» учебно-материальной базы ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь». На основе полученных данных построены наиболее вероятные маршруты следования физического лица по документу несуществующего государства на момент пересечения государственных границ.

Исследование представленного в статье образца внутреннего документа Российской империи позволило изучить особенности организации пограничного контроля на отдельных участках государственной границы Великобритании, Германии и Польши в 20-е гг. XX века.

Ключевые слова: паспортная книжка, документ, Российская империя, государственная граница, оттиск штампа, маршрут, виза, прописка

Для цитирования: Сорокин, М. Н. Паспортная книжка Российской империи как документ на право пересечения государственной границы / М. Н. Сорокин, А. В. Думский, А. И. Корзун // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 40–52. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-40-52

Maksim N. Sarokin[1], Andrey V. Dumskiy[2], Alexey I. Korzun[1]

[1]Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
[2]Department of Regula LLC, Minsk, Belarus

PASSPORT BOOK OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A DOCUMENT FOR RIGHT TO CROSS STATE BORDER

Abstract. The term – passport book of the Russian Empire, issued in 1913 for identity verification and movement within the country, is introduced into the scientific turnover. The peculiarity of the document is the presence of stamp impressions on the crossing of the state borders, as well as stamps confirming the fact of recognition of the examined specimen on a par with the state specimens of the country that confirmed its validity.

Examination of the document and the holder's data, as well as stamp impressions proving the crossing of state borders at certain areas, was carried out. During the examination Regula document verification devices of the training and material base of the Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus were used. On the basis of the obtained data, the most probable travelling routes of a person with a document of a state considered non-existent at the moment of crossing the state borders were constructed.

The examination of the specimen of the internal document of the Russian Empire provided in the article, made it possible to study the peculiarities of the organization of border control at certain areas of the state borders of Great Britain, Germany and Poland in the 20s of the 20th century.

Keywords: passport book, document, Russian empire, state border, stamp impression, route, visa, residence permit

© Сорокин М. Н., Думский А. В., Корзун А. И., 2025

For citation: Sarokin M. N., Dumskiy A. V., Korzun A. I. Passport book of the Russian Empire as a document for right to cross state border. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 1, pp. 40–52 (in Russian). https://doi.org/10.29235/ 2524-2369-2025-70-1-40-52

Введение. Паспортная система Российской империи, введенная Петром I и развивающаяся вплоть до прихода советской власти, представляла собой совокупность законов и административных мер, направленных на контроль перемещения населения и удостоверения их личности, и способствовала привлечению к ответственности в случаях дезертирства, бегства от принудительных работ, самовольного отлучения от места постоянного проживания, а также неуплаты причитающихся денежных сборов и налогов [1–4].

В рассматриваемый период Государственным советом Российской империи 3 июня 1894 г. был утвержден «Устав о паспортах» под названием «Положение о видах на жительство», который являлся основой всей паспортной системы Российской империи на тот момент [1].

В данном Положении вводились три вида внутренних документов для населения:

срочная паспортная книжка, рассчитанная на 5 лет и предназначенная для налогоплательщиков многочисленных государственных, общественных и местных сборов, а также для должников, которые получили согласие общества их отпустить;

плакатный паспорт, который выдавался сроком на 1 год, 6 и 3 месяца;

бессрочная паспортная книжка, в которой указывался ее вид – бессрочная или срочная. Устав 1894 г. отделил виды на жительство, действовавшие внутри империи, от заграничных паспортов, официально присваивая наименование «Паспорт» только последним.

В последующем некоторые положения Устава 1894 г. были скорректированы «Уставом о паспортах», принятым в 1903 г., с изменениями и дополнениями 1906, 1908, 1909 и 1910 гг., но основные его положения оставались неизменными вплоть до Октябрьской революции.

Царским указом от 5 октября 1906 г. крестьянам предоставлялись одинаковые в отношении государственной службы права с другими сословиями и свобода избрания места постоянного жительства. Этим же указом официальному документу, удостоверяющему личность гражданина Российской империи, придавался статус названия «Паспорт» – «Паспортная книжка» [2, с. 2].

Уставом о паспортах с изменениями и дополнениями были введены два образца документов, удостоверяющих личность, – паспортная книжка и заграничный паспорт [2, с. 26–67, 73–86].

Цель статьи – введение в научный оборот образца паспортной книжки Российской империи, использовавшегося в качестве документа, дающего право на пересечение государственной границы, а также результатов его комплексного исследования.

Методы и результаты исследования. Паспортная книжка Российской империи представляет собой книжный блок размером 283×157 мм с закругленными углами, состоящий из обложки и 32 страниц. Листы бланка паспортной книжки сшиты четырьмя металлическими скобами. Обложка изготовлена из материала темно-зеленого цвета.

Типовые страницы блока паспортной книжки выполнены из бумаги с текущим однотонным водяным знаком в виде орнамента. Текст содержания бланка, нумерация страниц (в верхней части типовых страниц) паспортной книжки выполнены красящим веществом черного цвета способом высокой печати (рис. 1).

На страницах 1–5 и 8–30 расположены орнаментальные прямоугольники, запечатанные тонкими линиями в виде узора, с текстом «ПАСПОРТЪ» (читается горизонтально) в центральной части, выполненные красящим веществом черного цвета способом высокой печати (рис. 1).

На 1-м форзаце расположен отрезок бумаги размером меньше страницы, на котором красящим веществом черного цвета способом высокой печати нанесен текст фрагмента Высочайшего указа от 05.10.1906 г., заключенный в орнаментальную рамку (рис. 1).

В выдержке из Высочайшего указа императора Николая II содержится информация о том, что сельским обывателям и лицам других бывших податных состояний предоставляется свобода избрания места постоянного жительства на одинаковых основаниях с лицами других состояний, а именно дворян, чиновников, духовенства, почетных граждан, купцов и разночинцев.

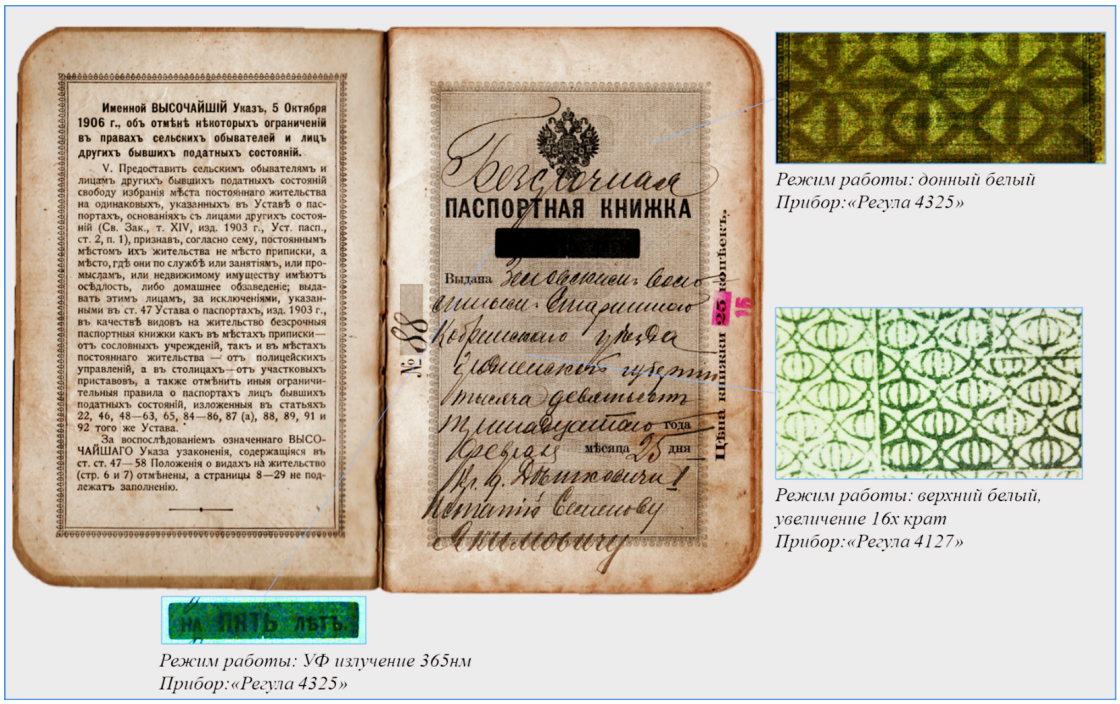

Рис. 1. Первый разворот паспортной книжки Российской империи
(Режим работы: верхний белый свет. Прибор: «Регула» 4325)

Fig. 1. The first spread of the passport book of the Russian Empire
(Operating mode: upper white light. Device: «Regula» 4325)

Из этого следует, что форма паспортной книжки в дальнейшем приняла единообразный вид для всех сословий Российской империи.

Согласно «Уставу о паспортах», всем категориям граждан в качестве видов на жительство выдавалась бессрочная паспортная книжка, в случаях наличия бланка документа старого образца, в котором указывался срок выдачи паспортной книжки, орган, уполномоченный на выдачу документа, зачеркивал срок действия и учинял запись «бессрочная» [2, с. 6–7, 33–36].

Лица, проживавшие по месту постоянного жительства, не обязаны были иметь паспортов. Получение паспорта было необходимым лишь при отъезде дальше, чем на 50 верст (53,34 км) и дольше чем на 6 месяцев [2, с. 4]. Женщинам паспорт мог быть выдан лишь с разрешения мужа или отца [5]. Только с 1914 г. женщинам стали выдавать паспорта без разрешения мужчин [6].

Менять постоянное место жительства могли все категории населения, ограничения касались еврейского населения (проживание в «черте оседлости»), цыган, а также лиц, судимых и находящихся под надзором полиции. При необходимости паспорта выдавались даже тем, кто отбыл наказание, но с некоторыми условиями: только с разрешения полиции, делались отметки о судимости и ограничивались места проживания [2, с. 16–25, 38–43].

Вместе с тем, согласно статье 47 «Устава о паспортах», паспортные книжки не выдавались следующим категориям граждан: лицам, которые на основании судебного решения были подвержены лишению всех прав и преимуществ; состоящим в силу судебного приговора под особым надзором полиции; не имеющим средств к жизни калекам и другим лицам, которые не в состоянии обеспечить себе пропитание трудом; цыганам, не имеющим оседлости. Высочайшим указом от 5 октября 1906 г. также отменялись статьи 47–58 Положения о видах на жительство [2, с. 36–37].

В исследуемом образце в верхней части 1-й страницы расположены герб Российской империи и текст «ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА», выполненные красящим веществом черного цвета способом высокой печати, срок выдачи зачеркнут органом, выдавшим документ, а именно зачеркнута надпись «на ПЯТЬ льтъ». Присутствуют графы для заполнения: порядковый номер документа, соответствующий номеру в журнале выдачи паспортных книжек учреждений, уполномоченных на их выдачу, – *№ 88*; выдана – *Зеловским волостным старшиной Кобринского уезда Гродненской*

Рис. 2. Страницы паспортной книжки, предназначенные для внесения данных о составе семьи
(Режим работы: верхний белый свет. Прибор: «Регула» 4325)

Fig. 2. Pages of the passport book intended for entering data on the composition of the family
(Operating mode: Upper white light. Device: «Regula» 4325)

губернии; дата выдачи (год, месяц, день) – *25.02.1913 г.* Кроме данной информации, как показывает имеющийся исторический источник, ниже указывались фамилия, имя, отчество владельца документа, его место жительства и принадлежность к сословию – *крестьянину деревни Детковичи Потапию Якимовичу Семенову.*

2-я и 3-я страницы паспортной книжки предназначались для заполнения установочных данных о ее владельце, а именно: имя, отчество, фамилия – *Потапий Якимович Семенов*; звание – *крестьянин*; время рождения или возраст – *родился 8 декабря 1888 г.*; вероисповедание – *православное*; род занятий – *земледелие*; состоит или состоял в браке – *женат;* отношение к отбыванию воинской повинности – *ополченец второго разряда*[1] *призыва 1910 г., свидетельство от 03.11.1910 г. за № 4136*; документы, на основании которых выдана паспортная книжка, – *посемейный список*[2] *№ 13/238*; подпись владельца книжки – *неграмотен.* В случаях если владелец паспортной книжки был неграмотен, то заполнялись поля с его приметами: рост – *средний*; цвет волос – *русый*; особые приметы – *нет* (*прим.: внесено в паспорт рукописным текстом – «нету»*).

На 4-й и 5-й страницах паспортной книжки расположены графы для заполнения, предназначенные для внесения данных о составе семьи и перемен, связанных с семейным положением и изменением состава семьи. На основании ст. 9 и 10 Положения о видах на жительство в указанные

[1] На основании «Устава о воинской повинности» 1874 г. в ополчение зачислялись физические лица в возрасте от 21 до 40 лет, освобожденные от службы в регулярной армии. Ополчение в Российской империи делилось на два разряда: 1-й разряд использовался для пополнения армии и делился на возрастные группы, 2-й разряд включал в себя менее развитых в физическом плане лиц и предназначался для формирования тыловых частей. «Устав о воинской повинности» включил ополчение в ряд сухопутных сил Российской империи и определил его состав: «Государственное ополчение составляется из всего, не числящегося в постоянных войсках, но способного носить оружие, мужского населения от призывного до сорокалетнего возраста включительно. От призыва в ополчение не освобождаются до этого возраста и лица, уволенные из запаса армии» [7, с. 14–26].

[2] Согласно принятому в Российской империи в 1874 г. «Уставу о воинской повинности», посемейные списки служили основой для составления призывных списков для лиц податных сословий. Для городского населения они составлялись городскими управами (отдельно на христианское и еврейское общества), для крестьян – волостными правлениями. Велись с 1858 г. казенными палатами и волостными правлениями [8].

графы вносились: супруга владельца паспортной книжки, если она находилась при нем; сыновья и лица мужского пола, которые являлись родственниками, приемными либо состоящими под опекой в возрасте до 18 лет; не достигшие 21 года незамужние дочери, родственницы либо приемные или состоящие под опекой владельца паспортной книжки; лица, которые по преклонному возрасту или состоянию своего здоровья не могли обходиться без постороннего ухода и попечения [1, с. 9] (рис. 2).

На страницах 6–7 расположена выписка из Положения о видах на жительство, утвержденного в 1894 г., а между ними добавлен лист-бланк размером меньше паспортной книжки с информацией, отражающей изменения, привнесенные «Уставом о паспортах», текст в бланке выполнен красящим веществом черного цвета способом высокой печати. На странице 7 также присутствует место для вклейки паспортных марок[1] с оттиском розового цвета «ОТМЪНЕНО». В 1897 г. паспортные пошлины были отменены и, как следствие, паспортные марки утратили свою актуальность, на что и указывает штамп «ОТМЪЕНЕНО» [9, с. 922] (рис. 4).

Типовые страницы бланка паспортной книжки (с 8-й по 30-ю страницу) предназначались для учета оплаты паспортных сборов. Согласно Положению о видах на жительство, мещане и ремесленники уплачивали сборы, причитающиеся с них исключительно в финансовых учреждениях по месту прописки. Крестьяне могли вносить причитающиеся с них сборы в финансовые учреждения или органы казначейства по месту прописки либо в местах временного пребывания [1, с. 18–20]. Вместе с тем Указом от 5 октября 1906 г. требование о паспортных сборах было отменено, чем и объясняется отсутствие записей о сборах в графах типовых страниц исследуемого образца (рис. 5). Страницы 31 и 32 предназначались для указания места прописки владельца паспортной книжки [2, с. 135–137] (рис. 6).

Особенностью исследуемого документа, предназначенного для внутреннего передвижения по территории государства, выдавшего данный документ (в данном случае Российской империей), является наличие оттисков штампов о пересечении государственной границы с рядом стран, а также признание данного образца в качестве документа, удостоверяющего личность, наравне с государственными образцами страны, признавшей его действительность.

Так, на странице 5 паспортной книжки, предназначенной для заполнения изменений в семейном положении и составе семьи, вклеена фотокарточка владельца документа, что не характерно для образцов внутренних документов Российской империи [2, с. 135–137]. Помимо этого, фотокарточка заверена двумя оттисками штампа отделения полиции города Гамбурга (*POLIZEIBEHORDE HAMBURG*). В нижней части фотокарточки рукописным текстом написаны имя и отчество владельца – *Потапий Якимович*. Учитывая факт неграмотности владельца исследуемого образца, представляется возможным предположить, что это подпись владельца. Ниже фотокарточки присутствует текст на немецком языке, выполненный с использованием готического шрифта, заверенный оттиском печати отдела полиции города Гамбурга (I отделение полиции) 21 марта 1921 г., в переводе на русский имеет следующее значение: настоящим удостоверяется, что владельцем паспорта является лицо, изображенное на фотографии, наклеенной рядом, и что паспорт заполнен от руки на странице 3 и под фотографией (рис. 2).

Проведенный анализ электронных ресурсов удаленного доступа, сосредоточенных на предметах коллекционирования [10–13], показал, что изменение содержания паспортной книжки Российской империи является законной попыткой воспроизведения 4-й страницы паспорта Вольного и Ганзейского города Гамбурга [14] (рис. 3, *а*). Таким образом, правомерно полагать, что данный образец на территории Германии был приравнен к официальным образцам документов, удостоверяющих личность и дающих право на пребывание на территории государства.

Кроме того, на 5-й странице паспортной книжки присутствует оттиск штампа прямоугольной формы, содержащий следующую информацию: *Landed as Transmigrant under Bond. MAR1921. IMMIGRATION OFFICER LIVERPOOL*. Данный штамп свидетельствует о том, что владелец документа прибыл в порт Ливерпуля в марте 1921 г. как эмигрант, следующий транзитом через

[1] В Российской империи в 1894 г. Положением о видах на жительство были введены паспортные марки, которыми оплачивались паспортные пошлины за право владеть паспортной книжкой, кроме этого, уплачивались паспортные сборы [9, с. 922].

а *б*

Рис. 3. Документы, удостоверяющие личность: *а* – страница паспорта Вольного и Ганзейского города Гамбурга; *б* – польские паспорта эмигрантов с оттиском штампа – *Landed as Transmigrant under Bond. IMMIGRATION OFFICER LONDON*

Fig. 3. Identification documents: *a* – passport page of the Free and Hanseatic City of Hamburg; *b* – Polish passports of emigrants with a stamp – *Landed as Transmigrant under Bond. IMMIGRATION OFFICE LONDON*

Великобританию, и находится под залогом. Правомерно предположить, что конечным пунктом следования был Новый Свет, это подтверждается источниками [15–18], в которых указывается, что напрямую из порта Гамбурга до портов Нового Света (Бостон, Нью-Йорк, Квебек, Монреаль и др.) стоимость трансконтинентального маршрута была намного дороже по сравнению с транзитом через порты Великобритании.

Английский историк Обри Ньюман в своем докладе «Поезда, убежища и корабли» размышляет над утверждением, что морской путь из Западной Европы вел прямо в Ливерпуль, чего на самом деле быть не могло. Как указывает докладчик, эмигранты, переезжавшие из Западной Европы, добирались морским путем до портов Англии – Халла, Гримсби или Хамебра, а оттуда отправлялись по железной дороге либо на быстроходном катере по каналу в Лондон. Когда их корабль был почти готов отплыть из порта Ливерпуля в Новый Свет, эмигранты отправлялись транзитом из Лондона в Ливерпуль по железной дороге [17, с. 4]. Представленный маршрут имеет право на существование и подтверждается оттисками штампов в паспортах эмигрантов из Западной Европы (рис. 3, *б*). Вместе с тем оттиски штампов проставляются при въезде в страну. Исходя из этого, наличие оттиска в паспортной книжке может свидетельствовать о существовании маршрута: порты Западной Европы – порт Ливерпуль по морю в 30-е гг. XX века.

На странице 7, предназначенной для вклейки паспортных марок, присутствует оттиск штампа, подтверждающего пребывание в Германии, он заверен оттиском печати отдела полиции города Гамбурга (I отделение полиции) 21 марта 1921 г., а также есть информация об оплате пошлины в размере 15 немецких марок. Оттиск содержит информацию о том, что владельца паспортной книжки освободили от требований приобретения туристической визы и документ действителен для выезда на транспорте через границу Польши до 26 марта 1921 г. Для подтверждения выезда в указанные сроки поверх оттиска проставлена отметка о следовании через германско-польскую границу, датированная 25 марта 1921 г. Предположительно данная отметка проставлялась при посадке на поезда международных сообщений (рис. 4).

Один из оттисков штампа перечеркнут (рис. 4), что предположительно может свидетельствовать о его гашении и подтверждении пересечения границы, в данном случае германо-польско-германской границы по Польскому коридору (Данцигский коридор) на Германском участке сотрудниками пограничной службы Германии [19; 20]. Это связано с подписанием Версальского мирного договора в 1919 г., на основании которого бывшие прусские провинции – Западная

Рис. 4. Страницы паспортной книжки с оттисками пересечения германо-польской границы в 1921 г.
(Режим работы: верхний белый свет. Прибор: «Регула» 4325)

Fig. 4. Passport book pages with impressions of crossing the German-Polish border in 1921
(Operating mode: upper white light. Device: «Regula» 4325)

Пруссия и Познань – перешли в состав Польши. Таким образом, Восточная Пруссия со столицей Кёнигсбергом (Калининград) изолировалась от территории Германии, и прямое сухопутное сообщение между Восточной Пруссией и остальной частью Германии проходило через территорию Польши.

Несмотря на открытие в 1921 г. первого гражданского немецкого аэропорта недалеко от Кёнигсберга, а годом позже создание Восточно-Прусской морской службы для соединения восточно-прусского порта Пиллау (Балтийск) со Свинемюнде в Померании, железная дорога оставалась основным и самым востребованным видом транспортного сообщения [21]. Статья 89 Версальского договора гарантировала Германской империи беспрепятственный проход между Восточной Пруссией и остальной Германией [22, с. 43–44].

Право проезда по железной дороге было первоначально конкретизировано в конце 1920 г. во временном соглашении, которое было заменено окончательным соглашением 21 апреля 1921 г. На участках маршрута, проходящих по территории Польши, поезда обслуживались польским персоналом и тянулись польскими локомотивами, а вагоны были заперты и опломбированы [19], что означало отсутствие целесообразности использования таможенного и пограничного контроля польской стороной.

Первоначально было установлено семь маршрутов для транзитных поездов между Рейхом и Восточной Пруссией, а с 1922 г. их стало восемь, хотя не все из них использовались. К основным относились следующие маршруты [19]:

Берлин – Щецин – Штольп – Гросс-Бошполь – Данциг – Диршау – Мариенбург – Кёнигсберг;

Берлин – Шнайдемюль – Фирхау – Кониц – Диршау – Мариенбург – Кёнигсберг;

Берлин – Шнайдемюль – Бромберг – Торн – Дойч-Эйлау – Алленштайн – Инстербург;

Рис. 5. Страницы паспортной книжки с оттисками пересечения германо-польской границы и польской визы *(Режим работы: верхний белый свет. Прибор: «Регула» 4325)*

Fig. 5. Passport book pages with impressions of the crossing of the German-Polish border and the Polish visa *(Working mode: upper white light. Device: «Regula» 4325)*

Берлин – Ной-Бентшен – Позен – Торн – Дойч-Эйлау – Алленштайн – Инстербург;
Бреслау – Позен – Торн – Дойч-Эйлау – Алленштайн – Инстербург.

На странице 8 паспортной книжки расположен оттиск штампа, датированный 12 апреля 1921 г., о пересечении германо-польской границы, а именно в железнодорожных пунктах пропуска, находящихся в населенных пунктах Просткен с германской стороны и Граево с польской. На 9-й странице присутствует польский оттиск штампа, имеющий значение, аналогичное современной визе, его содержание дословно переводится: по прибытии была выдана виза администрацией Щучинского района в Граево 13 апреля 1921 г. и действительна до 13 июня 1921 г. Виза заверена оттиском гербовой печати администрации Щучинского района и подписана четвертым старостой. Одной из особенностей является наличие рукописного текста, дополняющего визу, – слово «Niemiec». Факт наличия данного слова предполагает, что, несмотря на место рождения владельца паспортной книжки, польские органы власти посчитали его немцем либо владелец сам представился таковым. На основании этого виза могла иметь следующий смысл: по прибытии немцу была выдана виза администрацией Щучинского района в Граево 13 апреля 1921 г. и действительна до 13 июня 1921 г. (рис. 5).

На странице 32, предназначенной для указания места прописки, вклеена фискальная марка Брестского магистрата стоимостью 10 марок[1]. Следует предположить, что данная фискальная марка, по классификации Ю. П. Турчинского, относится к паспортным и прописочным маркам и была выдана регистрационно-статистическим отделом магистрата города Бреста-над-Бугом, который занимался пропиской и имел адресное бюро [23, с. 80]. Это подтверждается наличием

[1] Официальной валютой Польши до 1924 г. была польская марка. С 1924 г. национальная валюта Польши вновь стала именоваться злотый. Ввиду большой девальвации польской марки из-за войны с СССР в 1924 г. была проведена денежная реформа. Ее результатом стало возвращение злотого в качестве национальной польской валюты. За один злотый при обмене давали около 2 млн марок [24].

Рис. 6. Страница паспортной книжки с записью о прописке в городе Бресте-над-Бугом
(Режим работы: верхний белый свет. Прибор: «Регула» 4325)

Fig. 6. The page of the passport book with a record of registration in the city of Brest-nad-Bugom
(Operating mode: upper white light. Device: «Regula» 4325)

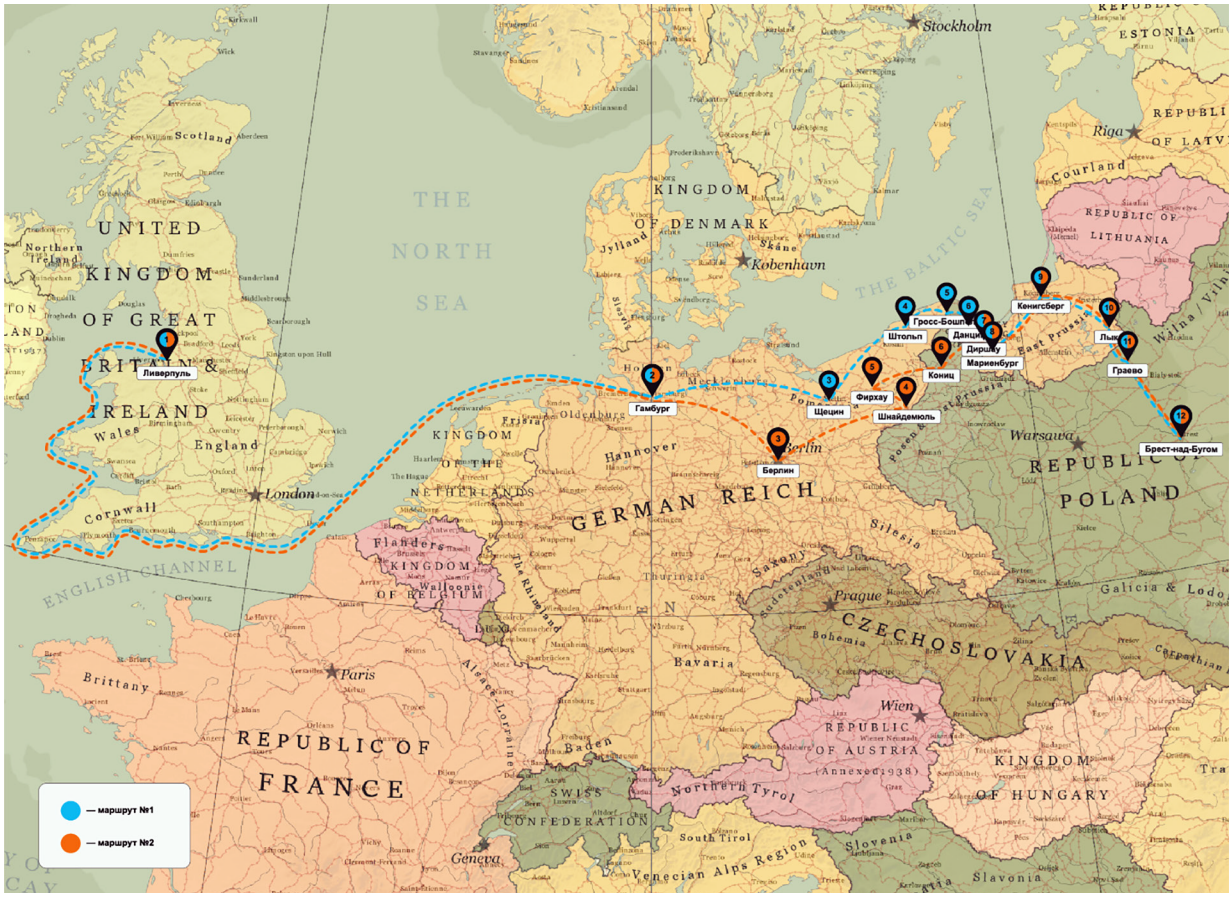

Рис. 7. Фрагмент политической карты Европы 1921 г. с указанием предположительных маршрутов следования владельца паспортной книжки
(Режим доступа: https://www.deviantart.com/minkshaming/art/Atlas-Map-of-Europe-in-1921-915087807)

Fig. 7. A fragment of the political map of Europe in 1921 with an indication of the estimated routes of the passport book holder (*Available at: https://www.deviantart.com/minkshaming/art/Atlas-Map-of-Europe-in-1921-915087807*)

заверенного подписью оттиска штампа полиции Бреста-над-Бугом поверх фискальной марки, в котором указана дата прописки 15 апреля 1921 г., дом № 9, улица Мицкевича[1] (рис. 6).

Таким образом, маршрут физического лица в 1921 г. из Ливерпуля до Бреста-над-Бугом по внутреннему документу несуществующего государства пересекал четыре государственные границы трех государств, а именно: Великобритания – Германия – Польша – Германия – Польша.

Исходя из отметок штампов о пересечении государственной границы, правомерно полагать, что предположительными точками маршрута могли являться следующие города (рис. 7):

города по маршруту 1: Ливерпуль – Гамбург – Щецин – Штольп – Гросс-Бошполь – Данциг – Диршау – Мариенбург – Кёнигсберг – Лык – Граево – Брест-над-Бугом;

города по маршруту 2: Ливерпуль – Гамбург – Берлин – Шнайдемюль – Фирхау – Кониц – Диршау – Мариенбург – Кёнигсберг – Лык – Граево – Брест-над-Бугом.

Выводы. На основе изучения данных, внесенных в паспортную книжку Российской империи, представляется возможным сделать вывод о том, что в период 20-х гг. XX века образцы документов Российской империи могли использоваться в качестве документов, дающих право на пересечение государственных границ ряда европейских государств, таких как Великобритания, Германия и Польша. Как указывают источники [27–31], рассматриваемый период характеризовался социально-экономической и военно-политической нестабильностью, которая привела к образованию новых и изменению устоявшихся территорий существующих государств на политической карте Европы по итогам Первой мировой войны. Данные процессы характеризовались гиперинфляцией в экономике европейских государств и, как следствие, возрастанием эмиграционных потоков между странами.

Правомерно предположить, что в данных условиях любой документ, способный подтвердить личность предъявителя, мог использоваться в качестве документа, дающего право на пересечение государственной границы, поскольку в послевоенное время деятельность государственных аппаратов новообразованных и вовлеченных в Первую мировую войну стран в первую очередь была направлена на восстановление экономики, о чем свидетельствуют отметки об уплате пошлин в исследуемом образце документа. Примером, подтверждающим вышесказанное, является СССР. Хождение паспортных книжек Российской империи в СССР продолжалось до 1923 г. [32].

Проведенные исследования образца внутреннего документа Российской империи с оттисками штампов о пересечении государственных границ ряда европейских государств позволяют сделать вывод о том, что процесс становления государственных границ в части порядка пропуска через них в послевоенное время характеризуется быстротой развертывания подразделений, осуществляющих контроль за пересечением границы, наличием и соблюдением ими законодательства о порядке пропуска, а также присутствием закономерностей в простановке оттисков штампов в документах различных государств. Данная деятельность свидетельствует о проводимом комплексе мероприятий, направленном на контроль эмиграционных процессов.

Полученные результаты могут быть полезны в дальнейших исследованиях документов на право пересечения государственной границы и эмиграционных процессов первой волны на рубеже 1910–1920-х гг.

Список использованных источников

1. Новый закон о видах на жительство (паспортах) для дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, мещан, ремесленников, крестьян и евреев: с дополнением нового закона об отмене сборов в пользу казны с видов на жительство. – 3-е изд., доп. – СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1897. – 33 с.

2. Устав о паспортах / сост. Л. М. Роговин. – 2-е изд., доп. – СПб.: Изд. кн. магазина «Законоведение», 1913. – 371 с.

3. Суслин, Э. В. Паспортный контроль в первой четверти XVIII века / Э. В. Суслин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3 (27). – С. 81–83.

4. История полиции России: краткий очерк и основные документы: учеб. пособие / под ред. В. М. Курицина. – М.: Щит-М, 1998. – 200 с.

[1] Улица А. Мицкевича расположена в центральной части города. Протяженность около 1300 м – от улицы Ленина до улицы Менжинского. Начала застраиваться в 1830-е гг. В XIX – начале XX века улица носила названия Кирпичной и Дворянской, с 1921 по 1941 г. – имя Мицкевича, при гитлеровском оккупационном режиме – Болверкаллее (бульвар). В 1944 г. улице вернули довоенное название [25; 26].

5. Кружнов, Ю. Н. Паспортная система / Ю. Н. Кружнов, В. Г. Чернуха // Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2322901 (дата обращения: 24.02.2024).

6. Смирнов, А. История одного паспорта: эволюция системы в начале XX века / А. Смирнов // Санкт-Петербургские ведомости. – URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/pasport_bez_soglasiya_muzha_/ (дата обращения: 24.02.2024).

7. Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1 января 1874 г.: со включением статей Свода законов и статей воинского Устава о наказаниях, на которые сделаны ссылки. – М.: И. Лепетов, 1874. – 95 с.

8. Методические рекомендации по проведению генеалогических исследований в Национальном историческом архиве Беларуси // Национальный исторический архив Беларуси. – URL: https://niab.by/genealogy/ (дата обращения: 24.02.2024).

9. Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: [в 86 т.] / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 22а (44): Оуэн – Патент о поединках. – 1897. – II, 481–960, II, [5] с.

10. Винтаж // VIOLITY: сайт для коллекционеров. – URL: https://violity.com/ru (дата обращения: 24.02.2024).

11. Мешок: торговая площадка. – URL: https://meshok.net/ (дата обращения: 24.02.2024).

12. Antuquariat.ru: [сайт]. – URL: https://www.antiquariat.ru/ (дата обращения: 24.02.2024).

13. eBay // eBay auction. – URL: https://www.ebay.com/ (date of access: 24.02.2024).

14. Wolne i hanzeatyckie miasto Hamburg Rzesza Niemiecka paszport paszport 1920 // eBay auction. – URL: https://www.ebay.pl/itm/225799173080?chn=ps&mkevt=1&mkcid=28/ (date of access: 24.02.2024).

15. Tananbaum, S. L. Jewish Immigrants in London, 1880–1939 / S. L. Tananbaum. – London: Routledge, 2014. – 275 p. https://doi.org/10.4324/9781315654348

16. Taylor, B. Immigration, statecraft and public health: the 1920 aliens order, medical examinations and the limitations of the state in England / B. Taylor // Social History of Medicine. – 2016. – Vol. 29, N 3. – P. 512–533. https://doi.org/10.1093/shm/hkv139

17. Wasserman, J. I. The journey from Eastern Europe to North America in 1900–1904 [excerpted from «From Shtetl to Park Avenue»: I. Newton Kugelmass, MD (1896–1979)] / J. I. Wasserman // JewishGen. – URL: https://www.jewishgen.org/bessarabia/files/Emigration/JourneyFromEasternEuropeToNorthAmerica1900-1904.pdf (date of access: 24.02.2024).

18. Migrants and migration in modern North America: cross- border lives, labor markets, and politics / ed.: D. Hoerder, N. Faires. – Durham; London: Duke Univ. Press, 2011. – 457 p. https://doi.org/10.1353/book.64097

19. Berlin Schlesischer Bf – Küstrin Neustadt – Kreuz – Schneidemühl Pbf – Dirschau – Elbing – Königsberg (Pr) Hbf – Insterburg – Eydtkuhnen – Reichsgrenze Ostbahn // Reichsbahndirektion Erfurt. – URL: http://www.ostbahn.eu/html/berlin_-_eydtkuhnen / (date of access: 25.02.2024).

20. «Eine Grenze wider alle Vernunft». Aspekte der Wahrnehmungsgeschichte der deutsch-polnischen Grenze im 20. Jahrhundert // Polenstudien interdisziplinar. – URL: https://www.pol-int.org/de/wissenschaftsblog-polenstudien/eine-grenze-wider-alle-vernunft / (date of access: 25.02.2024).

21. Die Geschichte // Seedienst Ostpreußen. – URL: https://sites.google.com/site/seedienstostpreussen/ (date of access: 25.02.2024).

22. Версальский мирный договор / пер. с фр.; под ред. Ю. В. Ключникова, А. Сабанина. – М.: Изд. Литиздата НКИД, 1925. – 236 с.

23. Карапузова, А. Г. Документы Брестского городского магистрата как источник по истории города Бреста в 1919–1939 гг. (по материалам Государственного архива Брестской области) / А. Г. Карапузова // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию воссоединения Зап. Беларуси с БССР, Брест, 24–25 сент. 2009 г. / Брест. гос. техн. ун-т; ред.: Н. Н. Ковалева, Л. Ю. Малыхина. – Брест, 2009. – С. 79–86.

24. Польский злотый // Знание.Вики. – URL: https://znanierussia.ru/articles/Польский_злотый/ (дата обращения: 25.02.2024).

25. Улица им. Мицкевича – прошлое и настоящее // Виртуальный Брест. – URL: https://virtualbrest.ru/news20314.php/ (дата обращения: 25.02.2024).

26. Таблица соответствия названий улиц Бреста // Mediabrest.by. –URL: https://mediabrest.by/articles/tablitsa-sootvetstviya-nazvaniy-ulits-bresta/ (дата обращения: 25.02.2024).

27. Смагина, С. М. Российская политическая эмиграция: теория и история (20–30-е годы XX века): учебник / С. М. Смагина. – Ростов н/Д: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2009. – 238 с.

28. Маркевич, А. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / А. Маркевич, М. Харрисон. – М.: Мысль, 2013. – 110 с.

29. Доронченков, А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Доронченков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 214 с.

30. Федюк, В. П. История русской эмиграции. 1917–1939 гг.: учеб. пособие / В. П. Федюк, А. В. Урядова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2006. – 100 с.

31. Лазаренко, Е. И. Реэвакуация военнопленных русской армии Первой мировой войны из иностранных лагерей / Е. И. Лазаренко // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3 (72). – С. 184–195. https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.72.3.019

32. В СССР введена паспортная система // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – URL: https://www.prlib.ru/history/619849/ (дата обращения: 29.02.2024).

References

1. *The new law on residence permits (passports) for nobles, officials, honorary citizens, merchants, burghers, artisans, peasants and Jews: With the addition of a new law on the abolition of fees in favor of the treasury from residence permits*. St. Petersburg, V. I. Gubinskii Publ., 1897. 33 p. (in Russian).

2. Rogovin L. M. *The Statute of passports*. 2nd ed. St. Petersburg, Publication of the bookstore "Zakonovedenie", 1913. 371 p. (in Russian).

3. Suslin E. V. Passport control in the first quarter of the XVIII century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2005, no. 3 (27), pp. 81–83 (in Russian).

4. Kuritsin V. M. (ed.). *The history of the Russian police. A brief outline and basic documents*. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 200 p. (in Russian).

5. Kruzhnov Yu. N., Chernukha V. G. Passport system. *The Great Russian Encyclopedia 2004–2017*. Available at: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2322901/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

6. Smirnov A. The history of one passport: the evolution of the system at the beginning of the XX century. *Saint Petersburg News*. Available at: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/pasport_bez_soglasiya_muzha_/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

7. *The Statute of Military service: most highly approved on January 1, 1874: with the inclusion of articles of the Code of Laws and articles of the Military Statute on punishments, to which references are made*. Moscow, I. Lepetov Publ., 1874. 95 p. (in Russian).

8. Methodological recommendations for conducting genealogical research in the National Historical Archives of Belarus. *National Historical Archive of Belarus*. Available at: https://niab.by/genealogy/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

9. *Encyclopedic dictionary. Vol. 22a (44). Owen – Patent on duels*. St. Petersburg, Brockhaus and Efron Publ., 1897. II, 481–960, II, [5] p. (in Russian).

10. Vintage. *Violiti: for collectors*. Available at: https://violity.com/ru/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

11. *The bag – trading platform*. Available at: https://meshok.net/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

12. *Antuquariat.ru*. Available at: https://www.antiquariat.ru/ (accessed 24.02.2024) (in Russian).

13. eBay. *eBay auction*. Available at: https://www.ebay.com/ (accessed 24.02.2024).

14. Wolne i hanzeatyckie miasto Hamburg Rzesza Niemiecka paszport paszport 1920. *eBay auction*. Available at: https://www.ebay.pl/itm/225799173080?chn=ps&mkevt=1&mkcid=28/ (accessed 24.02.2024).

15. Tananbaum S. L. *Jewish Immigrants in London, 1880–1939*. London, Routledge, 2014. 275 p. https://doi.org/10.4324/9781315654348

16. Taylor B. Immigration, statecraft and public health: the 1920 aliens order, medical examinations and the limitations of the state in England. *Social History of Medicine*, 2016, vol. 29, no. 3, pp. 512–533. https://doi.org/10.1093/shm/hkv139

17. Wasserman J. I. The journey from Eastern Europe to North America in 1900–1904 [excerpted from "From Shtetl to Park Avenue": I. Newton Kugelmass, MD (1896–1979)]. *JewishGen*. URL: https://www.jewishgen.org/bessarabia/files/Emigration/JourneyFromEasternEuropeToNorthAmerica1900-1904.pdf (date of access: 24.02.2024).

18. Hoerder D., Faires N. (eds.). *Migrants and migration in modern North America: cross- border lives, labor markets, and politics*. Durham, London, Duke University Press, 2011. 457 p. https://doi.org/10.1353/book.64097

19. Reichsbahndirektion Erfurt. *Berlin Schlesischer Bf – Küstrin Neustadt – Kreuz – Schneidemühl Pbf – Dirschau – Elbing – Königsberg (Pr) Hbf – Insterburg – Eydtkuhnen – Reichsgrenze Ostbahn*. Available at: http://www.ostbahn.eu/html/berlin_-_eydtkuhnen / (accessed 25.02.2024).

20. Polenstudien interdisziplinar. *"Eine Grenze wider alle Vernunft". Aspekte der Wahrnehmungsgeschichte der deutsch-polnischen Grenze im 20. Jahrhundert*. Available at: https://www.pol-int.org/de/wissenschaftsblog-polenstudien/eine-grenze-wider-alle-vernunft / (accessed 25.02.2024).

21. Die Geschichte. *Seedienst ostpreußen*. Available at: https://sites.google.com/site/seedienstostpreussen/ (accessed 25.02.2024).

22. Klyuchnikov Yu. V., Sabanin A. (ed.). *The Treaty of Versailles: full translation from the French original*. Moscow, Litizdat NKID Publ., 1925. 236 p. (in Russian).

23. Karapuzova A. G. Documents of the Brest City Magistrate as a source on the history of the city of Brest in 1919–1939 (based on the materials of the State Archive of the Brest region). *Osen' 1939 goda: korennoi perelom v sud'be belorusskogo naroda: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu vossoedineniya Zapadnoi Belarusi s BSSR, Brest, 24–25 sentyabrya 2009* [Autumn 1939: a radical change in the fate of the Belarusian people: materials of the regional scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the reunification of Western Belarus with the BSSR, Brest, September 24–25, 2009]. Brest, 2009, pp. 79–86 (in Russian).

24. Polish zloty. *Knowledge.Wiki*. Available at: https://znanierussia.ru/articles/Польский_злотый/ (accessed 25.02.2024) (in Russian).

25. Mickiewicz Street – past and present. *Virtual Brest*. Available at: https://virtualbrest.ru/news20314.php/ (accessed 25.02.2024) (in Russian).

26. Correspondence table of Brest Street names. *Mediabrest.by*. Available at: https://mediabrest.by/articles/tablitsa-sootvetstviya-nazvaniy-ulits-bresta/ (accessed 25.02.2024) (in Russian).

27. Smagina S. M. *Russian political emigration: theory and history (20–30s of the twentieth century)*. Rostov-na-Donu, Publishing House of the Southern Federal University, 2009. 238 p. (in Russian).

28. Markevich A., Harrison M. *World War I, Civil War and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow, Mysl' Publ., 2013. 110 p. (in Russian).

29. Doronchenkov A. I. *Emigration of the «first wave» about national problems and the fate of Russia*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 214 p. (in Russian).

30. Fedyuk V. P., Uryadova A. V. *The history of Russian emigration. 1917–1939*. Yaroslavl, Yaroslavl State University, 2006. 100 p. (in Russian).

31. Lazarenko E. I. Organization of the return of Russian prisoners of war of the first world war. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = The Surgut State Pedagogical University Bulletin,* 2021, no. 3 (72), pp. 184–195 (in Russian). https://doi.org/10.26105/SSPU.2021.72.3.019

32. Passport system introduced in the USSR. *Presidential Library*. Available at: https://www.prlib.ru/en/history/619849 (accessed 29.02.2024).

Информация об авторах

Сорокин Максим Николаевич – старший преподаватель цикла (службы пограничного контроля) кафедры (пограничного контроля). Институт пограничной службы Республики Беларусь (ул. Славинского, 4, 220103, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sarokin-maksim@rambler.ru

Думский Андрей Владимирович – начальник отдела международного маркетинга и развития бизнеса ООО «Регула» (пер. Козлова, 29, 220037, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mail@regula.by

Корзун Алексей Игоревич – кандидат военных наук, начальник цикла (службы пограничного контроля) кафедры (пограничного контроля). Институт пограничной службы Республики Беларусь (ул. Славинского, 4, 220103, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Alexdar86@gmail.com

Information about the authors

Maxim N. Sorokin – Senior lecturer of the cycle (Border Control service) of the Department (Border Control), State Educational Institution "Institute of Border Service of the Republic of Belarus" (4 Slavinskogo Str., Minsk 220103, Belarus). E-mail: sarokin-maksim@rambler.ru

Andrey V. Dumsky – Head of the International Marketing and Business Development Department of Regula LLC (29 Kozlova Ave, Minsk 220037, Belarus). E-mail: mail@regula.by

Alexey I. Korzun – Ph. D. (Military Sciences), Head of the Cycle (Border Control Service) of the Department (Border Control), State Educational Institution "Institute of Border Service of the Republic of Belarus" (4 Slavinskogo Str., Minsk 220103, Belarus). E-mail: Alexdar86@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.08
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-53-60

Поступила в редакцию 24.09.2024
Received 24.09.2024

И. Л. Горбушина

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ОРГАННАЯ СЮИТА «IMMANUEL KANT» ВАСИЛИСЫ ГОРОЧНОЙ КАК МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ ВЕЛИКОМУ ФИЛОСОФУ (К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. КАНТА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме претворения в музыке философских идей Иммануила Канта, объектом исследования стала органная сюита «Immanuel Kant» В. Горочной. Данное произведение вводится в научный оборот впервые. На базе существующей в музыкальном искусстве связи с философией как в обобщенном, так и непосредственном проявлении рассматривается специфика средств музыкального воплощения ведущих концептов великого немецкого философа, таких как «вещь в себе», «категорический императив», «абсолютно необходимое существо» и др. Выявляются особенности формообразования, стилевая направленность сочинения, а также различные средства музыкального языка, указывающие на тесную взаимосвязь с содержательными компонентами основных идей философии И. Канта, что позволяет рассматривать исследуемое произведение как музыкальное приношение великому философу.

Ключевые слова: философская тема в музыке, Иммануил Кант, Василиса Горочная, органная сюита

Для цитирования: Горбушина, И. Л. Органная сюита «Immanuel Kant» Василисы Горочной как музыкальное приношение великому философу (К 300-летию со дня рождения И. Канта) / И. Л. Горбушина // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 53–60. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-53-60

Irina L. Gorbushina

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ORGAN SUITE “IMMANUEL KANT” OF VASILISA GOROCHNAYA AS A MUSICAL TRIBUTE TO THE GREAT PHILOSOPHER (TO THE 300th ANNIVERSARY OF IMMANUEL KANT)

Abstract. The article is devoted to the problem of translating the philosophical ideas of Immanuel Kant into music; the object of the study is the organ suite “Immanuel Kant” by V. Gorochnaya. This work is being introduced into a scientific context for the first time. On the basis of the connection with philosophy existing in musical art, both in general and direct manifestations, the specificity of the means of musical embodiment of the leading concepts of the great German philosopher, such as “the thing in itself”, “categorical imperative”, “absolutely necessary being”, etc., is considered. The features of the formation, the stylistic orientation of the composition, as well as various means of musical language are revealed, indicating a close relationship with the content components of the main ideas of the philosophy of Immanuel Kant, which allows us to consider the work under study as a musical offering to the great philosopher.

Keywords: philosophical theme in music, Immanuel Kant, Vasilisa Gorochnaya, organ suite

For citation: Gorbushina I. L. Organ suite “Immanuel Kant” of Vasilisa Gorochnaya as a musical tribute to the great philosopher (To the 300th anniversary of Immanuel Kant). *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 1, pp. 53–60 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-53-60

© Горбушина И. Л., 2025

Мы предпочли бы верить, что музыка находится за пределами любой аналогии с языком слов и что наступит время, но не при нашей жизни, когда она разовьет немыслимые сейчас возможности – язык, настолько трансцендентный, что его высоты и глубины будут общими для всего человечества.

Ч. Айвз

Введение. В 2024 г. мировая общественность отметила 300-летие со дня рождения великого философа, родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта. Его труды оказали огромное влияние на развитие философской мысли, а отдельные цитаты стали знаменитыми афоризмами. В свете вышесказанного закономерным образом возник вопрос: становилось ли философское наследие И. Канта предметом музыкального осмысления?

Основная часть. Когда понятия «философия» и «музыка» встречаются в одном предложении, как правило, это происходит либо в контексте философии музыки как раздела философии, либо в свете образного содержания самой музыки. Собственно философия музыки как область научного знания охватывает широкий круг проблем, «включает в себя онтологию, феноменологию, аксиологию, эстетику, культурные и социальные исследования» [1]. Эта проблематика разрабатывается множеством ученых начиная с древних времен, а также является очень актуальной для современности. В области музыкального содержания при анализе образной сферы музыкальных произведений нередко выявляется их «философский характер», употребляются такие эпитеты, как «философский смысл» (для музыки И. С. Баха), «философская лирика» (например, для медленных частей некоторых симфоний и сонат Л. ван Бетховена). При этом речь идет о некоем абстрактном философском содержании, когда музыка звучит в неспешном выдержанном темпе, побуждает к спокойным размышлениям, отсылка же к конкретному учению какого-либо философа отсутствует. Ряд исследователей в своих работах обращаются к проблемам философской интерпретации содержания музыкальных произведений. Например, В. Т. Фаритов [2] выявляет философские аспекты музыкальных произведений А. Шнитке: какими средствами музыкальной выразительности представлены в них фундаментальные философские категории, такие как трансгрессия, трансценденция и трансцендентное. К осмыслению музыкальных произведений на философском уровне обращено внимание в исследовании И. Ф. Двужильной [3], изучающей формы проявления экзистенциалов «бытие-к-смерти», «боль», «одиночество», «воля», «свобода», «надежда» в сочинениях, посвященных теме Холокоста.

В XX в. композиторы музыкального авангарда стали черпать идеи для творчества в восточной философии. Так, Дж. Кейдж серьезно увлекался дзен-буддизмом, что проявилось в самом подходе к сочинению музыки, где им воплощались идеи индетерминизма, случайности и пр., начиная от формы, не характерной для европейского мышления, до возведения в ранг музыки полной тишины. Отдельного внимания заслуживает личность А. Скрябина, воплотившего в музыкальном творчестве собственные философские воззрения. Музыковеды, изучающие его наследие, сходятся во мнении, что понять его музыку в отрыве от философских идей невозможно. «Опорой исследователю творчества Скрябина являются два основных пункта – общая философская модель мировоззрения композитора и музыкальный текст его произведений», – пишет Д. А. Шумилин [4]. Один из подходов к пониманию их взаимодействия ученый видит в том, что «текст поздних произведений композитора насыщен мигрирующими музыкальными лексемами, которые можно свести к нескольким семантически емким группам» [4].

Таким образом, «философия» в музыке может проявляться на уровне обобщенного содержания, характера (неторопливый темп, как правило, мажорная тональность), воплощения в композиции принципов определенных философских учений (Дж. Кейдж) или собственных философских взглядов (А. Скрябин).

Примеров, когда композитор в своем творчестве обращается к идеям и личности конкретных философов, чрезвычайно мало. Самым известным в данном контексте, пожалуй, является сочинение Ч. Айвза «Конкорд-соната» для фортепиано (The Piano Sonata No. 2, Concord, Mass., 1840–1860), в которой он попытался музыкальными средствами выразить философские идеи американских трансценденталистов XIX в. Каждая из четырех частей сонаты имеет подзаголовок: 1) «Emerson» (Ральф Уолдо Эмерсон); 2) «Hawthorne» (Натаниел Готорн); 3) «The Alcotts» (Бронсон Олкотт и Луиза Мэй Олкотт, его дочь); 4) «Thoreau» (Генри Дэвид Торо).

В качестве предисловия к этому сочинению Ч. Айвз написал объемное эссе [5], в котором он предстает философом, рассуждающим об искусстве, высказывает свое отношение к личности и мировоззрению героев его сонаты, а также раскрывает аспекты воплощения их образов и идей в музыке. Так, для того чтобы подчеркнуть «благочестие духовного мужества» Эмерсона, он использует цитату из Пятой симфонии Л. ван Бетховена («тема судьбы»). Мрачную фантастику произведений Готорна Ч. Айвз воплотил в развернутом скерцо (II часть), идиллические настроения Олкоттов предстают в музыке неторопливого возвышенного характера (III часть). В сочинениях Торо композитор ценил глубокую связь с природой, поэтому в музыке IV части преобладает медитативность (в эссе в этой связи упоминается «один день бабьего лета в Уолдене» [5]). Соната включает также партию альта (I часть) и флейты (IV часть), на которых играли, соответственно, Эмерсон и Торо. Их исполнение предоставляется выбору интерпретатора. Музыкальный язык сочинения демонстрирует атональность и политональность, сложные ритмы, изобилует музыкальными монограммами, кроме того, используются кластеры, исполняемые деревянной дощечкой. Таким образом, композитор, с одной стороны, следуя традиции Р. Шумана («Карнавал»), создает музыкальные портреты знакомых ему людей, с другой – посредством различных музыкальных приемов и образного содержания каждой части в обобщенном виде выражает их философские воззрения.

Органная сюита «Immanuel Kant» В. Горочной является ярким примером того, как творчество композитора может быть инспирировано идеями одного философа. Однако, помимо этого, источниками вдохновения становятся и сам город Кёнигсберг (ныне Калининград), с которым была неразрывно связана судьба И. Канта, и городской кафедральный собор, у стен которого он похоронен. Кёнигсбергский университет «Альбертина», выпускником и в дальнейшем профессором которого был знаменитый философ, находился по соседству с собором, а университетская (Валленродская) библиотека располагалась в соборной башне. Во время Второй мировой войны собор был сильно разрушен в результате американо-британских бомбардировок, но та часть, в которой находилась профессорская усыпальница, осталась цела: прах философа не был потревожен.

Ныне кафедральный собор восстановлен из руин и является символом города. В его стенах звучит орган, признанный одним из лучших в России[1], и именно для этого инструмента В. Горочная написала свою сюиту «Immanuel Kant». По словам композитора, она была задумана и начата в 2016 г., а закончена в 2017 г. Однако первое исполнение этой музыки состоялось в том же году в авторской транскрипции. В родном городе В. Горочной – Ростове-на-Дону – нет органа, поэтому сюита прозвучала для слушателей в исполнении музыкального коллектива «Совершенный каданс», создателем и руководителем которого она является. Чтобы воссоздать плотность звучания органных труб, композитор использовала микстовые удвоения струнных инструментов с духовыми. В партитуре присутствуют флейта, гобой, два кларнета (один из них иногда заменяется на фагот). Процесс подготовки переложения в дальнейшем стал большим подспорьем в работе над органной регистровкой. Впервые на органе сюита была исполнена 20 апреля 2019 г. в калининградском кафедральном соборе, эту премьеру осуществил титулярный органист Евгений Авраменко. Символично, что музыка, которая вдохновлена идеями И. Канта, написана именно для органа – инструмента, звучание которого покоряет своим величием, и впервые прозвучала в том месте, где философ провел долгие годы своего плодотворного труда и где нашел свое последнее пристанище.

В сюите «Immanuel Kant»[2] шесть частей, каждая из которых имеет подзаголовок, отсылающий к наиболее важным проблемам, разрабатываемым в философии И. Канта. Пьесы сгруппированы в три субцикла по два произведения, которые, по словам композитора, отвечают на три главных кантовских вопроса: «Что я могу знать?», «Что я должен знать?», «На что я смею надеяться?».

Открывает сочинение «Ding an sich» («Вещь в себе»). Именно с размышлений об этой категории кантовской философии и родилась идея написания всей сюиты. Особенностью творческого

[1] В Кафедральном соборе Калининграда регулярно проходят органные концерты, а с 1999 г. проводится единственный в России международный конкурс органистов имени Микаэла Таривердиева.

[2] Анализ ведется по рукописи произведения, любезно предоставленной композитором.

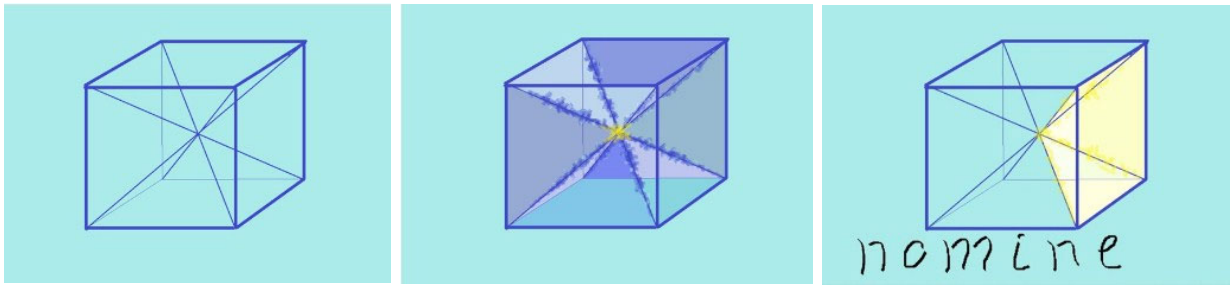

Рис. 1. Визуализация «Вещи в себе». Рисунки В. Горочной (из архива композитора)
Fig. 1. Visualization of "Thing in Itself". Drawings by V. Gorochnaya (from the composer's archive)

мышления В. Горочной является первичная визуализация образа, который потом переводится в музыкальные звуки. Здесь у композитора в сознании возникло графическое изображение куба, внутреннее пересечение граней которого образует шесть пирамид внутри него (рис. 1). Это символ непознаваемого, «вещи в себе», и только Воля и Разум человека могут осветить одну из этих пирамид, сделав ее доступной для понимания, но именно этим конкретным человеком. Сознание же другого человека подарит свет какой-нибудь из других внутренних пирамид, т. е. «вещь в себе» будет понята другим человеком по-своему (из беседы с композитором).

Образ шести пирамид внутри куба нашел выражение в первоначальном музыкальном тезисе пьесы – трех последовательностях из шести аккордов, каждая из которых остается гармонически неразрешенной, что отражает идею непознаваемости «вещи в себе». Важным элементом является и «звучащая» пауза, которой заканчивается каждая последовательность – молчит бездна бытия (рис. 2).

Эта аккордовая тема становится рефреном, проведению которого в различных вариантах подчиняется весь музыкальный материал пьесы. Так, метаморфозы начинаются уже со второго появления рефрена (такты 21–27), в котором происходит метрическое смещение на полтакта. Следующее проведение (такты 36–41) ознаменовано органным пунктом, инверсией мелодической линии верхнего голоса, появлением подголосков. Ритмическое сжатие рефрена (вместо четвертей он дается восьмыми длительностями) наблюдается в тактах 49–51, а кульминационное проведение на ff (такты 57–64) сопровождается фигурациями из 32 длительностей, в нем также происходит модуляция, после которой рефрен и следующий за ним первоначальный музыкальный материал (реприза) звучит в тональности на полтона выше (соль минор – соль-диез минор). Этот прием применяется композитором неслучайно: повышение на полтона символизирует, с одной стороны, качественно новое понимание «вещи в себе» после долгих поисков истины (метаморфозы рефренов), с другой – новый этап развития философской мысли, поскольку со времен И. Канта на полтона повысился строй музыкальных инструментов. Эпизоды между проведениями рефрена символизируют разные сферы, в которых человек ищет ответ на свои основополагающие

Рис. 2. В. Горочная. Органная сюита «Immanuel Kant». «Вещь в себе» (начало)
Fig. 2. V. Gorochnaya. Organ suite "Immanuel Kant". "Thing in itself" (beginning)

философские вопросы. Этими сферами являются и наука, и религия, и искусство. Но вещь в себе по-прежнему молчит (из беседы с композитором).

Вторая пьеса сюиты – «Theorie des Himmels» («Теория неба») – является самой объемной. Ее название отсылает нас к работе «Всеобщая естественная история и теория неба» (Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels), опубликованной философом в 1755 г. В ней И. Кант излагает свою космогоническую гипотезу происхождения вселенной и планет. Тема вселенной проводится в самом начале в виде двухголосного унисона в крайних регистрах, что создает ощущение объемного пространства. Постепенно оно заполняется – звучат аккорды в среднем регистре. Появление повторяющихся фигураций восьмыми, а затем шестнадцатыми длительностями символизирует движение частиц. По словам композитора, музыка рисует процессы возникновения вращательного импульса, аккреции и разогрева материи. Происходит модуляция из «возвышенной» тональности ми-бемоль мажор через доминантовый предыкт в «торжественную» тональность ре мажор, так возникает тема солнца (такты 67–86). Его образ подкрепляется аллюзией на «Гимн Солнцу», написанный французским монархом Людовиком XIII (такты 78–86). Последующее развитие музыкального материала являет образы разных планет солнечной системы, что показано посредством последовательной смены тональностей. Не обходится без музыкальных цитат и воплощение этой идеи. Так, образ Юпитера дается через проведение главной темы финала одноименной симфонии В. А. Моцарта (Симфония № 41), которая звучит трижды в разных регистрах (такты 129–140) (рис. 3). Завершается пьеса в далекой от первоначальной тональности – до-диез мажоре – на тон ниже. Таким образом, первый субцикл сюиты, в котором каждая пьеса завершается в иной тональности, демонстрирует движение философской мысли, приводящее к качественным изменениям.

«Две вещи не перестают приводить меня в изумление: звездное небо над головой и нравственный закон внутри меня». Согласно известному высказыванию И. Канта, за «Теорией неба» следует «Kategorischer Imperativ» («Категорический императив»). Третья часть сюиты отличается

Рис. 3. В. Горочная. Органная сюита «Immanuel Kant». «Теория неба», такты 129–142

Fig. 3. V. Gorochnaya. Organ suite “Immanuel Kant”. “Theory of Heaven, bars 129–142

Рис. 4. В. Горочная. Органная сюита «Immanuel Kant». «Практический Разум в Кёнигсберге», начало, двойная экспозиция обеих тем фуги

Fig. 4. V. Gorochnaya. Organ suite “Immanuel Kant”. “Practical Reason in Königsberg”, beginning, double exposition of both themes of the fugue

цельностью образной сферы. Она написана в виде четырехголосного хорального гимна, который мог звучать в кафедральном соборе и во времена, когда там бывал великий философ. Простота и безыскусственность музыкального языка, строгость формы – все это передает идею внутреннего морального закона. В заключительных тактах основная тема проводится в виде канона, за одним голосом следуют все остальные. По словам композитора, это символизирует поступок человека, который становится основой всеобщего закона.

Следует отметить, что второй субцикл сюиты (пьесы 3 и 4) связан с работой И. Канта «Критика практического разума». Цитата о категорическом императиве взята именно оттуда. А вот с самим названием работы связана четвертая часть – «Praktischer Vernunft im Königsberg» («Практический Разум в Кёнигсберге»). Идея практического разума здесь воплощается в форме двойной фуги (четырехголосной). Первая тема символизирует время – она строга и лаконична, проводится крупными длительностями. Вторая тема (движение восьмыми длительностями) подчинена первой и является воплощением деятельности человека (мирской суеты). Обе темы постоянно проводятся одновременно – человеческая жизнь протекает во времени и связана с ним неразрывно (рис. 4).

Фуга имеет трехчастную структуру, а в качестве разграничителя разделов (как между первым и вторым, так и между вторым и третьим) выступает обширная интермедия, самобытная по музыкальному материалу. В первом разделе фуги темы даются в виде реального и тонального ответа в основной тональности ми минор (четыре проведения), во втором разделе они проводятся в других тональностях (6 раз), в том числе и в инверсии (1 раз). Здесь же присутствует тема BACH (такты 60–61), но в другой звуковысотности (e–dis–g–fis). В третьем разделе тема времени претерпевает метаморфозы: проводится в секстовом удвоении (такты 98–101), в виде стретты – тема в реальном виде сочетается с двумя проведениями в уменьшении (такты 102–105). Преобразования темы времени символизируют сжатие и растяжение времени в его субъективном понимании, восприятии человеком. Ведь время то утекает с невероятной скоростью, то тянется в ожидании, оно ведомо событиями человеческой жизни (Практическим Разумом). В коде фуги 12 раз звучит тонический бас ми. Это символизирует 12 ударов часов калининградского кафедрального собора, расположенного на острове Кнайпхоф. Таким образом, композитор средствами музыки создает пейзаж Кёнигсберга, в котором, по словам В. Горочной, под «практическим разумом» подразумевается сам И. Кант.

Пятая часть сюиты восходит к идеям философа, изложенным им в «Критике чистого разума». Она озаглавлена «Schlechthin notvendiges Wesen» («Абсолютно необходимое существо»), само же это понятие является центральным элементом одной из четырех антиномий (четвертой, динамической), отражающих «состояние раздвоенности чистого разума, а также противоречие его законов, равнодоказуемых положений» [6]. Антиномия сформулирована в виде противопоставления тезиса и антитезиса: в мире есть нечто, что либо как часть мира, либо как его причина есть *безусловно необходимое существо* – не существует вообще никакого *безусловно необходимого*

существа, ни в мире, ни вне мира в качестве его причины[1]. Структура антиномии отражена в концентрической форме пьесы – A–B–C–B1–A1. Светлая тональность си мажор, бесконфликтное развертывание музыкальной ткани в спокойном темпе – все это направлено на раскрытие главного образа пьесы – Творца, существование которого мы признаем, но не можем постичь. Устремленный вверх гаммообразный пассаж из частей A и A1 (такты 1, 8, 41, 48), по словам композитора, символизирует приоткрытие «занавеса тайны» на короткий срок, когда нам кажется, что истина так близко. Завершает сюиту пьеса «Allerseelen», название которой нельзя перевести на русский язык одним словом. Его этимология восходит к понятиям «alle» (все) и «Seele» (душа), этим словом также обозначают «День поминовения усопших». Композитор вкладывает в «Allerseelen» глубокий смысл перехода от идеи Творца к идее Мира. Над «волнами в океане мировой души» как символ первозданного единства мироздания и наполняющих его существ возвышается утренняя звезда – вечная и неизменная. Их аллегории воплощены в элементах музыкальной ткани: в фактуре, в мелодии верхнего голоса – «надголоске», парящем над другими голосами партитуры (из беседы с композитором). Пьеса выступает финалом, подытоживающим все идеи, изложенные в сюите. Так, мы встречаем здесь движение восходящими параллельными терциями из «Теории неба» (такты 17–18, 50–51). Кульминацией выступает появление темы трех последовательностей из шести аккордов (такты 34–39) из первой пьесы сюиты «Вещь в себе», которая звучит торжественно, как апофеоз. Это образует своеобразную арку, смысл которой – показать, что когда «вещь в себе» наполняет живая душа (Seele), она становится разомкнутой и доступной для понимания. В завершении пьесы в басу звучит тема времени из «Практического Разума в Кёнигсберге» (такты 48–52), что символизирует идею вечности. В то же время «надголосок», который с самого начала и на протяжении всего развития музыкального материала базировался на ноте «си», т. е. квинтовом тоне, поднимается на ноту «ми» – основной тон (рис. 5). Тем самым и «Вещь в себе» как познавательный теоретико-методологический конструкт пре-

Рис. 5. В. Горочная. Органная сюита «Immanuel Kant». «Allerseelen», такты 44–55

Fig. 5. V. Gorochnaya. Organ suite “Immanuel Kant”. “Allerseelen”, bars 44–55

[1] Тезис “Zu der Welt gehört etwas, das, entweder als ihr Teil, oder ihre Ursache, ein schlechthin notwendiges Wesen ist”. Антитезис “Es existiert überall kein schlechthin notwendiges Wesen, weder in der Welt, noch außer der Welt, als ihre Ursache”.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 82-311.6
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-61-69

Паступіў у рэдакцыю 26.03.2021
Received 26.03.2021

А. С. Папоў

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь

КАНЦЭПЦЫЯ *НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ* ЯК ІДЭЙНА-ФІЛАСОФСКАЯ ДАМІНАНТА АПОВЕСЦІ А. АДАМОВІЧА “ВЕНЕРА, АБО ЯК Я БЫЎ ПРЫГОННІКАМ”

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции национальной идентичности белорусского народа, представленной в качестве идейно-философской доминанты повести отечественного писателя и философа А. Адамовича «Венера, або Як я быў прыгоннікам». Определяя понятийный аппарат исследования, автор обобщает опыт белорусских и зарубежных ученых, уточняет содержание понятий «концепт», «концепция», «концептуальность» и реализует их в аналитической интерпретации повести А. Адамовича.

Автор рассматривает поле концептуальности произведения через систему концептов, связанных между собой смысловыми иерархическими связями. Стержнем концептосферы повести является концепция национальной идентичности, драматической истории и судьбы белорусского народа. В качестве содержательно-аксиологических доминант, формирующих данную концепцию, рассматривается целый ряд образов и мотивов-концептов (семья, дом, род, вероисповедание, хлеб, своя земля, лошадь и др.), отражающих социокультурную и духовно-моральную жизнь белорусов. Автор подчеркивает, что А. Адамович особое внимание уделяет духовной составляющей жизни белорусского народа, а также сосредотачивается на его одновременно героической и трагической судьбе. Отдельное место в раскрытии концепции национальной идентичности занимают мотивы-концепты репрессий и войны, наложившие серьезный отпечаток на коллективное самосознание народа. За счет структурированности, многогранности и универсализма концептосферы произведения А. Адамовичу удалось создать точный по драматизму и самобытности художественно-обобщенный портрет белорусов первой половины XX века.

Ключевые слова: концепция, концептосфера, образ-концепт, мотив-концепт, поэтика, тоталитарная модель, национальная идентичность

Для цитирования: Папоў, А. С. Канцэпцыя *нацыянальнай ідэнтычнасці* як ідэйна-філасофская дамінанта аповесці А. Адамовіча “Венера, або Як я быў прыгоннікам” / А. С. Папоў // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 61–69. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-61-69

Anton S. Papou

Brest State A. S. Pushkin University, Brest, Belarus

CONCEPTION OF *NATIONAL IDENTITY* AS THE IDEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL DOMINANT OF A. ADAMOVICH’S STORY “VENUS, OR HOW I WAS A SLAVE OWNER”

Abstract. This article is devoted to the concept of national identity, developed by the Belarusian writer and philosopher A. Adamovich in his story “Venus, or how i was a slave owner”.

The introduction of the work is devoted to the theoretical development of the conceptual apparatus of the study: establishing the exact meaning of the terms “concept”, “conception”, “conceptuality”. Based on the works of well-known Belarusian and foreign, the author builds a logical chain of communication between these terms, suitable for practical use in the study of the concept sphere of fictional prose works.

The main part of the article is devoted to the peculiarities of the functioning of the concept of national identity as an ideological and philosophical dominant of the story under study. The author considers it as a complex-structured system of concepts formed from content-axiological dominants. The author notes that A. Adamovich pays special attention to the spiritual component of the life of the Belarusian people, and also focuses on its both heroic and tragic fate. A separate place in the

© Папоў А. С., 2025

disclosure of the concept of national identity is occupied by the concepts of repression and war, as they have left a serious imprint on the collective self-consciousness of the people. Due to such structuredness, versatility and universalism of the concept sphere, A. Adamovich managed to create a vivid and original portrait of Belarusians in the first half of the 20th century.

Keywords: concept, concept sphere, image-concept, totalitarian model, national identity

For citation: Papou A. S. Conception of *national identity* as the ideological and philosophical dominant of A. Adamovich's story "Venus, or how i was a slave owner". *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 1, pp. 61–69 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-61-69

Уводзіны. Тэрмін "канцэпт" быў запазычаны літаратуразнаўствам з логікі і філасофіі. У апошнія дзесяцігоддзі адбываюцца маштабныя працэсы яго пераасэнсавання і актуалізацыі філалагічнай прасторы. Але і дагэтуль дадзены тэрмін не мае адзінага азначэння, хаця ў сучасных лінгвістыцы і літаратуразнаўстве замацаваўся даволі трывала.

Даследуючы канцэптную сістэму мастацкага твора, варта мець на ўвазе, што ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве адбываецца станаўленне *канцэпталогіі* як метадалагічнага кірунку. Таму падаецца важным разгледзець існуючыя розныя падыходы да асэнсавання гэтага паняцця і на іх аснове сфармуляваць варыянт разумення зместу дадзенага тэрміна ў літаратуразнаўстве.

Вывучэнне аб'ёму паняцця *канцэпт* пачалося адносна нядаўна – яго ўвёў у навуковы ўжытак у 1928 г. С. Аскольдаў-Аляксееў, які напісаў змястоўны артыкул "Канцэпт і слова". Аднак на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў гэта праца была забытая, і толькі ў 1980-я гг. даследчыкі з розных філалагічных галін зноў звярнуліся да гэтага паняцця. У выніку з'явіліся розныя погляды на сутнасць тэрміна, а таксама склаліся разнастайныя канцэптуальныя сістэмы.

Паводле Д. Ліхачова, *канцэпт* – вынік сутыкнення засвоенага значэння з асабістым жыццёвым вопытам наратара. Канцэпт выконвае замяшчальную функцыю ў маўленчых зносінах. Канцэпты ўзнікаюць у свядомасці чалавека не толькі як "намёкі на магчымыя значэнні", але і як "отзывы на предыдущий речевой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д." [1, с. 282].

Вядомы даследчык канцэпталогіі тэксту, лінгвіст і літаратуразнаўца М. В. Нікіцін лічыць, што канцэпт складаецца з вобраза, паняцця, кагнітыўнага імплікацыянала і прагматычнага імплікацыянала [2, с. 59–60]. Трэба адзначыць, што з гэтым меркаваннем згодны многія навукоўцы. Яны вылучаюць у складзе канцэпту вобраз, вызначанае інфармацыйна-паняційнае ядро і некаторыя дадатковыя прыметы, што сведчыць у цэлым пра пэўную ўніверсальнасць у разуменні структуры канцэпту ў розных навуковых школах.

У кантэксце нашага даследавання слушным уяўляецца і меркаванне аб сутнасці канцэпту расійскай даследчыцы ідыястылю І. А. Тарасавай. У сваёй працы, прысвечанай кагнітыўнаму аспекту ідыястылю Г. Іванова, яна апісвае *канцэпт* як «единицу "индивидуального" сознания концептосферы, вербализованную в едином тексте творчества писателя» [3, с. 77]. Для І. А. Тарасавай канцэпт – з'ява шматгранная. Па меркаванні навукоўцы, паўнавартасны аналіз мастацкага тэксту дазваляе выявіць узаемасувязь канцэпту і твора. Яна ж у сваю чаргу заключаецца ў тым, што канцэпт з'яўляецца неад'емнай часткай твора і адначасова існуе і ў самім тэксце, і па-за яго межамі, у свядомасці кожнага асобнага чытача і аўдыторыі ў цэлым.

Беларускія навукоўцы таксама даследуюць феномен канцэпту. Адзін з іх, мовазнаўца, доктар філалагічных навук Б. Ю. Норман, абгрунтаваў структуру канцэпту як ментальнай адзінкі, вылучыўшы наступныя кампаненты: паняційную базу, пачуццёвую, эмпірычную інфармацыю, культурныя традыцыі, уласцівыя дадзенаму соцыуму, аксіялогіію і літаратурны кантэкст ужывання канцэпту. Апошні кампанент як адзін з найбольш важных патрабуе ўдакладнення. Пад літаратурным кантэкстам мы разумеем агульную канцэпцыю твора і канцэптуальныя сувязі ў ім, якія дазваляюць сістэматызаваць канцэпты ў творы і вызначыць іх падпарадкаванасць увасабленню аўтарскай задумы і ідэі.

Такім чынам, у структуры канцэпту можна вызначыць тры асноўныя, базавыя кампаненты яго функцыянавання: гэта сам вобраз-"ядро", яго інфармацыйны змест і інтэрпрэтацыйнае поле. Усе гэтыя тры кампаненты суіснуюць і рэалізуюцца ў сэнсава-камунікатыўнай сістэме з іншымі

канцэптамі мастацкага твора, абумоўліваючы яго канцэптасферу, а таксама аўтарскую канцэпцыю ці, іншымі словамі, канцэптуальнасць аўтарскай задумы.

Канцэпцыя ў празаічным творы звычайна рэалізуецца праз шматузроўневую структуру: тыпалогію герояў, сюжэт, вобразы-канцэпты, матывы-канцэпты, нават дэталі, сімвалічную вобразнасць і г. д. Адпаведна, існуюць самыя розныя спосабы ўвасаблення аўтарскай канцэпцыі ў творы: праз сістэму вобразаў, сюжэтныя падзеі, стылістычныя, камунікатыўна-наратыўныя, псіхааналітычныя прыёмы, праз апісанні пейзажу, лірычныя, філасофскія адступленні і інш. Гэта ўсё называецца сёння *паэтыкай твора.*

Канцэптуальнасць твора паглыбляецца сістэмай аўтарскіх канцэптаў, якія ствараюць яго агульную канцэпцыю і напаўняюць сюжэт і вобразную сістэму сэнсамі.

Спецыфічнай тэндэнцыяй сучаснага літаратуразнаўства з'яўляецца пошук сэнсавых агульнакультурных і аксіялагічных дамінант у нацыянальнай літаратуры. Тэрмін *мастацкі канцэпт* трывала ўвайшоў і ў інструментарый айчыннага літаратуразнаўства. Яго азначэнні маюць некаторыя адрозненні ў залежнасці ад навуковага кантэксту. Нам падаецца найбольш мэтазгодным, рацыянальным і ёмістым азначэнне В. Зусмана, які разглядаў мастацкі канцэпт як «такой образ, символ или мотив, который имеет "выход" на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [4, с. 14]. Такім чынам, канцэпты, якія будуць разглядацца намі падчас даследавання, у якасці асноўнай рысы павінны мець трывалую сувязь са знешнім кантэкстам, які ляжыць па-за межамі твора, – у светапоглядным, сацыякультурным і духоўна-гістарычным вопыце народа.

Развіваючы ідэю В. Зусмана, адзначым, што канцэпт – гэта яшчэ і сэнсава-аксіялагічнае паняцце. Яго складнікамі з'яўляюцца як індывідуальнае ўспрыманне аўтарам твора жыцця і свету, так і агульнае, уласцівае ўспрыманню гэтага паняцця грамадствам. Канцэпт уключаецца ў агульнанацыянальны асацыятыўна-вербальны кантэкст. Мастацкі твор становіцца адным з варыянтаў яго функцыянавання ў гістарычным, сацыяльным, геапалітычным і этнапсіхалагічным кантэксце.

Канцэпт, паводле структуралісцкіх падыходаў, – гэта вербалізаваны ў свядомасці кампанент культуры, які мае пэўную структуру, у якой ёсць базавыя і дадатковыя складнікі. Канцэпт *нацыянальная ідэнтычнасць* – з'ява шматгранная. Гэта надзвычай складаная сістэма, каб разглядаць яе толькі як аспект развіцця любой нацыянальнай літаратуры. Таму мы лічым мэтазгодным раскласці гэты канцэпт на складнікі і кожны з іх разглядаць асобна ў агульным кантэксце функцыянавання ў аповесці А. Адамовіча "Венера, або Як я быў прыгоннікам".

Асноўная частка. Нацыянальная ідэнтычнасць кожнага народа складаецца з комплексу маральных каштоўнасцей: дом, сям'я, дзяржава і г. д. Такі комплекс ёсць і ў беларусаў: *дом, сям'я, род, радзіма, грамадства, сумленне, каханне, любоў, вайна, народ, вера* і інш. Пералічаныя канцэпты ўяўляюць сабой глыбінныя праграмы жыццядзейнасці кожнага чалавека і грамадства. Яны арганізуюць элементы культуры ў адзіную цэласную сістэму, выступаючы ў якасці каталізатара міжасобасных і грамадскіх адносін. Гэтыя культурныя асновы вызначаюць тып грамадства, складаюць падмурак светапоглядных дамінант народа ў пэўныя гістарычныя эпохі. Адзначаны вышэй комплекс канцэптаў надзвычай універсальны. Ён выступае як абагульненая сістэма светапоглядных уяўленняў і духоўна-маральных установак. Яны ствараюць цэласны вобраз асобаснага і грамадскага свету. Канцэпты – гэта базісная структура чалавечай свядомасці. Іх сэнсы вызначаюць яе аксіялагічна-катэгарыяльны лад. Для таго, каб сістэмна апісаць сэнсавае напаўненне паняцця *беларуская нацыянальная ідэнтычнасць*, неабходна разгледзець кожны з адзначаных намі канцэптаў, кантэкст яго ўжывання і значэнне.

Канцэпт *сям'я* ў аповесці "Венера, або Як я быў прыгоннікам" адыгрывае значную ролю ў фарміраванні сюжэта твора. Ён выразна праяўляецца ў найбольш напружаных эпізодах: пошукаў сховішча і прытулку беларусаў-вяскоўцаў у лесе ў час вайны, спальвання карнікамі вёскі Уюнішчы, у некаторых эпізодах паслявае́ннага жыцця. А. Адамовіч, па нашым перакананні, неаднойчы падкрэслівае значэнне сям'і ў жыцці беларусаў і асаблівую важнасць сям'і ў пераломныя моманты быцця.

Адносіны ў сям'і Станкевічаў аўтар апісвае як традыцыйныя, трывалыя: моцны, упэўнены ў сабе бацька, маці, якая падпарадкоўваецца яму, і дзеці. Такім чынам, ужо тут, на этапе апісання сям'і сваіх герояў, А. Адамовіч выяўляе ўласныя погляды на тое, якой павінна быць гэтая найменшая, але асноватворная частка грамадства.

Паступова, з развіццём сюжэта, мы бачым, як пачынаюць праяўляцца асобасныя характарыстыкі Венерыных сямейнікаў: трывожнасць, баязлівасць маці, упэўненасць і чуласць бацькі: "Маці проста змарнела са страху за яго, за ўсіх. Але ў маці гэта быў заўсёдны, вечны стан: страх. Нават у спакойныя часы. Бацька, бывала, возьме яе, як малую, на рукі, трымае, не выпускае" [5, с. 53]. А. Адамовіч падкрэслівае далікатныя, трапяткія адносіны паміж бацькамі Венеры, іх закаханасць адзін у аднаго, на першы погляд нязвыклую для дарослых людзей, якія пражылі ўсё жыццё разам і нарадзілі дзяцей.

Відавочна, што сям'я для апавядальніка – гэта не толькі сумесная гаспадарка, нажытае дабро, але і ментальная трывалая эмацыянальная сувязь паміж усімі сямейнікамі. Асабліва ярка гэта выяўляецца тады, калі маці Венеры, захварэўшы пасля пабачанага месца расстрэлу, заве ў непрытомнасці сваіх дзетак. Нават знаходзячыся ў памежным псіхалагічным стане, яна памятае іх імёны і намагаецца выратаваць ад бяды: "Тут і пачалося самае жахлівае: мама стала рвацца наверх, зваць, клікаць дзяцей, яны з ёю побач, ціснуцца да яе, а яна іх кліча, быццам у тым рове іх кінулі, забыліся" [5, с. 61]. Жанчына, нават страціўшы магчымасць лагічна мысліць, разумець сітуацыю і адэкватна ацэньваць яе, захоўвае ў памяці імёны дзяцей і падсвядомы, інстынктыўны абавязак маці бараніць іх ад любой небяспекі.

Безумоўна, найбольш значнымі эпізодамі твора, у якіх выяўляецца глыбінная сутнасць сямейных адносін – ратаваць, аберагаць малодшых, слабейшых, – з'яўляюцца эпізоды прымусовага раздзялення родзічаў на полі і спальвання Уюнішчаў. У першым эпізодзе выразна бачна, як бацька, разумеючы, што фашысты хлусяць і большая частка затрыманых вяскоўцаў загіне, спрабуе ўратаваць Венеру. Ён выпіхвае дачку да групы моладзі, якая нібыта павінна ехаць у Германію: "Антончык яшчэ мацней, тужэй абхапіў Венеру за шыю, быццам адчуў, што варухнулася ў яе душы. А тут яшчэ бацька: – Ідзі, донька, я з імі застануся. Ты за нас не бойся" [5, с. 64]. Аўтар падкрэслівае, што сямейнікі ў беларускай нацыянальнай парадыгме, тым больш бацькі, старэйшыя, без ваганняў ахвяруюць сабой дзеля жыцця і будучыні дзяцей. Бацька, прадчуваючы жудасны фінал, намагаецца выратаваць хоць дачку з сынам – Венеру і Антончыка. Дзяўчына не кідае свайго маленькага безабароннага браціка, якога, аднак, нямецкі афіцэр вырывае ў яе з рук. Таму бацькаў план выратавання дзяцей не ўдаўся. Венера, узгадаваная старэйшым Станкевічам на яго жыццёвых прынцыпах, нават у смяротна небяспечнай сітуацыі не здрадзіла ім.

Гібель Венерынай сям'і – сэнсава ёмісты матыў у функцыянаванні канцэпту *сям'я* не толькі ў гэтым творы, але і ва ўсёй беларускай літаратуры, ён судакранаецца з канцэптам *разбуранага гнязда*. Пачынаецца гэты фрагмент тэксту з традыцыйнага беларускага жаночага плачу: "Татка, татка, што са мною зрабілі! Чаму я засталася, адна-адзінюткая на ўсім на белым свеце? На каго пакінулі вы мяне, мамачка, Антончык, Волечка, Манюся?! Як, як жа вам, бедным, было балюча, як пякло!" [5, с. 65]. А. Адамовіч выбірае менавіта народны плач-жальбу для таго, каб перадаць сапраўдную народнасць, усёабдымнасць трагедыі і каб выклікаць суперажыванне ў чытачоў. Праз галашэнне Венеры пісьменнік перадае ўвесь боль дзяўчыны, якую чужынцы гвалтоўна адарвалі ад сям'і, а хату, роднае гняздо і дарагіх людзей знішчылі. Сям'я, аснова беларускага соцыуму, бязлітасна разбураецца. Гэтым А. Адамовіч падкрэслівае антычалавечую сутнасць фашызму, які намагаўся не проста заваяваць тэрыторыю і забраць насельніцтва ў палон, але і знішчыць большасць народа. Пры гэтым асобным пунктам у планах гітлераўцаў значылася разбурэнне традыцыйнай сям'і на захопленых тэрыторыях, што было абсалютна непрымальна для беларусаў.

Наступны сэнсава ёмісты эпізод – спальванне жыхароў вёскі. Венера з апошніх сіл намагаецца выратаваць братоў і сясцёр, аднак людскі натоўп адрывае іх ад дзяўчыны назаўжды. Канцэпт *сям'я* набывае ў гэты момант выразна трагічную канатацыю: апошнія, самыя маленькія і безабаронныя члены вялікай сям'і Станкевічаў гінуць у полымі: "Потым панесла і яе, яна, абхапіўшы і не могучы абхапіць усіх, цягнула дзяцей, адчуваючы, як губляе аднаго за адным, рукі яе

хапаліся за ўсё дзіцячае, што ёй траплялася: галовы, рукі, ножкі" [5, с. 68]. Пісьменнік перадае амаль непрытомны стан Венеры, якая ўсё ж намагаецца выратаваць Антончыка ад смерці ў полымі. Праз гэтую пранізлівую сцэну выяўляюцца ўсе асноўныя характарыстыкі беларускага ўспрымання *роду, сям'і*: надзвычай моцная ментальная сувязь паміж роднымі, гатоўнасць да самаахвяравання, імкненне любой цаной выратаваць малодшых і слабейшых.

Сваё развіццё канцэпт *сям'я* атрымлівае ў эпізодах, прысвечаных пасляваеннаму жыццю ва Уюнішчах. Венера становіцца нібы другой маці для дзяцей-бежанцаў, якія і ўспрымаюць яе як родную: «Сама гаспадыня спіць на бацькоўскай пасцелі, – а пры ёй цэлы вывадак дзетак, якія раўніва дамагаюцца права (па чарзе) спаць каля "цёткі Венеры". Вайна ў іх за гэта ідзе са слязьмі і крыкам, маткі ледзьве спраўляюцца наводзіць парадак і справядлівасць» [5, с. 80]. Гэтым апісаннем А. Адамовіч сведчыць, што Венера, страціўшы родную, кроўную сям'ю, не згубіла сваіх маральных каштоўнасцей і захавала ў душы ўяўленні аб тым, як патрэбна жыць у людскім грамадстве, нягледзячы на выпрабаванні, якія выпалі на яе долю. Дзяўчына, па сутнасці, пераносіць сямейныя прынцыпы Станкевічаў у новую абшчыну. Такім чынам, пісьменнік падкрэслівае, што, нягледзячы на жахлівасць перажытага, фашыстам і іх паслугачам не ўдалося знішчыць беларусаў і іх імкнення да сямейнасці, да адраджэння жыцця на аснове кроўнай і духоўнай роднаснасці.

Далейшае асэнсаванне канцэпту *сям'я* адбываецца ў другой палове аповесці. Венера, пражыўшы ў сваім ацалелым доме некалькі месяцаў, сутыкаецца з зусім іншай сістэмай сямейных каштоўнасцей, калі ў пасляваенную вёску прыязджаюць першыя прадстаўнікі савецкай улады. А. Адамовіч малюе знешне непрыгожых, амаль пачварных, партыйных функцыянераў, сямейныя адносіны якіх далёкія ад той гармоніі, што была ў Станкевічаў: "Трэці (у пакамечаным шэрым касцюме) заняты тым, што дапамагае разабрацца з вузламі жанчыне, што прыехала ў танку. Худзенькі, як падлетак, рэдкія валасы на вузкай галаве, рэдкія зубы, – зразумела, чаму выгляд у паўнагрудай Груні такі незадаволены. Што маем, не цэнім" [5, с. 98]. Адсутнасць павагі да мужа ў жонкі Груні, яго непрывабны знешні выгляд і грубыя адносіны да людзей фарміруюць выразны кантраст да далікатных і цёплых зносін у Венерынай сям'і.

На такім жа кантрасце пабудаваны і эпізод вяртання былога старшыні саўгаса Прохара. Ён, нават пакалечаны, бязногі, усё роўна мае больш прывабных чалавечых рыс, чым прадстаўнікі новай улады. Адносіны жонкі да Прохара падкрэслена паважлівыя. Жанчына вельмі задаволеная, што адзіны мужчына, які вярнуўся ў вёску з вайны, – гэта яе муж: "Толькі вясельных званочкаў на дузе не ставала, гэткім урачыстым было яго прыбыццё: фурман Тамаш з хвацка наматанымі на руку лейцамі, шчаслівыя Вольга і Прохар, як галубкі, ззаду. Цяжкая рука мужа ляжала ў Вольгі на плячы, а яна галаву схіліла ці то ад цяжару, ці то ад збянтэжанасці, што менавіта яе ўзнагародзіў лёс, вылучыў адну з усіх. Нават румянак на запалых немаладых шчоках" [5, с. 101]. А. Адамовіч трапна ўводзіць у апісанне вобраз вясельнага вазка. Так падкрэсліваецца важнасць моманту і ствараецца алюзія "вяртання з фронту да жонкі – вяселле". Аўтар падрабязна апісвае позы герояў, акцэнтуе ўвагу на знешнім праяўленні пачуццяў Вольгі: у традыцыйнай беларускай сям'і не прынята паказваць каханне і шчасце адкрыта на людзях. І таму жанчына чырванее, бянтэжыцца, ёй становіцца няёмка перад іншымі, асабліва ўдовамі, што менавіта яе муж выжыў і вярнуўся дамоў.

Дробныя савецкія чыноўнікі ў кантэксце раскрыцця канцэпту *сям'я* выяўляюцца выразна негатыўна. Юнра, Косцік і іншыя вельмі проста адносяцца да палавых кантактаў паміж мужчынам і жанчынай. Для іх і для "камандзіраваных" няма маральных табу, якія заўсёды існавалі ў традыцыйным беларускім грамадстве. З гістарычных звестак і даследаванняў вядомых сацыёлагаў мы ведаем, што гэта было абумоўлена некалькімі фактарамі: разрывам паміж гарадскім і вясковым насельніцтвам, разбурэннем царквы як грамадскага інстытута і г. д. Найбольш негатыўным вынікам распаду сумленных і цнатлівых сямейных зносін стала пашырэнне кола людзей, якія жылі ў блудзе. Трапляе ў іх лік і Венера, якая вырашае даверыцца Косціку: "Што з ёю сталася, чаму саступіла, хаця і ў думках, здавалася, такога не дапускала? Сама не паверыла б, што вось так і адразу няблізкаму яшчэ чалавеку саступіць – яна, вясковая ганарліўка, Станкевічава Венера […] Абдымала свайго крыўдзіцеля з мальбою не чапаць яе, не рушыць, але і з надзеяй,

як маму абдымала б ці татку, – з мальбою не пакідаць яе, абараніць ад цэлага свету” [5, с. 119]. Тое, што Венера ўсё ж саступае Косціку і нават намагаецца апраўдаць сябе, сведчыць аб тым, што яе мараль пасля ўсяго перажытага, пасля месяцаў назірання за п’янымі вечарынамі таксама дэфармавалася. Яна амаль фізічна мае патрэбу аб кімсьці клапаціцца, стварыць паўнавартасную сям’ю, аднак паводзіны людзей, якія жывуць у яе доме, не даюць гэтага зрабіць.

Першыя інтымныя адносіны з Косцікам Венера звязвае з надзеяй на лепшае жыццё, на тое, што і яе, з апечанымі шыяй і рукамі, мужчына можа кахаць і жадаць. Таму сімвалічна, што А. Адамовіч у наступнай сцэне паказвае, як жанчына пазычае ежу ў Окці, каб прыгатаваць “мужу” сняданак. Аўтар надзвычай эмацыянальна апісвае псіхалагічны стан Венеры, яе пачуцці і думкі: “Прыбегла дамоў з адной думкаю: толькі б не звялі яго, добра, каб сам да яе на кухню выйшаў, пабачыў, што дзеля яго аднаго сняданак. Пераглянуцца з ім, слова шапнуць, дакрануцца рукою шчакі (няголены заўжды). Глянула крыўдліва на рукі свае. Быццам спадзявалася на цуд, – што сталі другія” [5, с. 120]. А. Адамовіч падкрэслівае, што для Венеры, якая амаль зняверылася ў магчымасці кахаць і быць каханай, гэтыя адносіны з Косцем сталі сапраўды вельмі важнымі. Жанчына адчула ўпершыню за пасляваенны час пяшчоту, зразумела, што яна можа быць прывабнай і патрэбнай. Аднак фінал гэтай сцэны, калі Косця з’язджае, нават не паснедаўшы, выразна сведчыць, што для яго ноч з Венерай – гэта ўсяго толькі яшчэ адна, звычайная падзея, якая нічога не азначае.

Пасля гэтага эпізоду А. Адамовіч паказвае маральнае падзенне Венеры і паступовае знікненне яе былых жыццёвых прынцыпаў сямейнасці. Безумоўна, прычынай гэтага стала здрада Косці, які свядома падсылае да маладой жанчыны на печ іншага мужчыну, упаўнаважанага з раёна. Як адзначае сам аўтар, “усё, што пасля з ёю, у яе жыцці адбывалася, было непазбежна. Пасля таго, як яна пачула здрадніцкі рогат чалавека, якога гатовая была пакахаць на ўвесь бабскі век” [5, с. 122]. Учынак каханага чалавека разбурае ўяўленні Венеры пра сямейнае жыццё, разбівае яе сэрца і спадзяванне на шчасце.

Маральны стан жанчыны, асабліва пасля таго, як яна даведалася пра цяжарнасць, А. Адамовіч малюе выключна змрочнымі фарбамі. Ён параўноўвае яе самаадчуванне з брудным снежным камяком, які коціцца па жыцці і збірае на сябе ўсё смецце з-пад ног людзей. Аўтар з вострай псіхалагічнай дакладнасцю апісвае адчуванні Венеры, яе самотныя думкі і пачуцці. Менавіта на гэтым этапе развіцця сюжэта аповесці і адбываецца канчатковая трансфармацыя канцэпту *сям’я*.

У памяці Венеры яшчэ застаецца вобраз яе бацькі, маці, братоў і сястрычак з даваеннага жыцця, але гэтыя думкі ўсё менш карэлююць з рэальным станам спраў. Цяпер жа Венера нават не зусім належыць сабе, бо абставіны і псіхічны стан маральна скалечанай жанчыны ўжо не могуць супрацьстаяць заляцанням. Так, спачатку дамагаецца свайго фінінспектар Юнра, які абяцае не чапаць яе дзяцей, а потым і іншыя чыноўнікі.

Ідэйна-сэнсавая змястоўнасць канцэпту *нацыянальнай ідэнтычнасці* ў творы рэалізуецца з дапамогай і іншых канцэптаў, аб’яднаных аксіялагічным сэнсам. Напрыклад, важную ролю ў фарміраванні вобраза мастацкага свету беларусаў адыгрывае *нацыянальная ежа*. Гэты канцэпт абмежавана выяўляецца на старонках аповесці “Венера, або Як я быў прыгоннікам”, аднак, тым не менш, яго значэнне важнае. Пералічэннем простай ежы беларусаў, якой харчаваліся партызаны, аўтар падкрэслівае сапраўдную народнасць супраціўлення акупантам, непарыўную сувязь народных мсціўцаў з людзьмі, сялянамі. А. Адамовіч пра гэта піша: “Праўда, на траве ля ног яго кус жоўтага сала, кругляк хлеба – ужо сабраў даніну” [5, с. 32]; “Расхапалі праснакі, хлеб, крынкі з малаком, рукамі заграбаюць тварог і смятану” [5, с. 41]. Пісьменнік падкрэслівае прастату ежы, паспешлівасць яе спажывання. Партызаны, якія ўдзельнічаюць у дыверсіі, у гэты момант нагадваюць касцоў ці дрывасекаў, якія перакусваюць перад складанай, цяжкай і адказнай працай.

Апісанні рыс характару герояў-беларусаў на старонках аповесці адыгрываюць важную ролю ў фарміраванні сэнсавага поля канцэпту нацыянальнай свядомасці. А. Адамовіч выяўляе ментальную адметнасць некаторых характарыстык, што вызначаюць нацыянальны свет беларусаў. Так, напрыклад, пісьменнік падкрэслівае беражлівасць, ашчаднасць, запаслівасць беларусаў, імкненне прадбачыць негатыўныя варыянты развіцця падзей: “Але бацька, не быў бы гэта ён,

падрыхтаваў не адну, не дзве, а цэлыя тры хованкі (не лічачы склепа)" [5, с. 53]. Відавочна, што Станкевіч-бацька, нават будуючы схованкі ад ворагаў, не змог адысці ад заведзеных яшчэ продкамі жыццёвых прынцыпаў і зрабіў больш схованак ад карнікаў – не толькі для сямейнікаў, але і родзічаў ці суседзяў. Пры гэтым аўтар падкрэслівае, што мужчына будаваўся з пэўным разлікам, намагаючыся прадухіліць бяду, уберагчы ад чужынцаў сям'ю і родных.

Аднак у гэтым жа эпізодзе выяўлена і адмоўная рыса героя – яго неабачлівае жаданне пахваліцца ўдалай задумай перад іншымі. Ва ўмовах небяспекі гэтая рыса характару, па меркаванні А. Адамовіча, становіцца не проста заганнай, а абарочваецца рызыкай для жыцця. Пахваліўшыся сховішчам перад Камаем, Станкевіч ставіць пад пагрозу бяспеку і жыццё сваёй сям'і. І менавіта "Самаед" прыводзіць карнікаў у двор Станкевічаў.

Значную ролю ў выяўленні важных рыс ментальнасці і нацыянальнай свядомасці адыгрывае вобраз-сімвал *каня*. Конь для беларусаў – гэта адна з найбольш значных жывых істот з ліку тых, якія былі прыручаныя чалавекам. Даследчыца міфалагічных вобразаў у беларускай літаратуры XX стагоддзя Л. Бараноўская мяркуе: "У ментальнай свядомасці беларуса гэтая свойская жывёла звязваецца з доляй беларуса-працаўніка" [6, с. 99]. Гэты канцэптуальны архетып, на наш погляд, з'яўляецца важным элементам паэтыкі аповесці. У Венеры ёсць конь – Шэры. Аўтар падкрэслівае неверагодную прыгажосць жывёлы, пра якую гавораць, што на ёй мог бы ездзіць нават сам маршал Жукаў: "У двор ступіў Шэры. На ім шчаслівы абарванец Васілёк усеўся, гойсае па непакрытай спіне, але харашуна-каня гэта ані не бянтэжыць, ён перабірае тонкімі нагамі, як на парадзе, як пад маршальскім сядлом, гунькаю" [5, с. 98]. А. Адамовіч апісвае постаць Шэрага, яго нораў, рухі. Аднак жа доля жывёлы нешчаслівая – яго спачатку прыватызуе савецкая ўлада для раз'ездаў па раёне, а потым каня аддаюць на цяжкую і грубую працу, дзе цягавітая жывёла пакутуе. Пісьменнік праз светаўспрыманне Венеры даводзіць да чытача думку аб выключнай не проста гаспадарскай, але нават і ментальна важнай значнасці каня для сялян, для жыцця пасляваеннай вёскі: "Шэры – гэта ня проста конь, ён – абяцанне зусім другога жыцця, пра якое татка гэтулькі фантазіраваў у самыя страшныя дні" [5, с. 116]. Конь – не толькі і не столькі дужая, цягавітая жывёла, што дапамагае вяскоўцам у цяжкай працы. На думку А. Адамовіча, гэта – важная характарыстыка сапраўднага заможнага гаспадара, увасабленне надзеі сям'і на дабрабыт і лепшае жыццё. Гэта адначасова характарызуе і беларуса-гаспадара як прадстаўніка высакароднага, прыгожага, смелага народа, які заўсёды прыходзіць на дапамогу іншым.

Для нацыянальнай свядомасці беларускага народа, як і для шматлікіх іншых народаў, важную ролю адыгрывае веравызнанне, далучанасць да царквы, захаванне хрысціянскіх маральных запаветаў. Асноўныя ідэі веравызнання заўсёды ў значнай ступені ўздзейнічаюць на каштоўнасную арыентацыю грамадства. Канцэпт *веры* ў аповесці "Венера…" актуалізуецца нячаста. Аўтар засяроджвае на ім увагу толькі ў самыя эмацыянальна вострыя моманты, калі патрэба ва ўздзеянні на думкі і пачуцці чытача надзвычай актуальная. Для А. Адамовіча пытанні веры ў Бога, рэлігіі і, асабліва, функцыянавання гэтых паняццяў ва ўмовах савецкага пасляваеннага грамадства былі, несумненна, важнымі. Пісьменнік намагаўся даць у сваіх творах адказы на фундаментальныя пытанні аб страце веры, аб прычынах і выніках гэтага.

Адзін з найбольш моцных, экспрэсіўных эпізодаў твора непасрэдна звязаны з канцэпцыяй веравызнання беларусаў, глыбіні і перакананасці веры народа ва Усявышняга. Аўтар апісвае экс-гумацыю рэшткаў спаленых аднавяскоўцаў у першы пасляваенны Вялікдзень. Гэтая сцэна створана А. Адамовічам з вялікім майстэрствам і эмацыянальнасцю. Увага надаецца дэталям і вобразам, якія зліваюцца ў цэласную сакральную карціну, асноўным элементам якой з'яўляецца пераканаая *вера* народа ў непазбежнасць Боскай справядлівай кары: "А потым пайшлі – услед за Венерай і Окцяй – на луг, туды, дзе гарэлі людзі. Тамаш і Васілёк неслі рыдлёўкі, яны ішлі ззаду за ўсімі. Старая доўга чытала малітвы, стоячы сярод страшнае плямы, чорнае, як патэльня. Нахілялася, брала чалавечую костачку, цалавала і складвала ў кучку […] – ... Дакуль, Уладыка святы і ісцінны, ня судзіш і ня помсціш жывушчым на зямлі за кроў нашу?.. Замоўклі наверсе, замерлі ад міжвольнага жаху […] О, Божа, што гэта? Людзі наверсе ня ўлоўлівалі ўсіх словаў, але ведалі: нешта адбываецца большае нават, чым перажытая імі бяда, перажыванае імі гора. Тое ранішняе, з чым яны прачнуліся, што іх сёння на світанні сустрэла: Вялікдзень, забыты дзесьці

ў маленстве Бог, Сын Бога, які ажыў у вайну, з вайною да іх вярнуўся, – Ён тут, у гэтай яме разам з усімі. І ўваскрасаць ім разам. Але толькі пасля таго, як будзе папоўнена лічба...” [5, с. 86–88]. Для спасціжэння вялікага сэнсу і функцыі канцэпту *веры* ў гэтым творы найбольш важным з’яўляецца трэці з прыведзеных фрагмент. У ім А. Адамовіч падкрэслівае: адраджэнне хрысціянскай веры адбылося ў час вайны, калі заставалася надзея толькі на дапамогу Усявышняга для выратавання і захавання акупаваных краю і народа. Па меркаванні беларускага пісьменніка-мысліцеля, менавіта вялікі крызіс чалавечнасці, масавыя жахлівыя карныя акцыі, штодзённая небяспека смерці, пагроза знішчэння краіны вярнула народ да веры ў заступніцтва і справядлівасць Бога. “Ажыў з вайною”, – сказанае пісьменнікам у дачыненні да Ісуса Хрыста нібыта паказвае, што для адраджэння веры было павінна адбыцца нешта незвычайнае, катастрафічнае.

Важным падаецца ў гэтым фрагменце і эсхаталагічны матыў: А. Адамовіч, гаворачы ад імя аўтара-сведкі, адзначае, што Хрыстос таксама загінуў, ён быў расстраляны і спалены на гэтым лузе і цяпер разам з іншымі ахвярамі чакае справядлівага Страшнага Суда. Гэта супярэчыць хрысціянскаму міфу пра Канец Свету, аднак, на нашую думку, А. Адамовіч мог такім чынам трансфармаваць вядомую ніцшэанскую догму, што *Бог памёр.* Памерлы Бог у Ніцшэ ўяўляе сабой сімвал адсутнасці маралі, канца рэлігійнага светасузірання. Аднак А. Адамовіч паглыблена рэалізуе гэты вобраз-матыў, інтэрпрэтуючы яго па-іншаму: сын Божы вяртаецца на Зямлю, каб абудзіць веру, і гіне разам с простымі сялянамі ад рук карнікаў, каб разам з гэтымі людзьмі прайсці ўсе пакуты і ўваскрэснуць тады, калі надыдзе час Страшнага Суда. Гэтай ідэяй *адкладзенага ўваскрэсення* адамовічаўскі вобраз-матыў веры ў Бога адрозніваецца ад кананічнага біблейскага.

Вобраз Старой з’яўляецца адным з самых значных другарадных вобразаў аповесці. Гісторыя яе жыцця – гэта гісторыя пакут беларускага народа перыяду Інтэрбелуму. Аўтар падае ўспаміны жанчыны ў эпізодзе выхаду герояў на кірмаш. Адна рэпліка Старой напоўнена асуджэннем гвалту і тых людзей, якія былі яго рухаючай сілай: “Сядзелі, здаецца, у тым во падвале. Высокія падмуркі, бачыш. А яны прыходзілі, у даўгіх шынялях, нават з жонкамі прыходзілі глядзець на маіх унукаў, як на звяр’ё” [5, с. 106]. Пісьменнік падкрэслівае амаральнасць, антыгуманнасць абставін: затрыманыя мясцовыя жыхары як бы пераставалі быць людзьмі – на іх прыходзілі глядзець цэлыя сем’і “новых гаспадароў”, як на звяроў у заапарку.

Яшчэ адным значным элементам, які дапаўняе канцэпт *веры,* з’яўляецца шырокі спектр прыкмет, якія падаюцца ў розных частках твора. А. Адамовіч гэтым падкрэслівае асаблівасць светаўспрымання беларусаў: у іх свядомасці лёгка суіснуюць вера ў Бога і вера ў тагасветныя язычніцкія сутнасці: “Мы – нехрысці. Але вайна і нас паварочвае. Напрыклад, усе без выключэння верым, што чалавек ведае, адчувае, калі яго заб’юць. Ходзіць столькі разоў на справу, на баявыя аперацыі і нічога такога ня думае, а тут адчуе – і ўжо не ўцячэш ад лёсу...” [5, с. 21]. Партызаны вераць, што чалавек можа адчуваць сваю смерць, і згодна з гэтым уяўленнем успрымаюць гібель таварышаў.

Высновы. Такім чынам, можна адзначыць, што ў аповесці А. Адамовіча “Венера, або Як я быў прыгоннікам” надзвычай глыбока і рознабакова асэнсоўваюцца нацыянальна-мастацкі свет беларусаў і канцэпцыя нацыянальнай ідэнтычнасці. Дзеля гэтага ў якасці сэнсава-аксіялагічных дамінантаў аўтар дакладна рэалізуе цэлы шэраг канцэптаў, якія ўвасабляюць важную ролю ў гістарычным быцці і штодзённым жыцці беларусаў, сям’і, хрысціянскай веры, свайго хлеба, зямлі, гаспадаркі, каня… Комплексна рэалізуючы вобразы і матывы-канцэпты ў межах складана-структураванага адзінства – канцэпцыі *нацыянальнай ідэнтычнасці,* – аўтару аповесці ўдаецца стварыць цэласнае аблічча мужнага і шматпакутнага беларускага народа і яго драматычнай гісторыі. Безумоўна, пры раскрыцці дадзенай канцэпцыі ў аповесці “Венера, або Як я быў прыгоннікам” А. Адамовіч свядома на першы план ставіць духоўныя каштоўнасці сям’і і хрысціянскай веры, паказваючы маральна-гуманістычную цывілізаванасць беларусаў, перавагу духоўна-аксіялагічных дамінантаў у народнай свядомасці. Аднак, ствараючы абагульнены вобраз народа, пісьменнік не абмінае сваёй увагай і больш “прыземленыя” элементы канцэпцыі нацыянальнай самабытнасці беларусаў – ежу, побыт, адносіны да людзей і жывёл, да родных мясцін. Пры гэтым

А. Адамовіч выяўляе непрыманне, ваяўнічага атэізму, рэпрэсій і здзекаў, якія, аднак, не змаглі зламаць народ і знішчыць нацыянальную свядомасць беларусаў. За кошт такой шматграннасці, універсалізму і канцэптуальнасці прыёмаў увасаблення аўтарскай задумы пісьменніку ўдалося стварыць на дзіва моцны і яркі калектыўны партрэт беларускага народа ў драматычныя перыяды гісторыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

2. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.

3. Тарасова, И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И. А. Тарасова; под ред. М. Б. Борисовой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 280 с.

4. Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С. 3–29.

5. Адамовіч, А. Vixi. Тры апошнія аповесці / А. Адамовіч. – Менск: Ковчег, 2002. – 504 с.

6. Бараноўская, Л. Г. Архетыпічная аснова і ідэйна-мастацкая трактоўка анімалістычных вобразаў у беларускай літаратуры XX стагоддзя / Л. Г. Бараноўская // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2004. – № 4 (19). – С. 98–101.

References

1. Slyshkin G. G. *Linguocultural concepts and meta-concepts.* Volgograd, Peremena Publ., 2004. 340 p. (in Russian).

2. Nikitin M. V. Derived notions of the concept. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 53–64 (in Russian).

3. Tarasova I. A. *Georgy Ivanov's idiostyle: cognitive aspect.* Saratov, Publishing house of Saratov University, 2003. 280 p. (in Russian).

4. Zusman V. Concept in the system of humanitarian knowledge. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 2003, no. 2, pp. 3–29 (in Russian).

5. Adamovich A. *Vixi. Three last stories*. Minsk, Kovcheg Publ., 2002. 504 p. (in Belarusian).

6. Baranouskaya L. G. Archetypal basis and ideological and artistic interpretation of animalistic images in Belarusian literature of the twentieth century. *Vesnik Magileuskaga dzyarzhaunaga universiteta imya A. A. Kulyashova* [Bulletin of the A. A. Kuleshov Mogilev State University], 2004, no. 4, pp. 98–101 (in Belarusian).

Информация об авторе

Попов Антон Станиславович – аспирант. Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (бульвар Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь). Email: avadon_10@mail.ru

Information about the author

Anton S. Popov – Postgraduate student. Brest State A. S. Pushkin University (21 Boulevard Kosmonavtov, Brest 224016, Belarus). Email: avadon_10@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 340; 342
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-70-76

Поступила в редакцию 21.10.2024
Received 21.10.2024

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

Аннотация. Рассматривается состояние юридической науки на современном этапе, а также анализируются основные направления ее развития. Внимание акцентируется на наличии научного потенциала, способного сделать национальную правовую систему еще более эффективной, сочетающей достижения зарубежной науки и собственные национальные интересы. Подчеркивается важность правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия норм права как важнейших инструментов улучшения нормотворческой и правоприменительной деятельности. Показана необходимость дальнейшего сочетания достижений права, социологии, социальной психологии для развития такого направления, как рискология. Межпредметные взаимосвязи между естественными, точными и гуманитарно-социальными науками могли бы создать основу для развития правовой футурологии. Подчеркивается, что юридическая наука задействована в реализации нескольких функций: нормотворческой (принцип научности предусмотрен в качестве одной из основ нормотворческого процесса), идеологической (правовая идеология является ядром идеологии белорусского государства), воспитательной и образовательной. Сочетание указанных функций имеет важное государственное значение.

Ключевые слова: юридическая наука, функции юридической науки, актуальные направления развития науки

Для цитирования: Василевич, Г. А. Юридическая наука: отражение действительности и формирование образа будущего / Г. А. Василевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 70–76. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-70-76

Grigoriy A. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus

LEGAL SCIENCE: REFLECTION OF REALITY AND FORMATION OF THE IMAGE OF THE FUTURE

Abstract. The article is devoted to the consideration of the state of legal science and the main directions of its development at the present stage. Attention is emphasized on the availability of scientific potential capable of making the national legal system even more effective, combining the account of achievements of foreign science and its own national interests. The importance of legal monitoring and assessment of the regulatory impact of legal norms as the most important tools to improve the rule-making and law enforcement activities was emphasized. Attention is paid to the necessity of further combination of achievements of law, sociology, social psychology for the development of such direction as riskology. Interdisciplinary interrelations between natural, exact and humanitarian-social sciences could create a basis for the development of legal futurology. It is emphasized that the legal science is involved in the realization of several functions: rule-making (the principle of scientificity is envisaged as one of the bases of the rule-making process), ideological (legal ideology is the core of the ideology of the Belarusian state), upbringing and educational. The combination of these functions is of great importance for the state.

Keywords: legal science, functions of legal science, actual directions of science development

For citation: Vasilevich G. A. Legal science: reflection of reality and formation of the image of the future. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2025, vol. 70, no. 1, pp. 70–76 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-70-76

Введение. В последние десятилетия происходило динамичное развитие юридической науки. Следует отметить важную роль в этом процессе вузовской науки, а также в свое время Института государства и права НАН Беларуси. На сегодняшний день значительная часть исследовательской

© Василевич Г. А., 2025

работы в сфере юриспруденции сосредоточена в Национальном центре законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Безусловно, существовали периоды особой активизации научных исследований, например, в преддверии подготовки крупных актов законодательства, таких как кодексы, принятие новой Конституции в 1994 г. или внесение в нее изменений и дополнений. Однако юридическая наука совершенствовалась, всегда находилось место новым идеям, оценкам, суждениям, направленным на устранение возможных дефектов в нормотворческой и правоприменительной деятельности (противоречий, неопределенностей и др.). То же можно сказать и о советском периоде развития юридической науки, когда в основе правовой политики была коммунистическая идеология.

Удалось накопить солидный багаж научных знаний в виде монографий, книг, научных статей, научно-практических комментариев к действующим актам законодательства. Правовые феномены всегда были предметом диссертаций. Представители науки, пользуясь свободой научного творчества и исходя из ответственности перед обществом и государством, вносили свой вклад в преобразования, усовершенствование правового регулирования общественных отношений.

Многие идеи восходят к советскому периоду, когда были созданы научные школы, теории, которые актуальны и в настоящее время. Это труды В. Н. Кудрявцева, М. Н. Гернета в области криминологии, Ю. А. Тихомирова, В. Е. Чиркина в области административного и конституционного права, белорусских выдающихся ученых А. А. Головко, С. Г. Дробязко, В. Ф. Чигира, Н. Г. Юркевича, И. А. Юхо, развивавших теорию права, конституционализм, гражданское право и гражданский процесс. Перечисление ученых можно продолжать. В настоящее время в области права плодотворно трудятся многие белорусские и зарубежные ученые. Например, труды российских ученых современного периода создают основательный пласт нового правового менталитета, отвечающего перспективам общественного развития, балансу интересов триады «человек – общество – государство».

Основная часть. Для белорусской юридической науки в настоящее время созданы благоприятные условия совершенствования: произошла модернизация Конституции, расширены возможности для осуществления народовластия, появились новые направления для развития отраслевой науки, дальнейшего процесса конституционализации законодательства.

Одна из сложнейших задач, которые стоят перед белорусской юридической наукой, – видеть новые горизонты развития. Наука всегда будет находиться между идеями и реальной жизнью. Поэтому неприемлем лозунг: «Пусть погибнет мир, но восторжествует юстиция». Это красивая, но необдуманная фраза, как и образ богини правосудия с повязкой на глазах, которая не может видеть, куда сместилась чаша весов. Символ должен быть разумным.

При наличии научного потенциала у нас есть возможность сделать национальную правовую систему еще более эффективной, учитывающей достижения зарубежной науки и собственные национальные интересы. Следует отметить, что здесь существует множество нарративов. При этом желательно сделать определенную переоценку в связи с наличием вызовов и угроз. Необходимо подчеркнуть, что юридическая наука под влиянием импульсов от западноевропейского вектора долгое время занималась проблемами глобализации с некоторым умалением аспекта регионализации. Оба этих вектора сохраняют актуальность, но в рамках бинарного процесса развития двух противоположностей – глобализации и национальной идентичности – важно, на наш взгляд, акцентировать внимание на эволюционном процессе преобразований на национальном и региональном уровнях.

По нашему мнению, на сегодняшний день следует усилить решение проблем регионального не только экономического, но и правового сотрудничества. Это созвучно высказанной Президентом Республики Беларусь идее о новом качестве СНГ. По сути, речь идет об усилении кооперации в широком понимании этой категории. Правда, к сожалению, разработчиками изменений Конституции по неизвестным причинам была исключена в проекте эта позиция из ст. 13 Конституции.

Следует упомянуть также о гипертрофированном внимании к правам и свободам (что было уместной реакцией на предшествующий советский опыт) и меньшей разработке вопросов, касающихся юридических обязанностей, долга каждого человека перед государством и обществом.

Исключение составляют отрасли, занимавшиеся деликтным законодательством: через анализ запретов всегда был выход на обязанности.

Конституционалисты акцентировали внимание на еще более широком аспекте – обязанностях, долге, солидарности поколений, взаимопомощи. В 2000 г. автором статьи в качестве признаков социального государства указывалось на ответственность каждого за развитие общества и несение индивидом обязанностей перед ним [1, с. 3]. Такой взгляд на социальное государство был отмечен также в авторском научно-практическом комментарии к Конституции Республики Беларусь 2000 и 2005 гг. [2, с. 290]. На наш взгляд, многие из ученых-юристов могут привести примеры реализации своих идей в законодательстве.

Зарубежными учеными предложены различные концепции современного государства: технократическое государство, либеральное государство, элитарное государство, тоталитарное государство, сетевое государство и др. Обратим внимание на высказанную в научной литературе идею неопатерналистского государства, которому присущи новые методы осуществления социальной функции государства. Данную концепцию активно развивает профессор О. В. Родионова. Неопатерналистское государство «отказывается от прямого патернализма в виде долгосрочных пособий по безработице и предлагает взамен помощь в активизации трудоспособного населения в виде программ по профессиональной переподготовке безработных. Функции современного неопатерналистского социального государства можно сформулировать как принцип всемерной поддержки органами государственной и муниципальной власти индивидуальной ответственности за собственное благополучие» [3, с. 29, 32].

В Беларуси провозглашено государство с социально ориентированной рыночной экономикой. Стандарты понятны, они сложились благодаря политике, которую проводит Глава государства. Но полезно было бы сформулировать целостную концепцию такого государства с позиции не только экономических целей, но и правового обеспечения. Предстоит большая работа по правовому обеспечению социальной функции государства, определению содержания и пределов зафиксированного в Конституции принципа социальной ответственности, ее критериев, субъектов, управлению на основе права. В этом смысле конструктивной является идея о принятии Управленческого кодекса, высказанная кандидатом юридических наук С. Г. Василевичем.

Следует согласиться, что формирование социально ориентированного типа государства должно происходить на основе права, по удачному определению российских ученых, как созидателя новой социальной реальности [4]. Именно такое государство становится вектором современного развития [5].

Благодаря президентской форме правления у нас сохранена активная роль государства, также нет оснований комплексовать по поводу особенностей национальной системы государственной власти, включая Всебелорусское народное собрание и местное самоуправление, ответственности государственных органов перед гражданами и др.

Нам близки многие исследования российских ученых, они часто являются основой для белорусских правоведов с целью реализации идей в законотворческой сфере. Наиболее очевидный пример: использование наработок российских ученых, их проектов в нашем законодательстве позволило принять законы о нормативных правовых актах в 2000 и 2018 гг.

Особое внимание в юридической науке следует уделить группе норм, которые должны занимать более высокое место в нормативной иерархии и иметь возможное указание в Законе «О нормативных правовых актах». Это нормы-цели (какой результат предполагается получить), нормы-задачи («промежуточные цели»), нормы-принципы (базовые императивы). Нормы-цели могут содержаться в преамбуле акта. Вообще, целесообразно использовать и для законов подходы, которые применены в директивах Президента Республики Беларусь, когда вначале излагается анализ проблем и ставятся задачи. Доктринальные нормы-принципы содействуют формированию мировоззренческой основы субъекта правовых отношений. Системообразующие фундаментальные принципы имеют первоочередное значение для права. К ним можно отнести принципы правового демократического социального государства [6, с. 11–17].

В унисон с российскими разработками [7] в белорусской науке и практике реализована идея правового мониторинга законодательства и практики, оценки регулирующего правового

воздействия. Однако нам не удалось достичь полного успеха в данной сфере. Свидетельство тому – нестабильность законодательства. В целом, имеется приемлемое правовое регулирование, восприятие ценности права также присутствует, но эффективной методологии проведения правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия не разработано. Пока не овладели в необходимой мере предвосхищением отрицательных факторов и их своевременным компенсированием.

Юридическое прогнозирование как разновидность познавательной научно-исследовательской деятельности – весьма перспективное направление. В процессе прогнозирования будущего состояния субъектов государственно-правовой сферы одной из важнейших категорий познания является причинность, прежде всего, как направленность развития системы. При этом важно учитывать свойства, внешние факторы неюридического характера (социально-экономические, политические, демографические, культурные, цивилизационные, социологические, морально-этические и др.) [8, с. 61–88].

В то же время юридическое прогнозирование и правовой мониторинг – важнейшие стандарты нормотворческой и правоприменительной деятельности. Эти инструменты также следует совершенствовать (расширять субъектный состав, должны присутствовать большая оперативность и точность оценок, в том числе за счет отработки технологии использования ИКТ).

Касаясь безграничной темы нормотворчества, отметим, что усиление аналитической работы относительно проектов может произойти за счет активизации субъектов законодательной инициативы. Они могли бы более активно подключаться к работе над проектом еще на стадии его подготовки, особенно это касается парламентских комиссий, расширения их реальной возможности вносить предложения по их совершенствованию.

Публичные обсуждения проектов, которые сейчас практикуются, должны завершаться подробной аналитической справкой с указанием причин их отклонения. К слову, по итогам обсуждения проекта изменений и дополнений Конституции в 2022 г. следовало бы утвердить хотя бы рабочий план по их реализации в текущем законодательстве, проведению масштабного информирования населения о выполняемой работе. Об этом писали представители науки в преддверии референдума, благодаря граждан за их активность при обсуждении проекта.

Для белорусской юридической науки является актуальным такое направление, как конституционно-правовые риски. Теория рискологии – важный предмет для исследований правоведов, социологов, специалистов в области социальной психологии, информационного права [8, с. 159–207]. Теория рисков пригодилась бы в преддверии 2020 года. В 2017–2018 гг. чиновники особенно были готовы отстаивать авторитет власти, укреплять к ней доверие.

Межпредметные взаимосвязи между естественными, точными и гуманитарно-социальными науками могли бы создать основу для развития правовой футурологии. Это научное направление, имеющее явный прикладной характер, об использовании новых технологий и методологий в праве (цифровые технологии, биотехнологии, нанотехнологии и др.). Однако главное предназначение футурологии права – в создании дефиниции права будущего в соответствии с будущим отдельных правовых явлений. Существуют три значения: право как идеал, право в его позитивном воплощении в источниках, право реальное.

Изучение причин и степени отклонения права идеального, позитивного и реального – одна из задач футурологии права. У права будущего должна быть ясная парадигма развития. Будущее право следует сопоставлять с новыми стратегиями цивилизационного развития.

Творчески настроенный коллектив ученых ожидает разработка конструктивной идеи об экономической оценке права. Эта идея получила отражение в российской юридической науке [9], однако не приобрела четкого практического воплощения. Здесь помимо чисто академической задачи важно дать практикам реальные инструменты для такой оценки, включая отдаленное воздействие норм права. Безусловно, финансово-экономическая оценка проектов осуществляется, но здесь важно оценивать глубинные и отдаленные последствия.

Достижения в области биомедицины, генной инженерии, развития искусственного интеллекта создают условия для формирования новой антропотехнореальности. В целом, антропология права остается важным вектором для исследований.

Юридическая наука задействована в реализации нескольких функций: нормотворческой (принцип научности предусмотрен в качестве одной из основ нормотворческого процесса), идеологической (правовая идеология является ядром идеологии белорусского государства), воспитательной и образовательной. Таким образом, необходимо отметить, что белорусская юридическая наука способствует формированию национального правового менталитета. Например, она могла бы обеспечить правовое сопровождение и обоснование необходимости внедрения социального рейтинга с учетом опыта Китайской Народной Республики.

В процессе нормотворческой деятельности следует по-новому взглянуть на законность и целесообразность (разумность, рациональность) решения. Советская юридическая школа обычно противопоставляла законность и целесообразность. Однако всегда существует возможность в рамках конституционных принципов и норм принять оптимальное решение. Важно найти грань между правовым нигилизмом и правовым идеализмом с тем, чтобы обеспечить точную реализацию правовых предписаний.

Белорусские ученые восполняют своими исследованиями многие лакуны в юридической сфере. В работе юристов, как и специалистов иных сфер научных знаний, существуют те же трудности с реализацией идей в законодательстве.

Необходимо преодолеть разобщенность научных исследований, замыкание на отраслевых проблемах. Отраслевики редко концентрируют свое внимание на импульсах для развития отрасли, которые исходят от Конституции. Конституционалисты постоянно проповедуют верховенство конституционных принципов и норм. В некоторых случаях именно недостаток широты взгляда приводит к явному дисбалансу норм. Например, для президентской республики (ст. 79, 84 Конституции Республики Беларусь) диссонансом выглядит норма ст. 85 о том, что указы не должны противоречить законам. По меньшей мере, если речь идет о чисто конституционных полномочиях Президента и Парламента, они должны находиться на одном уровне. Формулировка прежней ст. 137 была более удачной. К сожалению, некоторых представителей рабочей группы не удалось убедить в ошибочности такой записи, снижающей правовой потенциал системы сдержек и противовесов в области определения иерархии нормативных актов.

В настоящее время для преодоления указанного диссонанса норм в актах текущего законодательства, а именно в законах, фиксируется право Президента Республики Беларусь предусматривать особенности их применения. В этой связи необходимо понять, насколько могут отличаться эти особенности от текста самого закона, а также развивать его положения.

Интересна и важна для исследования тема дуализма верховной власти: Президент как Глава государства и Всебелорусское народное собрание как высший представительный орган народовластия, наделенный правом отмены акта любого органа власти, исключая суды.

Предусмотренная в Конституции система власти является рациональной, создающей условия для стабильного развития, расширения поля для народовластия. Научные исследования следует посвятить углублению правового статуса делегатов Всебелорусского народного собрания, формированию их равного статуса, сближению с депутатским корпусом.

Процесс конституционализации текущего законодательства должен активно продолжаться. На сегодняшний день не существует многочисленных (как это проявилось сразу после принятия в 1994 г. Конституции) каких-либо явных расхождений между нормами Конституции и подконституционным законодательством. Однако некоторые примеры можно все же привести. Так, в ст. 6.4 КоАП штраф является денежным взысканием, размер которого определяется в белорусских рублях с учетом размера базовой величины, установленного на день вынесения постановления о наложении административного взыскания. Руководствуясь принципом непридания акту, усиливающему ответственность, обратной силы, следует эту норму привести в соответствие с ним: размер штрафа должен исчисляться из расчета базовой величины на момент совершения правонарушения. Это правило должно работать до тех пор, пока происходит рост базовой величины.

Нашими жизненными ориентирами являются Конституция, законодательные акты, тщательно подготовленная Концепция правовой политики, традиции, жизненные смыслы. Все это – основа современного белорусского государства и общества.

Продуктом деятельности государственных органов является позитивное право. Для романо-германской правовой системы, к которой относится наша правовая система, характерно абстрактное изложение правовой нормы, что ведет к активному подзаконному нормотворчеству. Не вдаваясь в анализ проблем в этой сфере, они все же существуют. Следует отметить, что признание судебного прецедента в качестве источника права – актуальная задача. В перспективе это должно затронуть и проблему административного прецедента. Необходимо официально признать судебный прецедент в качестве источника, особенно в условиях широкого внедрения информационных технологий и при возможности быстрого получения информации о вынесенном судебном постановлении, это обеспечит равенство всех перед законом и судом. Не существует каких-либо объективных опасений по поводу признания судебного прецедента в качестве источника права. В нашей правовой системе он должен иметь подзаконный характер.

Плодотворной является идея о конституционализме как реально функционирующем механизме правового регулирования отношений. В иерархии конституционной аксиологии и таксономии на одно из первых мест, как было отмечено, сейчас выходят социальная ответственность, патриотизм, уважение человека производительного труда, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Важна интеграция правовых принципов и норм с нравственностью и религиозными нормами. По сути, речь идет о формировании доктрины идейно-духовной Конституции [10]. Для этого сейчас имеются конституционные предпосылки, включая и провозглашение идеологии белорусского государства как основы демократии.

Значимость Конституции заключается в том, что она интегрирует национальную правовую систему. Было бы полезно, учитывая солидный состав участников подготовки Научно-практического комментария Конституции, изданного в начале 2024 г., проанализировать в 2025–2026 гг., какое он оказал воздействие на наши жизненные реалии, менталитет чиновников, должностных лиц и граждан.

Разработка системы устойчивого экономического, социального, экологического развития, определение механизмов достижения социальной справедливости, противодействия экономическим кризисам, экологической деградации, определение четких конституционных критериев достойного уровня жизни – это лишь малая часть актуальных проблем, которыми должна и далее заниматься юридическая наука.

Общество – это единый социальный организм: необходима системная связь экономической, юридической, социологической, психологической, политологической наук. Таким образом, следует расширить межотраслевое сотрудничество, поскольку все еще присутствуют консерватизм мышления, гипертрофированная идея о важности сохранения узкой специализации.

Актуальность решения стратегических задач, стоящих перед государством и обществом в условиях существующих вызовов и угроз, требует объединения усилий представителей различных наук.

Заключение. Начался этап техногенной цивилизации. Информатизация и цифровизация создают условия для устранения разрыва между законами объективными и юридическими. С помощью новых технологий можно получить информацию о социальных процессах, но этой информацией следует умело пользоваться при принятии решений с применением соответствующей методологии. Искусственный интеллект будет все шире использоваться для урегулирования социально-экономических задач, причем не только для прогнозирования динамики развития, но и решения текущих, повседневных проблем. Однако следует предвидеть и те угрозы, которые могут от него исходить.

Обновление Конституции, а также законов и иных актов законодательства придает новый импульс развитию правовой доктрины, обсуждению новых положений нормативных правовых актов с целью их адаптации к новым конституционным правоотношениям, оптимизации правоприменительной практики, выявления положений, требующих совершенствования.

Создание современной теории эффективности права – важная задача современной науки. Необходимо дать ответы на следующие вопросы: в чем заключается цель правового регулирования? Каковы критерии эффективности, достижения социальных целей, каковы технологии, обеспечивающие эффективность норм, средства разрешения противоречий?

Изучение эффективности правовых норм позволит дать ответы на вопросы о соотношении между целями и результатами, между буквой закона и поведением и т. п. Следовало бы, например, под эгидой Национального центра законодательства и правовой информации или Союза юристов начать подготовку концепций развития права по отраслям. Полагаем, что эта идея заслуживает внимания. Правда, напомним, что в Беларуси существует социально ориентированная, но при этом рыночная экономика. Подготовка концепции – это длительный и трудоемкий процесс.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Социальное государство и права граждан / Г. А. Василевич // Правовое обеспечение экономических реформ в славянских государствах: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 окт. 2000 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2000. – С. 3–4.

2. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Г. А. Василевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 487 с.

3. Родионова, О. В. Проблемы развития и практики современного социального государства / О. В. Родионова // Lex Russica. – 2015. – Т. 98, № 1. – С. 28–40.

4. Право как созидатель новой социальной реальности / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Проспект, 2024. – 304 с.

5. Тонков, Е. Е. Государство созидающее как вектор развития современной России / Е. Е. Тонков. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 390 с.

6. Принципы публичного права / под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшиваловой. – М.: Проспект, 2023. – 288 с.

7. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. – М.: Юриспруденция, 2009. – 416 с.

8. Тихомиров, Ю. А. Право: прогнозы и риски / Ю. А. Тихомиров. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.

9. Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ, 2010. – 256 с.

10. Бабурин, С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма / С. Н. Бабурин. – М.: Норма, 2023. – 536 с.

References

1. Vasilevich G. A. Social state and citizens' rights. *Pravovoe obespechenie ekonomicheskikh reform v slavyanskikh gosudarstvakh: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 5 oktyabrya 2000 g.* [Legal support of economic reforms in the Slavic states: abstracts of reports of the International scientific-practical conference, Minsk October 5, 2000]. Minsk, 2000, pp. 3–4 (in Russian).

2. Vasilevich G. A. *Constitution of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary*. Minsk, State Institute of Management and Social Technologies BSU, 2005. 487 p. (in Russian).

3. Rodionova O. V. Problems of development of theory and practice of modern social state. *Lex Russica,* 2015, vol. 98, no. 1, pp. 28–40 (in Russian).

4. Tikhomirov Yu. A. (ed.). *Law as a creator of a new social reality*. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 304 p. (in Russian).

5. Tonkov E. E. *The creative state as a vector of development of modern Russia*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 390 p. (in Russian).

6. Titova E. V., Podshivalova T. P. (eds.). *Principles of public law*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 288 p. (in Russian).

7. Tikhomirov Yu. A., Gorokhov D. B. (eds.). *Legal monitoring*. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 416 p. (in Russian).

8. Tikhomirov Yu. A. *Law: forecasts and risks*. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 240 p. (in Russian).

9. Gadzhiev G. A. (ed*.). Constitutional economics*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2010. 256 p. (in Russian).

10. Baburin S. N. *Moral state. Russian view of the values of constitutionalism*. Moscow, Norma Publ., 2023. 536 p. (in Russian).

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – член-корреспондент, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета. Белорусский государственный университет (ул. Ленинградская, 8, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gregory5581@yandex.by

Information about the author

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding Member, D. Sc. (Law), Professor, Head of the Constitutional Law Department, Faculty of Law. Belarusian State University (8 Leningradskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: gregory5581@yandex.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
SCIENTISTS OF BELARUS

Поступила в редакцию 13.11.2024
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-77-79 Received 13.11.2024

ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЫЧ
(К 90-летию со дня рождения)

Геннадий Михайлович Лыч – известный советский и белорусский ученый-экономист, публицист, аналитик – родился в д. Могильное Узденского района Минской области 25 февраля 1935 г. в семье колхозников. Там же окончил Могильнянскую среднюю школу.

С 1954 по 1958 г. приобретал специальность экономиста-агрария на отделении экономики сельского хозяйства планово-экономического факультета Белорусского государственного института народного хозяйства им. В. В. Куйбышева (ныне Белорусский государственный экономический университет).

За два года, прошедших с момента окончания вуза, Г. М. Лыч прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом экономики Брестской областной государственной сельскохозяйственной опытной станции Министерства лесного хозяйства БССР (г. Пружаны Брестской области).

В 1961 г. Геннадий Михайлович поступил в аспирантуру при Всесоюзном НИИ гидротехники и мелиорации имени А. Н. Костякова (г. Москва) и в 1964 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В ней автор применил качественно новый подход к определению экономической эффективности осушительных мелиораций в зоне неустойчивого и избыточного увлажнения. Эти исследования молодого ученого позволили в дальнейшем более точно оценивать последствия мелиорационного воздействия и тем самым существенно трансформировать подходы к оценке экономической эффективности крупномасштабного осушения болот и заболоченных земель, которое активно проводилось в те годы на землях отдельных районов Беларуси. Можно сказать, что с этого момента Г. М. Лыч начал свое «восхождение» на научный олимп.

С 1964 г. ученый работал заведующим отделом в Белорусском НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Министерства сельского хозяйства БССР, а с 1967 г. и последующие десять лет – заведующим отделом экономики Белорусского НИИ мелиорации и водного хозяйства Министерства водного хозяйства СССР. Основным направлением его научной деятельности в этот период оставалась проблематика экономической эффективности осушительных мелиораций. А важнейшими научными достижениями в данной области явились разработка методологического и методического подходов к оценке значимости мелиорации в развитии сельского хозяйства крупных регионов с неблагоприятными природными условиями (типа Белорусского Полесья) и, в частности, методики определения экономической эффективности капитальных вложений в осушение и сельскохозяйственное освоение осушенных болот и заболоченных земель. Г. М. Лыч применил комплексный подход к определению экономической эффективности капитальных вложений в мелиорацию и сельскохозяйственное освоение мелиорируемых земель и более полный учет фактора времени, что обеспечило переход от господствовавшего до этого статического принципа определения экономической эффективности вложений к динамическому. Применение указанной методики позволило более объективно оценивать фактический экономический эффект от осушения и сельскохозяйственного освоения болот, заболоченных и переувлажненных земель в Беларуси и качественно прогнозировать и планировать дальнейшее развитие мелиорации в нашей республике.

С переходом на работу в Белорусский НИИ аграрной экономики круг научных интересов Геннадия Михайловича существенно расширился. Во-первых, разработанные применительно к осушительным

мелиорациям методологические подходы, принципы и конкретные методические приемы определения экономической эффективности капитальных вложений были распространены на другие объекты сельскохозяйственного назначения с длительными сроками строительства и освоения производственных мощностей (в частности, на крупные животноводческие комплексы индустриального типа). Это позволило получить более обоснованное представление о реальной экономической эффективности строительства указанных комплексов. Во-вторых, исследования экономической эффективности мелиоративного земледелия расширились до исследования экономической эффективности сельскохозяйственного производства в целом.

В этот период своей научной деятельности Г. М. Лыч защитил докторскую диссертацию на тему «Экономическая эффективность осушительных мелиораций» (1973 г.). В 1977 г. за заслуженный авторитет в научном сообществе и высокий профессиональный уровень ему было присвоено ученое звание профессора, а в 1980 г. – заслуженного деятеля науки Белорусской ССР.

С 1977 по 1988 г. Геннадий Михайлович работал в должности заместителя директора по научной работе Белорусского НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства Государственного агропромышленного комитета БССР. Но главный спектр его научных интересов оставался неизменным – экономическая эффективность капитальных вложений в сельское хозяйство, в том числе в мелиорацию земель, совершенствование механизма хозяйствования в АПК. Признание ученого как одного из ведущих специалистов в области повышения экономической эффективности капитальных вложений в сельское хозяйство в очередной раз подтвердилось избранием его в 1986 г. членом-корреспондентом АН БССР.

В начале 1988 г. Г. М. Лыч перешел на работу в Институт экономики Академии наук БССР, возглавив Отдел аграрных проблем социализма, а в октябре этого же года был назначен директором института, что не только расширило круг его профессиональных обязанностей, но и значительно трансформировало область научных интересов. Если ранее это были проблемы, касающиеся агропромышленного комплекса и мелиорации земель, то теперь в поле зрения Геннадия Михайловича появились вопросы макроэкономики, а также проблемы политико-правового и национально-культурного обновления и развития Беларуси, по результатам исследования которых возглавляемый им институт направлял рекомендации и предложения руководству страны. В этот период при его активном участии разрабатывались такие актуальные для того времени документы, как «Концепция экономического суверенитета Белорусской ССР» и «Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике».

В середине 1990-х гг. Геннадий Михайлович активно сотрудничал со специалистами из других научных учреждений и вузов при подготовке первого и второго Национальных отчетов ПРООН о человеческом развитии: «Беларусь – лицом к человеку» (1995 г.) и «Беларусь – среда для человека» (1996 г.). В этих документах Геннадий Михайлович со своими коллегами представил результаты исследования проблем взаимосвязи человеческого развития и экономического роста, для чего авторским коллективом под его непосредственным руководством была осуществлена оценка реализации рыночных реформ в Беларуси, определены проблемы и вызовы в развитии сельских районов, предложены направления реформирования социальной инфраструктуры, в частности, здравоохранения, образования и т. д.

В 1997–1998 гг. Геннадий Михайлович осуществлял научное руководство исследованиями по Государственной программе фундаментальных исследований на 1996–2000 гг. «Теоретические основы национальной модели экономики Республики Беларусь и механизм ее регулирования».

В 1992 г. одновременно с исполнением обязанностей директора академического института ученый был избран на должность академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси. В ходе разработки «Концепции политико-правового, социально-экономического и национально-культурного возрождения и развития Республики Беларусь» провел три расширенные научные сессии Отделения с участием политических и государственных деятелей, а также широкого круга представителей научной и творческой интеллигенции, результаты которых получили большой общественный резонанс и сыграли значительную роль в возрождении национального самосознания белорусов.

После аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) Геннадий Михайлович принимал активное участие в проведении широкомасштабных научных исследований по разработке системы научно обоснованных мероприятий по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. Под его научным руководством и при непосредственном участии были разработаны методы анализа и оценки социально-экономических убытков, которые возникают в результате крупных техногенных аварий, а также выполнены соответствующие расчеты. По результатам этих исследований была подготовлена и опубликована коллективная монография «Чернобыльская катастрофа: социально-экономические проблемы и пути их решения» (1999 г.), в которой впервые количественно оценен ущерб, причиненный аварией на Чернобыльской АЭС народному хозяйству и социальной сфере Республики Беларусь. В последующие годы Геннадий Михайлович

продолжил исследовать социально-экономические проблемы обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности общества и, в частности, механизмы минимизации негативных последствий аварии на ЧАЭС.

С 2005 по 2007 г. ученый занимал должность главного научного сотрудника Центра мировой экономики и международных экономических отношений Института экономики НАН Беларуси. В этот период областью его научных интересов становятся проблемы экономического суверенитета, межгосударственной экономической интеграции, международных экономических отношений, адаптации экономики Республики Беларусь к глобализации мирохозяйственных связей, а также социально-экономические аспекты экономической безопасности и устойчивости экономики Беларуси. С 2007 г. Г. М. Лыч как профессор Белорусского государственного аграрного технического университета и ведущий научный сотрудник Института системных исследований в АПК НАН Беларуси продолжил заниматься исследованием актуальных проблем аграрной экономики.

На всем протяжении своей профессиональной деятельности Геннадий Михайлович не переставал уделять большое внимание подготовке молодых научных кадров. Под его руководством выполнено и успешно защищено 15 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Всего академиком Г. М. Лычом опубликовано более 360 научных работ, в том числе 17 монографий. Широкой научной общественности наиболее известны такие его труды, как «Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства» (1988 г.); «Экономическая эффективность использования производственных ресурсов» (1990 г.); «Чернобыльская катастрофа: социально-экономические проблемы и пути их решения» (1999 г.); «Рыночное реформирование экономики Беларуси: итоги и перспективы» (2000 г.); «Экономическая наука – реабилитации районов радиоактивного загрязнения» (2001 г.); «Глобализация и адаптация к ней экономики Беларуси» (2010 г.); «Развитие агропромышленного комплекса: новые вызовы и возможные ответы на них» (2014 г.); «Аграрная экономика: проблемы и пути их решения: авторское кредо» (2016 г.).

Творческое наследие Геннадия Михайловича и в настоящее время дает возможность не только научного поиска, но и принятия конструктивных, созидательных хозяйственных решений на государственном уровне, продолжает играть важную роль в совершенствовании форм и методов государственного управления экономическими процессами в стране, способствуя повышению эффективности аграрной политики Республики Беларусь. Как ученый-экономист Г. М. Лыч благодаря своему трудолюбию, высокой компетентности, строгой логике научного мышления и высокому профессионализму, верному служению науке и сохранению лучших академических традиций смог внести весомый вклад в развитие белорусской экономической мысли.

Редколлегия и редакционный совет журнала «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», а также коллектив сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси сердечно поздравляют Геннадия Михайловича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, новых свершений, удачи и личного счастья.

Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 23.10.2024
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-80-81 Received 23.10.2024

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОДОПЬЯНОВ
(К 85-летию со дня рождения)

10 февраля известному белорусскому ученому, члену-корреспонденту Национальной академии наук Беларуси, доктору философских наук, профессору Павлу Александровичу Водопьянову исполняется 85 лет.

Родился Павел Александрович в д. Полоная Кареличского района Гродненской области. В 1959 г. в Гомеле окончил техникум механической обработки древесины. Самостоятельную трудовую деятельность начал рабочим на мебельной фабрике. С октября 1959 по август 1962 г. служил в рядах Советской Армии. В 1967 г. П. А. Водопьянов окончил философский факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, учеба в котором оставила в его судьбе неизгладимый след. Здесь в 1960-е – начале 1970-х гг., когда в нем учился будущий ученый, блистали выдающиеся знатоки эволюционной теории, биологи и генетики. Большое влияние на молодого студента оказал заведующий кафедрой дарвинизма профессор Кирилл Михайлович Завадский, ставший примером на всю его дальнейшую жизнь. Покоряли глубокие энциклопедические знания учителя, профессионализм и преданность избранному профессиональному долгу. Созданная в его научной школе интеллектуально насыщенная среда наполняла воздухом познания, вдохновляла молодежь, рождала интерес к научному поиску.

Именно в университете П. А. Водопьянов определился с тематикой своих дальнейших исследований и после возвращения в Минск уже никогда не отходил от избранного пути. Из года в год он только наращивал свой исследовательский потенциал, вырабатывая стратегию созидания будущего, исследуя бытие человечества, раскрывая тайны безмерного мира человеческих отношений. В своих трудах ученый стремится раскрыть механизмы поддержания устойчивости биосферы, биологического разнообразия, преобладания процессов синтеза над деструкцией, особенности стабилизирующего отбора, обосновать основные законы эволюции биосферы, имеющие научное и практическое значение для определения стратегии выживания человечества.

После окончания университета в августе 1967 г. П. А. Водопьянов возвращается на родину, где работает в должности младшего научного сотрудника Института философии и права АН БССР, там же будущий ученый окончил аспирантуру. В сентябре 1973 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Философский анализ устойчивости систем живой природы» и в следующем году был переведен на должность старшего научного сотрудника. В 1982 г. П. А. Водопьянов успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Философско-методологический анализ взаимодействия устойчивости и развития биосферы» и принял предложение о переходе на работу в Белорусский государственный технологический университет, где вплоть до 2010 г. возглавлял кафедру философии и права. В настоящее время он является профессором этой кафедры. В 2009 г. Павел Александрович был избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси. Таков путь восхождения к высотам в науке ученого, ставшего крупным специалистом в области философии науки и социальной экологии.

Судьба П. А. Водопьянова непростая, а тем более, когда предмет твоих исследований – будущее человечества. Но его неустанный научный поиск, талант исследователя, широта знаний, жизненная мудрость, принципиальность и честность профессионального эксперта позволили получить серьезные научные результаты в осмыслении проблем устойчивости развития, сохранения биосферы, создании стратегии жизнедеятельности человека и безопасного будущего. Его научные достижения, ответственное отношение к делу своей жизни снискали Павлу Александровичу высокий и заслуженный авторитет среди научной общественности.

П. А. Водопьянов много публикуется, активно участвует в работе международных научных форумов, востребован студенчеством. Каждое его выступление, публикация вызывает живой отклик читателей. Монографии ученого «Устойчивость в развитии живой природы» (Минск, 1974), «Устойчивость и динамика биосферы» (Минск, 1981), «Динамика биосферы и социокультурные традиции» (Минск, 1987,

в соавторстве), «Великий день гнева: экология и эсхатология» (Минск, 1993, в соавторстве), «Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку» (Минск, 2018, в соавторстве), «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего» (Минск, 2023) стали судьбоносными, поскольку несут глубокий теоретико-методологический смысл, имеют практическую направленность, ориентированы на поиск ответа на новые вызовы и угрозы.

Экология справедливо выделена П. А. Водопьяновым как приоритетная сфера философской рефлексии. Ноосферный век ему видится и как выход, и одновременно как проблема. Профессор бескомпромиссен в своей решимости раскрыть для человечества экологические последствия научно-технического прогресса, показать его положительные и отрицательные стороны, обосновать необходимость утверждения новых ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, он настаивает на необходимости изменения сложившегося сугубо потребительского вектора развития.

Павел Александрович не устает утверждать, что открытия в науке и технике должны содержать нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей человека. Достижение он видит возможным, если удастся радикально изменить сознание людей, их мировоззрение и ценностные установки. Задача не из легких и быстро решить ее вряд ли получится. Путь один, утверждает ученый, – внедрение коэволюционной стратегии развития – стратегии сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы. Предстоит широкое создание экологобезопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и в сфере образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

П. А. Водопьянов как принципиальный эксперт долгое время возглавлял Экспертный совет по философским наукам Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Работая в общественном Совете при Министерстве образования Республики Беларусь, он неустанно отстаивает интересы развития философии, всего гуманитарного блока наук, их качественного улучшения преподавания, гармонизации новых образовательных стандартов, расширения экологического воспитания молодежи.

Павел Александрович трудолюбив и обязателен. Он и сегодня весь в работе, за все в ответе… и возраст здесь ни при чем. Как и прежде, ученый одержим новыми идеями, заражает окружающих творческой энергией, способен увлекать своих слушателей смелостью и новизной мысли. Как и в юности, он остается романтиком, всегда интересным студенческой аудитории. Иногда профессор вспоминает, как в составе Московского объединенного аспирантского строительного отряда, вместе с такими же романтиками – философами С. А. Шавелем и М. А. Слемневым, сплавляли лес по Печере. Поэтому сегодня, как и ранее, он востребован и как лектор, и как эксперт по вопросам устойчивого развития, ответственного и бережного отношения к сохранению природных ресурсов, жизни на Земле.

П. А. Водопьянов часто посещает свою малую родину, что на Гродненщине, ежегодно навещает могилы родных и близких. Любит прогулки, побродить по лесу, собирать грибы, восхищается красотой родной Беларуси. Павел Александрович увлекается поэзией и сам нет-нет да и прочитает собственные строки. Он счастлив в браке и уже более шестидесяти лет разделяет все горести и удачи со своей супругой Александрой Емельяновной, имеет дочь и внучку.

Яркие, аргументированные, эмоционально окрашенные выступления П. А. Водопьянова, а также его книги, статьи призывают всех живущих на Земле задуматься о своей личной ответственности за ее будущее. Мы верим его призыву, что «созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления». Павел Александрович является оптимистом, он верит, что человечество найдет адекватные ответы на новые вызовы и угрозы. Его исследования – искреннее желание помочь людям открыть глаза на глобальные проблемы человечества.

Дорогой Павел Александрович, Ваш подвижнический труд ученого в служении разуму, добру и справедливости за будущее нашей планеты восхищает и служит примером для новых поколений.

Здоровья Вам, долгих лет жизни и новых побед в Вашем правом деле…

А. А. Коваленя, Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, А. А. Лазаревич

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Паступіў у рэдакцыю 15.11.2024
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-82-83 Received 15.11.2024

АЛЯКСАНДР ІВАНАВІЧ ЛАКОТКА
(Да 70-годдзя з дня нараджэння)

У студзені 1955 г., у вёсцы Кузьмічы што ў Дзятлаўскім раёне Гродзенскай вобласці, у сям'і настаўнікаў нарадзіўся выдатны беларускі навуковец, даследчык традыцыі айчыннага дойлідства, член Саюза архітэктараў Беларусі, а таксама арыгінальны мастак – Аляксандр Іванавіч Лакотка, юбілей якога мы адзначаем сёлета.

Жыццёвы і творчы лёс юбіляра і тыповы для таленавітага, працавітага чалавека, і неардынарны: хлопец з далёкай правінцыі стаў акадэмікам, праслаўленым не толькі ў рэспубліцы, але і за яе межамі.

А як нараджаецца і сталее талент? Розных фактараў шмат, і іх заўсёды цікава і пазнавальна даследаваць. Тут і прыгожая навакольная прырода, і помнікі гісторыі на роднай зямлі, і уважлівыя настаўнікі, і ўмовы сямейнага выхавання. Сам Аляксандр Іванавіч надзвычай удзячны сваім бацькам, якія ўсяляк падтрымлівалі і развівалі ў ім цікавасць да навукі і мастакоўскі талент.

Яго насычаная працоўная біяграфія пачалася ў 1977 г., пасля заканчэння архітэктурнага факультэта Беларускага палітэхнічнага інстытута, калі ён прыйшоў у эксперыментальную майстэрню № 2 Інстытута БелНДІ Гіпрасельбуд.

У хуткім часе лёс падараваў яму музейную працу ў Беларускім дзяржаўным музеі народнай архітэктуры і побыту, дзе ён працаваў спачатку загадчыкам аддзела, а пасля і намеснікам дырэктара. Пазней яму давялося быць кіраўніком майстэрні і галоўным архітэктарам праектаў Беларускага рэстаўрацыйна-праектнага інстытута. Каштоўны вопыт, набыты ў названых установах, не раз спатрэбіўся яму ў даследчай працы.

1995 год – паваротны ў жыцці А. І. Лакоткі: ён прыходзіць у Нацыянальную акадэмію навук і з таго часу застаецца верны гэтай установе, паспяхова выконваючы тут шматлікія абавязкі. Так, ён працаваў на пасадзе загадчыка аддзела архітэктуры, намесніка дырэктара па навуковай рабоце, дырэктара Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі. З 2012 г. узначальвае Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Арганізацыйную працу Аляксандр Іванавіч паспяхова спалучае з навуковымі доследамі. Ён з'яўляецца доктарам гістарычных навук, доктарам архітэктуры, прафесарам, акадэмікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Двойчы доктар навук – выпадак унікальны ў беларускім навуковым дыскурсе, тым больш у названых навуковых дысцыплінах. Але, сапраўды, кожнае прыкметнае архітэктурнае збудаванне – адначасова і помнік гісторыі, і з'ява культуры, этап на шляху народа, сведчанне яго сталасці. Таму акадэмік спалучае доследы ў розных сферах, якія сутыкаюцца, узаемадзейнічаюць паміж сабою, якія цяжка раздзяліць, – гісторыі, этналогіі, мастацтвазнаўстве.

А. І. Лакотка распрацаваў метады даследавання і атрыбуцыі помнікаў архітэктуры і горадабудаўніцтва, выявіў агульныя і рэгіянальныя рысы народнай архітэктуры і побыту. Яму належыць стварэнне навуковай канцэпцыі гістарычнага феномена беларускай архітэктуры, які склаўся ў выніку сінтэзу традыцый Усходу і Захаду Еўропы.

Тое, што нашы гарады і вёскі сталі такімі святочнымі, прыгожымі, надзеленымі непаўторнымі нацыянальнымі рысамі, тое, што дойліды-практыкі пачалі, нарэшце, актыўна выкарыстоўваць у будаўніцтве айчынныя традыцыі, – немалая заслуга даследчыка гэтых традыцый – А. І. Лакоткі, які распрацаваў тэарэтычную і метадалагічную базу ўкаранення нацыянальных асаблівасцей у сучасную айчынную архітэктуру.

Пры гэтым у сферы інтарэсаў вучонага не толькі традыцыйная архітэктура Беларусі, але і найноўшыя сусветныя тэндэнцыі, пра што сведчаць кнігі апошніх гадоў: «Архитектура: авангард, абсурд, фантастика», «Архитектура национальная и архитектура фрактальная: к проблеме идентичности в современной архитектуре» і інш.

Сёння Беларусь займае ледзь не першае месца ў Еўропе па развіцці аргаэкасядзіб, заснаваных на айчыннай народнай культуры. І тут варта адзначыць, што Аляксандр Іванавіч быў адным з ініцыятараў заснавання Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Музей стаў узорам. А потым А. І. Лакотка стварыў нямала праектаў рэстаўрацыі помнікаў архітэктуры, распрацаваў сістэму комплекснай ацэнкі аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны для турысцка-рэкрэацыйных зон.

Яшчэ трыццаць гадоў таму Беларусь сярод краін-суседзяў лічылася найменш цікавай для турызму, пазбаўленай арыгінальных аб'ектаў для сузірання, а сёння яна выклікае зайздрасць сваімі прыбранымі, дагледжанымі населенымі пунктамі, найпрыгажэйшымі рэгіёнамі, дзе ледзь не ў кожным паселішчы можна сустрэць які-небудзь цікавы гістарычны помнік або сучаснае збудаванне, любоўна ўзведзенае сярод маляўнічых краявідаў, з улікам нацыянальных традыцый.

У многім гэтаму садзейнічалі кнігі акадэміка, каштоўныя не толькі для калег-архітэктараў і гісторыкаў, але зразумелыя і блізкія для многіх чытачоў, якія цікавяцца краязнаўствам, нацыянальнымі традыцыямі і айчынным мастацтвам. Сярод іх «Драўлянае сакральна-манументальнае дойлідства Беларусі», «Маршруты белорусского туризма: историко-культурные ландшафты Беларуси», «История формирования и современный облик белорусского села» і інш.

Аляксандр Іванавіч удзельнічае ў шэрагу дзяржаўных праграм, у тым ліку праграмы «Адраджэнне сяла», «Ахова і развіццё Прыпяцкага Палесся» і рэгіёнаў, пацярпелых ад аварыі на Чарнобыльскай АЭС. Ён таксама ўваходзіць у навукова-метадычны Савет па ахове і рэстаўрацыі гісторыка-культурнай спадчыны і Савет па экспертызе Дзяржаўных праграм пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь.

Чалавек з фенаменальнай эрудыцыяй заўсёды прагне падзяліцца сваімі ведамі, падараваць іх людзям. Таму А. І. Лакотка – не толькі даследчык архітэктуры, але і педагог, і прапагандыст навуковых ведаў. Пад яго кіраўніцтвам напісалі і абаранілі дысертацыі восем кандыдатаў, а таксама восем дактароў навук.

З-пад пяра вучонага выйшла больш двухсот навуковых публікацый, больш двух дзясяткаў кніг. На працягу апошніх гадоў Аляксандр Іванавіч кіраваў шэрагам знакавых праектаў. Ён уваходзіць у аўтарскія калектывы многіх шматтомных выданняў, сярод якіх шасцітомная «Архітэктура Беларусі», «Гарады і вёскі Беларусі», «Нарысы культуры Беларусі», «Беларусы», «Турысцкая мазаіка Беларусі». Акадэмік з'яўляецца членам рэдкалегіі часопіса «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», перыядычнага выдання «Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі», а таксама некалькіх замежных спецыялізаваных выданняў. Да таго ж А. І. Лакотка ўвесь час працуе над укладаннем калектыўных манаграфій і зборнікаў, з'яўляецца навуковым рэдактарам шэрагу кніг, якія выходзяць у Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Аляксандр Іванавіч прадстаўляе Беларусь у маштабных міжнародных праектах: Еўрапейскім савеце па культуры, Міжнароднай арганізацыі народнай творчасці ЮНЕСКА. Ён з'яўляецца акадэмікам Міжнароднай славянскай акадэміі па пытаннях культуры, адукацыі і навукі, членам-карэспандэнтам Міжнароднай акадэміі архітэктуры.

Яго плённая праца адзначана шэрагам падзяк і ўзнагарод, у тым ліку прэміяй Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, прэміяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне».

Нельга абысці ўвагай і мастацкую творчасць А. І. Лакоткі, бо яна арганічна звязана з яго даследчай працай. Яго акварэлі і графічныя работы надзвычай паэтычныя, але ў той жа час у кожнай з іх лаканічнымі сродкамі выяўлены асноўныя прыкметы стылю таго ці іншага будынка. Пяшчотнасць – слова, якім можна ахарактарызаваць акварэлі Аляксандра Іванавіча. Гэта і тое пачуццё, з якім ставіцца аўтар да аб'ектаў свайго паказу, і неад'емны складнік творчай манеры мастака.

У апошні час мы шмат гаворым пра выхаванне патрыятызму ў несельніцтва рэспублікі, асабліва ў моладзі. Але сапраўдны патрыёт той, для каго ёсць на зямлі нешта сакральнае, і перш за ўсё святыні свайго народа. Менавіта нацыянальнае духоўнае жыццё – тое, за што і дзеля чаго можна і неабходна любіць сваю радзіму. Мастацкая творчасць юбіляра не толькі прасякнута гэтым пачуццём (адчуваннем сакральнасці храмаў і ўтульнасці хат, у адзінстве з пейзажамі), але і дэманструе шырокай публіцы тыя самыя айчынныя святыні, бо каб любіць, неабходна ведаць.

Калектыў Інстытута мастацтвазнаўства,
этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 10.12.2024
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-84-88 Received 10.12.2024

ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИЛЕВИЧ
(К 70-летию со дня рождения)

13 февраля 2025 г. исполняется 70 лет Григорию Алексеевичу Василевичу – члену-корреспонденту Национальной академии наук Беларуси, профессору, доктору юридических наук, заведующему кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, занимавшему высшие государственные должности – Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь (1996–2008), Генерального прокурора Республики Беларусь (2008–2011).

Талантливый белорусский ученый, правовед и аналитик, государственный деятель – государственный советник юстиции 1-го класса (генерал-полковник), практик государственного строительства и управления Г. А. Василевич родился в г. Минске, где и окончил среднюю школу.

Свою трудовую деятельность начинал рабочим. После окончания средней школы поступил на юридический факультет БГУ, где был отдельный и очень высокий конкурс среди школьников. Поступил на вечернее отделение, окончил учебу в БГУ на отличные и хорошие оценки. Со второго курса был призван на срочную службу в Вооруженные Силы СССР. Служил два года за пределами СССР, был старшим сержантом роты. После окончания службы в Вооруженных Силах продолжил трудиться в качестве рабочего, затем был принят на работу в юридический отдел с арбитражем Министерства торговли республики.

После успешного окончания в 1980 г. юридического факультета БГУ продолжил обучение в очной аспирантуре университета, с ноября 1983 по 1986 г. преподавал на кафедре государственного права и советского строительства.

В 1984 г. в Харьковском юридическом институте защитил кандидатскую диссертацию по трудовому праву на тему «Трудовой договор с работниками торговли», а в 1994 г. в БГУ – докторскую диссертацию по конституционному праву на тему «Проблемы законотворческой деятельности Верховного Совета Республики Беларусь».

Сфера научных интересов Григория Алексеевича существенно расширилась в связи с переходом в 1986 г. на службу в Секретариат Верховного Совета Республики Беларусь сначала заместителем, а с 1989 по 1994 г. – заведующим юридического отдела. В этот период он «взаимообогащал» науку и практику, активно участвуя как в проведении проверок соблюдения административного, жилищного, земельного, трудового и иного законодательства, так и в реформировании белорусской правовой системы посредством активного участия в подготовке большинства законодательных актов, принятых Верховным Советом БССР (Республики Беларусь) в 1989–1994 гг. Отметим, что их было около пятисот, что соизмеримо с количеством принятых актов Верховными Советами БССР предшествующих созывов начиная с 1938 г. Возглавляемый Г. А. Василевичем юридический отдел тесно взаимодействовал с комиссией по законодательству и иными комиссиями Парламента. Григорий Алексеевич лично инициировал ряд важных предложений по юридическому обеспечению судьбоносных для истории страны преобразований в ее переломный период (1990–1994 гг.) в политической, экономической и социальных сферах. В частности, это касалось подготовки законов об основных приниципах народовластия в Республике Беларусь, о переименовании БССР в Республику Беларусь, ратификации соглашения о создании СНГ и оговорке к нему, о референдуме (народном голосовании) и др. Участвовал в подготовке проекта Закона от 27 октября 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь», который фактически ознаменовал конституционную реформу в государстве.

Григорий Алексеевич по праву может быть назван одним из основных разработчиков нашей Конституции, принятие которой 15 марта 1994 г. является историческим решением, к которому, как говорит он сам, «очень трудно шли депутаты на протяжении почти четырех лет». С момента создания Конституционной комиссии (июль 1990 г.) и до марта 1994 г. он являлся, по воспоминаниям коллег, «неутомимым» ее участником, членом, заместителем руководителя Рабочей группы по подготовке проекта Конституции, успешно преодолевая острые разногласия с оппонентами и вырабатывая оптимальные варианты их разрешения. Красноречивым фактом сложности данного процесса является подготовка членами Комиссии более десяти вариантов текста Конституции. Работая над ним, Григорий Алексеевич и его единомышленники исходили не из конъюнктурных соображений, а из необходимости создания такого документа, который стал бы настольной книгой для каждого государственного служащего, судьи, обычного гражданина. Г. А. Василевич единолично подготовил проект закона о порядке вступления в силу Конституции от 15 марта 1994 г., является автором Закона Республики Беларусь от 25.08.1991 г. № 1017-XII «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь». Данная Декларация имела огромное значение для принятия новой Конституции, поскольку решала вопрос о власти. Объявив суверенитет республики, Декларация закрепила обязанность государства охранять и защищать национальную государственность белорусского народа.

За большой личный вклад в разработку проекта Конституции Республики Беларусь, активное участие в подготовке нового белорусского законодательства, развитие правовой науки Президиумом Верховного Совета Республики Беларусь Григорию Алексеевичу в 1994 г. присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Республики Беларусь». В этом же году он был избран в состав Конституционного Суда, набрав в Парламенте наибольшее количество голосов среди кандидатов.

В ноябре 1996 г. Г. А. Василевич принял участие в подготовке изменений и дополнений в Конституцию, которые Глава государства предложил вынести на республиканский референдум 24 ноября 1996 г. Подготовленный в течение полутора месяцев проект конституционного закона органично вписался в текст Конституции и способствовал дальнейшему динамичному развитию нашего государства, защите прав и свобод граждан, оптимизациии баланса между частными и публичными интересами, создал условия для укрепления законности и борьбы с преступностью. В 2021–2022 гг. он входил в состав Конституционной комиссии и Рабочей группы по подготовке проекта изменений в Конституцию.

Будучи избранным судьей Конституционного Суда (апрель 1994 г.), Григорий Алексеевич всегда отстаивал верховенство принципов и норм Конституции, в том числе прибегая к изложению своей позиции в особых мнениях, имевших серьезный прогностический потенциал и прошедших проверку временем, в частности, относительно «правомерности» бездействия близких родственников лица, готовящего акт терроризма, угрожающего жизни и здоровью людей. С его особыми мнениями, которые опубликованы, можно ознакомиться и сейчас, убедившись, насколько они соответствуют букве и духу Конституции.

Последующая деятельность Г. А. Василевича в течение 11 лет в должности Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь способствовала формированию конституционной практики, отвечающей Основному Закону, становлению института конституционного контроля и правосудия, обеспечению непосредственного действия Конституции, защите прав и свобод граждан. В период с января 1997 по февраль 2008 г. Конституционным Судом был принят ряд важнейших актов, направленных на совершенствование законодательства и приведение его в соответствие с конституционными принципами и нормами, в том числе об обязательности пересмотра приговоров по уголовным делам при изменении санкций в сторону снижения ответственности; о возмещении морального вреда гражданам, потерпевшим от преступлений; о праве на трудоустройство гражданина Беларуси независимо от места прописки; о праве на приобретение жилья в любом населенном пункте Беларуси и др.

С февраля 2008 по сентябрь 2011 г. Григорий Алексеевич занимал должность Генерального прокурора Республики Беларусь. Он придал новый мощный импульс совершенствованию системы органов прокуратуры и повышению эффективности прокурорского надзора, обеспечению единообразия судебной практики. Г. А. Василевич требовал от подчиненных прокуроров, чтобы, осуществляя надзор, они проводили скрупулезную аналитическую работу, предлагали конкретные и реализуемые варианты решений. Одна из сотрудниц Института экономики НАН Беларуси, заведующий сектором центра государственного строительства и права А. А. Трипузова,

которой посчастливилось в то время трудиться под началом Григория Алексеевича, с восхищением отмечает многосторонность и неординарность его личности и таланта ученого и стратега-правоохранителя, «вдохнувшего науку в практическую деятельность прокуратуры», реализовавшего ряд реформаторских идей. В этот период система органов прокуратуры во взаимодействии с иными правоохранительными и другими государственными органами добилась существенного снижения преступности, укрепления законности и правопорядка по другим направлениям деятельности. За четыре года количество убийств, разбоев, грабежей уменьшилось в два раза за счет конструктивного взаимодействия прокуратуры с иными правоохранительными, а также исполнительными и распорядительными органами. В целях обеспечения принципа соразмерности юридической ответственности совершенному деянию Г. А. Василевич инициировал и обосновал необходимость принятия Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 г. № 672), которая способствовала оптимизации уголовной ответственности.

Следует отметить, что Григорий Алексеевич всегда успешно сочетал карьеру государственного служащего с научной и преподавательской деятельностью. В этом плане он всегда выражал слова благодарности Главе государства за предоставление такой возможности. На протяжении многих лет он читает курс «Конституционное право Республики Беларусь» на юридическом факультете БГУ. Его педагогический стаж составляет более 30 лет.

После прекращения государственной службы Г. А. Василевич с сентября 2011 г. и по настоящее время работает заведующим кафедрой конституционного права юридического факультета БГУ, пользуется заслуженным авторитетом и уважением коллег, научного сообщества и студентов. Много внимания уделяет научно-методическому обеспечению образовательного процесса, подготовке учебников и учебных пособий для студентов и магистрантов не только по конституционному праву Республики Беларусь и изданию по данной отрасли единолично подготовленных учебников, но также по трудовому, уголовному праву, основам права. С его участием изданы первые в республике учебные пособия по информационному праву, административно-деликтному праву и др.

Григорий Алексеевич внес заметный вклад в развитие юридической науки во всех ее формах: академической, отраслевой, вузовской, а также в образование и подготовку научных кадров. В отечественной правовой науке из числа последователей и учеников профессора Г. А. Василевича сложилась научная школа конституционного права. На протяжении ряда лет он является председателем Совета по защите диссертаций по юридическим наукам. Под его руководством выполнено и успешно защищено 25 кандидатских и 4 докторские диссертации. Его подход к обучению и преподаванию, основанный на практическом опыте, способствовал формированию нового поколения юристов-государственников, готовых к вызовам современности и участию в управлении делами государства.

Г. А. Василевич ведет активную научную деятельность, выступает с докладами на научных и научно-практических конференциях как в республике, так и за ее пределами. Проводимые под началом и при участии Григория Алексеевича мероприятия отличаются высоким уровнем организации и креативной подачей материала, остротой поднятых проблем и оживленной дискуссией, объединяют ученых и практиков различных отраслей знания и сфер деятельности, создают эффективную платформу для широкого обмена мнениями, знаниями и опытом. С гордостью можно выделить одно из его подобных выступлений 8 декабря 2023 г. на Международном круглом столе «Научно-правовые и экономические аспекты формирования и развития конституционной экономики в Республике Беларусь», организованном Институтом экономики НАН Беларуси.

Высокий профессионализм и твердая гражданская позиция Григория Алексеевича отмечены государственными и ведомственными наградами. Он имеет классный чин Государственного советника юстиции 1-го класса и высший квалификационный класс судьи, академические и почетные звания. Г. А. Василевич является лауреатом премии БГУ имени В. И. Пичеты за цикл учебников и учебных пособий по конституционному праву, почетным профессором Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, почетным доктором Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. За вклад в укрепление конституционной законности награжден Президентом Республики Казахстан юбилейной медалью «К десятилетию Конституции Республики Казахстан» (2005), а также награж-

ден нагрудными знаками «Выдатнік адукацыі» (2005), «Почетный прокурор стран СНГ» (2016), орденом Почета (2021).

Необходимо подчеркнуть, что Международным биографическим центром (Кембридж, Великобритания) Г. А. Василевич включен в список имен выдающихся людей XX и XXI столетий.

Признание Григория Алексеевича одним из ведущих ученых-правоведов подтверждено избранием его в 2017 г. членом-корреспондентом НАН Беларуси.

Ученый входит в состав редакционных коллегий ряда белорусских и российских изданий, участвует в формировании их содержательной политики. Он также является заместителем председателя ОО «Белорусская ассоциация политических наук».

Сложно переоценить научный вклад, наследие и инвестиции Григория Алексеевича в человеческий капитал, развитие не только учения о Конституции и конституционализации отраслевого законодательства, но и в развитие правовой науки в целом, а также в формирование в обществе правовой культуры и конституционного мышления. Он является автором свыше 1000 научных статей, автором и соавтором более 130 книг и монографий, 50 учебников и учебных пособий в области конституционного права, государственного управления, административного, трудового и уголовного права, теории и современной истории государства и права, международного права, прав человека, что указывает на многогранность таланта Г. А. Василевича, его уникальность. Работы Григория Алексеевича получили заслуженное признание как в нашей стране, так и за рубежом, опубликованы в Армении, Болгарии, Германии, Италии, Нидерландах, Польше, России, Турции, Украине, Франции и др.

Широкой научной общественности наиболее известны такие его труды, как «Парламент Республики Беларусь: конституционно-правовой аспект», «Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь», «Конституция. Человек. Государство» в 6 кн., Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь, «Референдумы в Республике Беларусь и ее путь к независимости в конце XX в.», «Конституционное правосудие по защите прав и свобод человека», «Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина», «Белорусское государство на рубеже веков», «Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности – реальный вклад в развитие правовой системы», «Контрольная деятельность Парламента и местных Советов депутатов», «Конституционная основа национальной правовой системы», «1991 год: хроника пикирующей страны», «Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994 гг.)», «Право. Человек. Государство», «Некоторые аспекты применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: идеи, предложения, критический взгляд», «Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе», «Смертная казнь: мировая тенденция и белорусский опыт», «В поиске правовых решений», «Правонарушения. Закон. Ответственность» и др. Под его редакцией неоднократно издавались научные комментарии к Трудовому кодексу Республики Беларусь. В 2017 г. впервые с его участием был издан научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. В 2024 г. увидел свет научно-практический комментарий обновленной Конституции (под редакцией П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича), который уже получил высокую оценку не только в научной среде, но и среди практиков.

Следует отметить, что первые научные статьи Г. А. Василевича были опубликованы в 1982 г. в журнале «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук».

Примечательно, что имя Григория Алексеевича знают и юные граждане Беларуси благодаря адресованным им познавательным книгам профессора и его коллег: «Я – грамадзянін Рэспублікі Беларусь», «Детям о Конституции» и «Детям о выборах». Особое внимание в них уделено истории белорусской государственности и современной Беларуси. Юные читатели узнают, как пользоваться своими правами и ответственно подходить к обязанностям гражданина Республики Беларусь.

Неизменно яркие выступления на дискуссионных площадках, открытость и искренность Г. А. Василевича никого не оставляют равнодушными.

Григорий Алексеевич – выдающийся ученый и государственный деятель, обладающий высочайшим профессионализмом, стратегическим мышлением, исключительной эрудицией и работо-

способностью, огромной жизненной и творческой энергией, который внес весомый вклад в развитие белорусской юридической мысли, укрепление государственности, законности и правопорядка в Республике Беларусь. Это человек, для которого приверженность конституционным идеалам, служение государству и обществу, науке и праву стали призванием. Его деятельность является ярким примером того, как наука и практика могут и должны быть неразрывно связаны, идти рука об руку для достижения общественных целей и научного прогресса.

Редколлегия и редакционный совет журнала «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук», а также коллектив сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси сердечно поздравляют Григория Алексеевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия, новых творческих свершений, удачи и дальнейшего успешного развития научной школы конституционного права под его руководством!

Информация об авторе

Трипузова Антонина Антоновна – заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: antonina.ttt@mail.ru

Information about the author

Antonina A. Trypuzava – Head of the Section of Legal Support of Socio-economic Development of the Center of State Building and Law of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: antonina.ttt@mail.ru